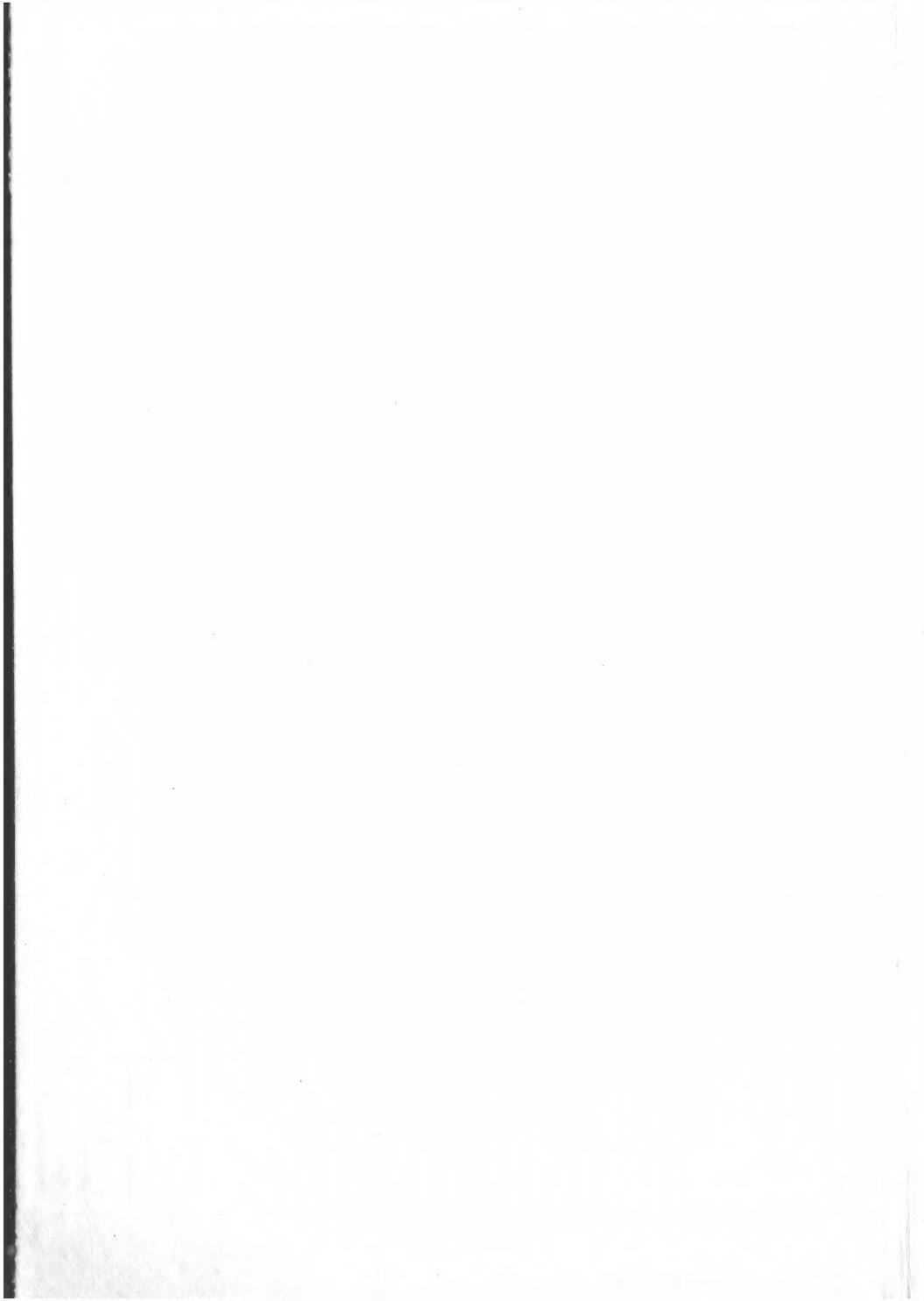

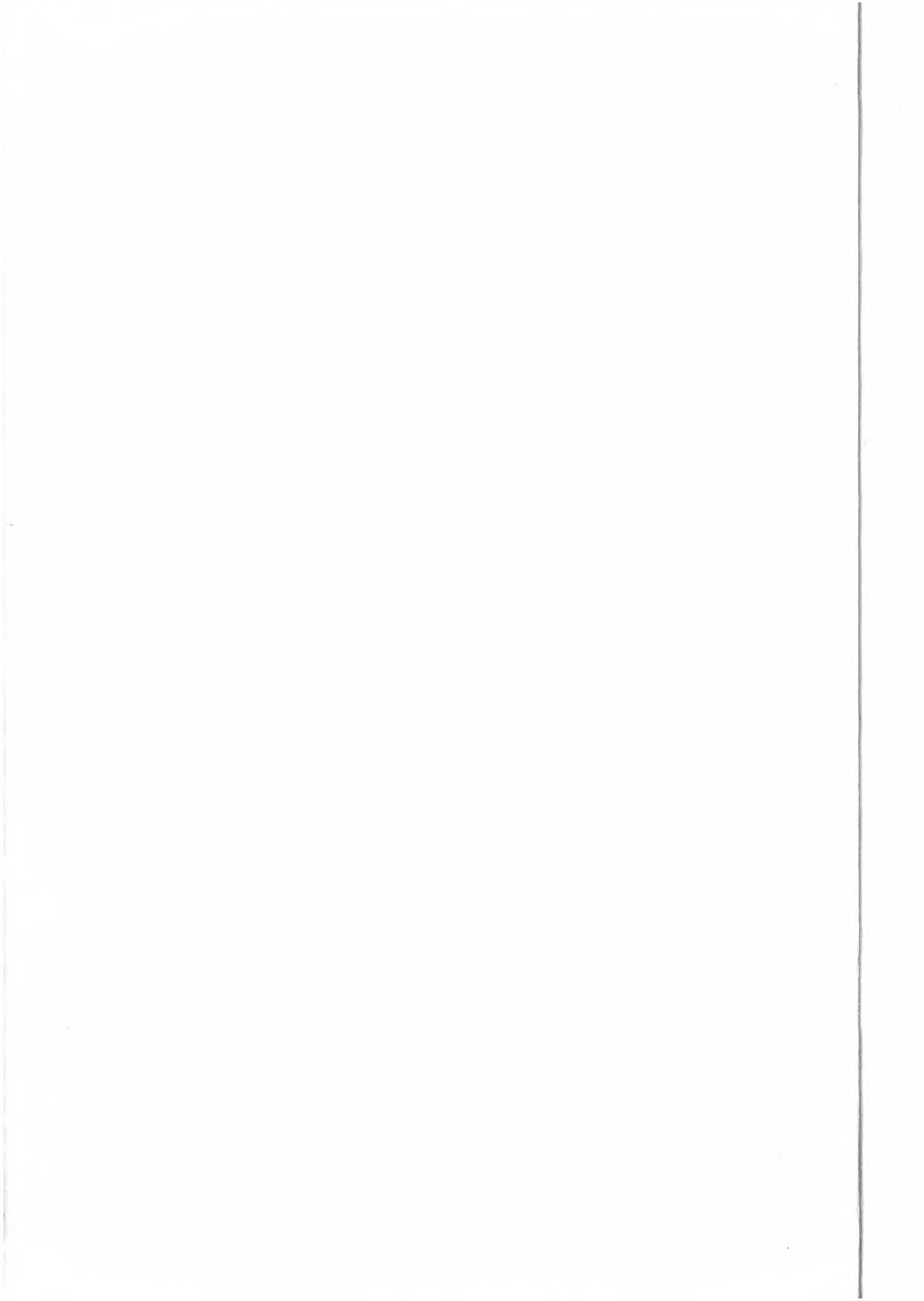
Стафран Скотт

РОМАНОВЫ

Стафран Скотт

РОМАНОВЫ

Царская династия
Кто они были?

Что с ними стало?

Перевод со шведского
Марии Николаевой при участии автора

ЛАРИН
Екатеринбург 1993

ББК 84.4 (4Шв)
С 44

С $\frac{4703010000-001}{Я06/03/-93}$ Без объявл.

ISBN 5—85625—064—8

© Стаффан Скотт, 1989
© Мария Николаева, перевод, 1991

Автор книги — шведский писатель и славист Стаффан Скотт — рассказывает о царской династии Романовых и судьбе ее членов после 1917 года. Книга написана на основе печатных материалов и документов, а также личных встреч с сегодняшними Романовыми.

К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

В двенадцатом томе Советской исторической энциклопедии на столбцах 131—132 можно обнаружить более двадцати вопросительных знаков. На этих страницах помещено родовое дерево династии Романовых от Петра III и до 2 марта 1917 года; двое из родившихся до этой даты живы и по сей день. В родовое дерево включен также Владимир Кириллович, несмотря на то, что он родился после 2 марта 1917 года.

Вопросительные знаки в двенадцатом томе Исторической энциклопедии относятся к членам рода Романовых в эмиграции. Книга, которая к моему удивлению и огромной радости, выходит на русском языке, снимает эти вопросы. А также исправляет некоторые ошибки, например, будто великая княгиня Елена Владимировна (двоюродная сестра Николая II) умерла в 1938 году; на самом деле тогда умер ее супруг, греческий принц, а сама она дожила до пятидесятих годов. Или будто князь Гавриил Константинович, выросший в доме, где размещался Музей Ленина в Ленинграде, умер в 1939 году. В этом году он получил от новоиспеченного претендента Владимира Кирилловича титул великого князя и с этим титулом прожил еще шестнадцать лет.

Все это я говорю не в укор тому, кто составил родовое дерево, ибо оно составлено наглядно и внушительно. Наверное, нелегко было в шестидесятые годы в Советском Союзе получить так много верных сведений. Моя задача была значительно легче, я имел доступ ко всей необходимой литературе и получил возможность расспросить членов семейства Романовых обо всех родившихся после февраля 1917 года; не говоря уже о том, что к моим услугам при поисках нынешних Романовых была отличная шведская телефонная справочная служба.

Это предисловие я пишу, кратковременно отрываясь от почетной работы: я перевожу на шведский язык роман великого белорусского писателя Василя Быкова «Карьер». Речь в нем идет о ветеране второй мировой войны, доценте Агееве, который летом 1980 года с трудом раскапывает песчаный карьер вблизи небольшого белорусского ме-

стечка в надежде обнаружить останки женщины, которую он любил и которая осенью 1941 года ждала от него ребенка.

Ни один русский читатель не может не понять символичности быковского романа, написанного глубоко гуманно и блестяще, как все его произведения. Советским людям еще долго предстоит раскапывать свое прошлое: многое еще предстоит узнать, а многое навсегда кануло в бездну неизвестности.

Мы, инородцы и чужеземцы, принявшие судьбу России как свою собственную, в последние годы со смешанными чувствами следим за политическим и культурным развитием в России.

Свобода слова в России, в частности, привела к тому, что люди вновь обрели историю. Забытые имена извлечены из забвения, описаны многие неизвестные жизни, мы узнали более подробно о судьбах многих людей, убитых во время десятилетий террора. Для жителей Запада ужасы сталинского режима ранее были лишь абстрактными фактами. Со второй десталинизацией в период перестройки эти абстракции материализовались, и чудовищные страдания народов бывшего Советского Союза обнажились даже перед счастливыми народами, которые избежали подобной участи.

Судьбы династии Романовых после гражданской войны (то есть после 1919 года!) на этом фоне выглядят сравнительно идиллически. Когда улегся порох гражданской войны и выжившие Романовы зализали раны и оплакали своих погибших, им не пришлось пережить ужасов, выпавших в последующие десятилетия на долю их бывших подданных.

Я надеюсь, что моя скромная книга о семействе Романовых после 1917 года, а также о его правлении до 1917 года даст ответы на некоторые вопросы и поставит кое-какие вещи на свои места. Я копал на расстоянии и попытался в меру возможностей исправить упущения великих историков в отношении отдельных глав российской истории.

Когда писалась эта книга, еще существовал Советский Союз и в глазах большинства людей наличие настоящего претендента на Российский престол было чистым курьезом. О том, что после революции и гражданской войны остались в живых многие носители славной фамилии Романовых, знали только самые большие эрудиты.

С тех пор многое изменилось. Случилось нечто фантастическое. Распущен Советский Союз, исчезла с политической карты могучая КПСС. А претендент на престол, сын двоюродного брата государя Николая Александровича, великий князь Владимир Кириллович посетил Россию в качестве почетного гостя. В радушном приеме великого князя надо, конечно, в первую очередь видеть похвальное стремление русских властей к примирению с когда-то презираемой русской эмиграцией.

Великий князь Владимир Кириллович, к сожалению, весной 1992 года скончался. В том, что его похоронили в Санкт-Петербурге, я вижу еще одно проявление того же похвального стремления к примирению.

На вопрос о том, кому положено стать следующим главой династии Романовых, ответить должен не автор этой книги, иностранец и республиканец. В то же время я надеюсь, что моя книга прольет свет на претензии внука Владимира Кирилловича и других представителей русской династии Романовых стать главой рода.

Когда человек пишет книгу, нередко случается, что в процессе работы он имеет более или менее ясное представление о характере книги; но когда книга уже напечатана, он вдруг понимает, что в проделанном им труде скрывался еще какой-то подсознательный смысл. Так и с этой книгой. Я понял, что написал маленькую часть истории большой русской эмиграции нашего столетия — эмиграции, которая в свое время очень многое дала Западу в лице живых, сильных, умных людей. Три четверти века Россия продолжала жить за пределами Советского Союза. Я искренне посвящаю это русское издание моей книги своим друзьям, русским эмигрантам, которые научили меня и других иностранцев любить и в меру своих слабых сил понимать Россию. Хотя бы в тютчевском смысле слова.

Как переводчик многочисленных русских писателей: К. И. Чуковского, Ю. В. Трифонова, Л. З. Копелева, Э. С. Радзинского, В. Г. Распутина, Л. Е. Устинова, А. С. Пушкина, А. И. Солженицына, И. А. Крылова, А. Н. Островского, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя и других, полюбившихся моим соотечественникам, — я надеюсь, что внес вклад в дело сближения наших народов; как бы человек ни чувствовал свое бессилие, всегда полезно и никогда не скучно проводить рабочие часы в такой компании.

* * *

В моей книге идет речь о небольшой и почти забытой части огромной русской эмиграции нашего столетия. Немало русских, брошенных судьбой на чужбину и часто замалчиваемых или оболганных, обогатили западную культуру — порой на Западе и не подозревали об этих русских корнях. Кто из жителей Запада знает, например, что всемирно известный французский кинорежиссер Жак Тати происходит из рода Татищевых?

На кафедре славистики Стокгольмского университета в мои студенческие годы преподавали три выдающихся русских педагога: Александра Эйхе, Израиль Миттельман и покойный Сергей Риттенберг.

Предисловие к моей шведской книге для русских читателей мне хочется закончить словами: радуйтесь и гордитесь, что у вас за рубежом были подобные соотечественники.

СТАФФАН СКОТТ

Июль 1992

Вместо предисловия

«Последние Романовы». Существует немало книг с таким названием, это дает повод считать, что династия оборвалась с революцией 1917 года. Другой распространенный предрассудок гласит: «Ленин сверг царя». Однако к осени 1917 года, когда Ленин захватил власть, царь уже был семь месяцев как свергнут. Ибо когда в марте 1917 года Николай II отрекся от престола, Ленин находился в Цюрихе и, читая газеты, не верил своим глазам. Ленин не сверг царя, он распорядился убить его. Это совсем другое дело.

Нет, династия Романовых живет и процветает не хуже любой другой семьи, простой или коронованной. Существует претендент на престол, который родился между Февральской революцией 1917 года и октябрем того же года. Великий князь Владимир Кириллович, так зовут претендента, считается законным обладателем несуществующего российского престола*, он правнук Александра II, отменившего крепостное право, и праправнук Николая I, который разгромил восстание декабристов в 1825 году и втянул Россию в печально известную Крымскую войну.

Смысл жизни великого князя Владимира в том, чтобы быть претендентом в изгнании, он никогда не занимал ни одного поста и нигде не служил. Однако большая часть семейства сама зарабатывает себе на хлеб.

На сегодняшний день существует тридцать с лишним Романовых, не считая тех, кто стал членами семейства путем брачных уз. Еще один праправнук Николая I служит в банке в Копенгагене. Третий занимается муниципальной политикой и бизнесом во Флориде. Один из прапраправнуков ходит в школу на Парк-авеню в Нью-Йорке.

В этой книге повествуется о династии Романовых после русской революции, об этой семье как о части огромной русской эмиграции нашего столетия. Три волны русской эмиграции еще ждут своего летописца. Я же предлагаю вниманию читателя лишь краткое и скромное описание малой и совершенно особой доли этого малоизвестного переселения народов. Я не претендую на исчерпывающее научное исследование. Это история в общих чертах, которая появилась вследст-

* Скончавшийся 21 апреля 1992 года Великий князь Владимир Кириллович в качестве претендента на Российский престол признавался не всей русской эмиграцией. Об этом подробнее см. в главе «Романовы сегодня» настоящего издания (прим. редактора).

вие пробудившегося у меня любопытства: что же в действительности случилось с династией Романовых.

Поскольку о несчастной и принесшей столько несчастий другим последней царской чете написаны горы, а об остальных членах династии почти ничего, я уделяю относительно мало места Николаю II и его супруге, сосредоточивая свое внимание на прочих Романовых.

Среди авторов книг о царственных особах и династиях, как правило, преобладают прямолинейные монархисты. Поэтому нелишне будет сразу заявить, что я убежден в преимуществах республиканского строя — а в моей стране это достаточно актуальный вопрос, поскольку она в течение многих столетий является монархией; впрочем, отрадно заметить, что сия проблема не входит в число безотлагательных. Существует немало специфически шведских явлений и порой недооцениваемых преимуществ Швеции, к ним относится и то, что политики с республиканскими убеждениями сумели так преобразовать монархию, что можно отложить на время вопрос о республике и заняться более насущными делами.

Конституционные монархии в Швеции или Великобритании сегодня уже не столько монархии, сколько республики, в которых наследникам бывших монархий позволено носить прежние титулы и выполнять определенные представительские обязанности; это право они получают традиционным образом, не по выбору, а по рождению, и если их особое положение дает им чуть больше власти по сравнению с рядовыми гражданами, все же эта власть ничтожна рядом с той, которую иные наследуют в виде денег и недвижимого имущества.

Изучать историю Романовых с точки зрения Романовых оказалось исключительно полезным делом для человека, который, подобно мне, тридцать лет посвятил России и Советскому Союзу в качестве переводчика и журналиста.

Большей частью Романовы были реакционными монархами и управляли ничем народом. Говоря словами одного из сегодняшних Романовых: «Возможно, остальные члены семейства сочтут мое высказывание за святотатство, но в революции 1917 года повинен Александр III. За тринадцать лет его правления страна погрузилась в оцепенение, а потом было уже поздно».

Это весьма точное определение политической роли Александра III. Он оставил реформы, осторожно начатые его отцом, и его царствование было тяжелым периодом для стремившейся к прогрессу России.

Однако для *семейства Романовых* он был до мозга костей русским дядей Сашей, суровым русским богатырем, будто из пьес Островского, с веселыми прищуренными глазами и облик самодура лучшего сорта, добрым семьянином, любившим детей, силачом того толка, к которому русский народ всегда был неравнодушен. На фоне общего беспорядка крепкие мужчины неизменно обладают притягательной силой.

Поистине Александр III не был милостив к своему семейству, держал его в черном теле и требовал беспрекословного повиновения; он сократил число тех, кто имел право называться великими князьями, и при необходимости мог крепко отбить родного брата Сергея.

В памяти семейства Александр III остался легендарным богатырем. Но и другой царь предстает в совершенно ином свете с точки зрения рода Романовых,

Великий князь Константин Константинович в роли Иосифа из Аримафеи в собственной пьесе «Царь Иудейский»

а именно Николай I (1825—1855), во все времена предаваемый анафеме за реакционную политику. Он подавил первую запланированную революцию против царской власти — восстание декабристов. Он по мелочам придирался к великому русскому поэту Пушкину, считая при этом, что оберегает его поэтический талант. По этой и по другим причинам русские и зарубежные историки, особенно за последние семьдесят лет, оценивали его крайне отрицательно.

Однако современный и отнюдь не реакционный историк Брюс Линкольн относится к нему с пониманием. В действительности России во времена его правления жилось довольно хорошо; недостатком Николая I была не его «реакционная политика», а то, что в период его царствования страна пришла к застою, при котором поражение в Крымской войне оказалось неизбежным. То, что он «преследовал прогрессивно настроенных», несомненно, но сегодня, в конце XX века, это кажется до смешного ничтожным. С тех пор русская интеллигенция подвергалась таким преследованиям, по сравнению с которыми меры Николая I против писателей и мыслителей выглядят невинными, как школьная порка. Мандельштам, Бабель, Анна Ахматова и тысячи других, менее известных писателей были бы рады подвергнуться николаевским гонениям вместо сталинских.

Если даже цари предстают перед нами в ином свете, то о прочих членах династии и говорить не приходится. Даже вполне разумные и сдержанные авторы подчас описывают династию Романовых черными красками и лицемерно осуждающим тоном. Великие князья и их домочадцы изображаются ленивыми вырожденками, которые якобы даже не умели как следует говорить по-русски.

Разумеется, были среди них и бездельники и тунеядцы, но их было не больше, чем в любой русской дворянской семье или в аристократическом или королевском роду других стран. Чем-чем, а вырожденками Романовы не были. Во всех княжеских фамилиях существует опасность браков между близкими родственниками, но, посмотрев внимательно на родовое дерево, мы убедимся, что притока свежей крови было куда больше, чем кровосмешения, в котором подчас упрекали Романовых. Сравнив династию Романовых с аналогичной семьей, к примеру, в США, где члены семьи то и дело переезжают с места на место, мы не обнаружим среди Романовых больше больных или бесплодных. В династию постоянно поступала свежая кровь из немецких княжеских домов, откуда Романовы привозили себе невест, кстати, всегда из протестантов, которым проще было перейти в православную веру. Браки между близкими родственниками случались редко. Более того, один брак между кузенами вызвал громкий скандал; государь был против этого брака, но отнюдь не только из-за близкого родства. Впрочем, история великого князя Кирилла и его возлюбленной Виктории Мелиты настолько примечательна, что заслуживает особой главы.

Я повстречался с некоторыми из сегодняшних Романовых. Вырожденцами их никак не назовешь. Они говорят на изысканном русском языке, бережно храня его. Но и на многих их пращуров, что в свое время стояли у власти, трудно наклеить отрицательный ярлык.

Великий князь Николай Михайлович был добросовестным историком и ездил в Париж работать в архивах, а не тратить деньги на пиршества и балерин. В частности, он написал объемистую биографию Александра I и был столь ярым приверженцем западноевропейского парламентаризма, что его едко называли Филиппом Эгалите — в тех кругах отнюдь не лестное сравнение. После революции его расстреляли в Петропавловской крепости в Петрограде.

Его дядя Константин Николаевич в свое время требовал от своего брата Александра II отменить крепостное право и самолично участвовал в проведении этой исторической реформы. Когда в 1881 году Александр II был убит террори-

Царь Николай II в форме кавалергарда. Подобно групповым портретам коронованных особ в других странах, картина представляет собой монтаж, где великие князья срисованы с разных фотографий. Позади государя гарнируют десять великих князей, слева направо: великий русский полководец Николай Николаевич, генерал-адмирал Алексей Александрович, Павел Александрович, старший мужчина в роду Михаил Николаевич, реакционный и талантливый Владимир Александрович, мемуарист Александр Михайлович, Андрей Владимирович, Сергей Александрович; справа от государя литератор Константин Константинович и, наконец, брат последнего Дмитрий Константинович. Судя по подписи, картина выполнена в 1896 году, в таком случае — к коронации Николая; возможно, датировка более поздняя. Из четырех всадников справа крайний правый, с внушительными усами, — барон Фридерикс, впоследствии министр двора, а дородный мужчина в темной папаше — предыдущий министр двора граф Воронцов-Дашков. Двое седоусых всадников в белых папашах, вероятно, генералы Ванновский и Обручев

стами, Константину Николаевичу пришлось уйти со всех постов: Александру III не нужны были либеральные дядя в правительстве.

Сын великого князя Константина Николаевича продолжал либеральную политику отца, хотя и на менее высоких постах. Сына тоже звали Константином. Подобно всем членам династии, он был офицером и уделял большое внимание военным училищам. Как и во многих других странах, значительная часть народного образования в России осуществлялась в армии. Будучи генерал-инспектором военно-учебных заведений, великий князь Константин Константинович часто сам вел занятия с новобранцами.

Но прежде всего он прославил семейство Романовых как литератор. Под псевдонимом К. Р. (Константин Романов) он был известным писателем, конечно, не равным Чехову или Достоевскому, но вполне даровитым русским писателем, произведения которого вошли бы в историю и без великокняжеского титула. Он переводил Шекспира и других классиков и сам играл Гамлета, ибо также страстно любил театр. Его пьесу «Царь Иудейский» дозволялось ставить лишь для узкого круга, поскольку, по мнению Русской церкви, в ней было слишком много отклонений от общепринятой трактовки событий. Константин приучил своих подчиненных-офицеров хотя бы несколько вечеров в неделю уделять не пьянке, а чтению книг. В его семье регулярно устраивались поэтические вечера. Из сохранившихся программ вечеров видно, что туда включалась отличная музыка и литература, не утратившая значения и в наши дни. Как и в доме Николая II, здесь читались откровенно оппозиционные писатели; представьте себе, что в доме Брежнева по вечерам читали бы вслух Солженицына!

Параллель с Брежневым возникла не случайно. Я и дальше буду делать подобные сравнения. Вне всяких сомнений, два последних царя привели Россию к краху, ибо за ними последовала гражданская война и жуткий сталинский террор. Уже современникам Николая II было очевидно, что он привел Россию к краю пропасти, вина же Александра III стала ясна значительно позже.

Но сегодня можно согласиться в одном, и я знаю, что многие советские читатели в эпоху гласности Горбачева меня поддержат: чем бы ни запятнали себя цари и великие князья, рядом со Сталиным они предстают невинными ягнятами.

Эта книга появилась в результате интереса к судьбе Романовых после революции. Если местами в ней можно усмотреть попытку их оправдания, она не намеренна. Это лишь следствие трагической истории Советского Союза.

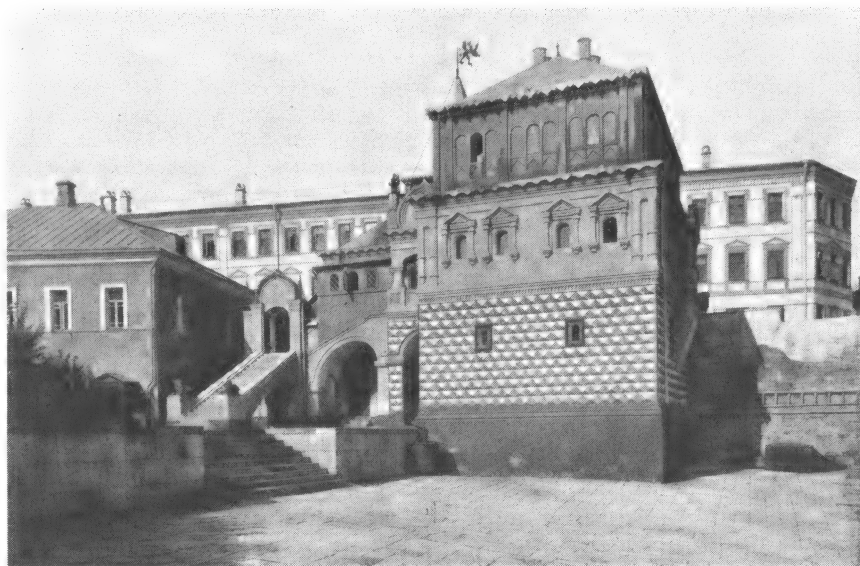

Триста с лишним лет

Династия Романовых правила Россией триста четыре года: с 1613 по 1917 год. В 1913 году торжественно отмечалось трехсотлетие династии. Шведский принц Леннарт, в настоящее время живущий на острове Майнау в Боденском озере в Швейцарии, присутствовал на этом юбилее и рассказывал мне, что «и сегодня мог бы с закрытыми глазами найти свою комнату в Кремле», где он жил. Но хотя праздновалось 300-летие *династии* Романовых, едва ли можно было одновременно отметить 300-летие *семейства* Романовых. С одной стороны, семейство Романовых, разумеется, существовало и до 1613 года. Но дело не только в этом.

В подробных нерусских перечнях королевских домов всего мира мы найдем династию не «Романовых», а «Голштейн-Готторп-Романовых». Последнюю царицу столь удручало сие обстоятельство, что она пыталась запретить немецкий придворный календарь «Альманах де Гота» к распространению в России. Придворной канцелярии стоило большого труда убедить ее, что подобный запрет только привлечет внимание к мелочи, на которую никто не обращал внимания. Более того, редакция «Альманаха» могла бы обидеться и вообще вычеркнуть «Голштейн-Готторп-Романовых», написав взамен «Салтыковы».

В том, что члены, с точки зрения здравого смысла, разных семей (понимаемых в обычном европейском смысле — «от отца к сыну») сменяют друг друга внутри одной династии, нет ничего уникального. Шведский король Густав III настаивал на том, чтобы его называли потомком рода Васы, хотя родство было весьма отдаленным. Кстати, он тоже был чистокровным Голштейн-Готторпом. Таких примеров в истории немало. Если вашу маменьку зовут Екатерина Великая и она утверждает, что вы Романов, хотя ваш папа (официальный папа) рожден Голштейн-Готторпом, вы сми-

Дом бояр Романовых в Москве, старинная фотография. В 1960-е годы рядом была построена огромная гостиница «Россия»

ряетесь с этим и признаете себя Романовым, особенно имея в виду, насколько Россия больше Голштейн-Готторпского княжества. А она неизмеримо больше.

Как шведскому королю скорее пристало быть потомком легендарного Густава Васы, так и русскому царю больше подходит в качестве прародителя московский боярин, нежели немецкий герцог.

Ниже следует краткий обзор истории династии.

ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ РОМАНОВЫХ: 1613 — 1725

МИХАИЛ (1613 — 1645)
АЛЕКСЕЙ (1645 — 1676)
ФЕДОР (1676 — 1682)
ИВАН V (1682 — 1696)
ПЕТР I (1682 — 1725)

Точки обозначают годы правления — каждая точка соответствует одному году.

Московского боярина, от которого ведут свое происхождение Романовы, звали *Роман*. Насколько известно, он умер в 1543 году. Имя Роман происходит от латинского «*романус*», то есть римлянин. В Москве, рядом с нынешней гостиницей «Россия», сохранился дом, принадлежавший семье Романовых. Но, поскольку имя Роман было достаточно распространенным, множество русских носит фамилию Романов, не имея никакого отношения к царской династии.

В историю вошли двое из детей боярина Романа: Анастасия, любимая жена Ивана Грозного, и ее брат *Никита*, который верой-правдой служил своему зятю Ивану Грозному, оставаясь в стороне от его злодейств.

У Никиты было много детей, в том числе Федор Романов, который на старости лет сделался патриархом и принял имя Филарет. Его сына звали Михаил. В начале семнадцатого века Россию раздирали войны, междоусобицы и иноземные вторжения, в частности со стороны Швеции, и в стране не было законного правителя. Благодаря Никите и Анастасии у семейства Романовых была хорошая репутация, и потому в феврале 1613 года шестнадцатилетний сын патриарха *Михаил Федорович* был избран царем. Эту весть преподнесли ему в Ипатьевском монастыре в Костроме, в четырехстах километрах от Москвы. Запомните это название — Ипатьевский монастырь.

Михаил был болезненным юношей, однако процарствовал тридцать два года, до 1645 года. Его сменил сын *Алексей*, который также правил долго, почти тридцать один год. После Алексея начались сложности с престолонаследием.

Алексея сменил в 1676 году его пятнадцатилетний сын *Федор*, который процарствовал всего шесть лет и умер в 1682 году, после чего на трон взошли его братья *Иван V* и *Петр I*.

Два сводных брата «правили» вместе четырнадцать лет. При восшествии на престол Ивану было шестнадцать, а Петру десять. Ситуация была абсурдной: слабоумный Иван и крупный, не по годам развитый Петр сидели рядом на специально построенном для них троне, а властная сестра Софья правила за них. Двойной трон с отверстием, через которое Софья шепотом отдавала братьям приказы, выставлен сегодня в Оружейной палате в Москве.

Когда Петру исполнилось семнадцать лет, ему это надоело, он захватил власть и по древней испытанной русской традиции упрятал Софью в монастырь. Зато слабоумный брат продолжал оставаться вторым царем до своей смерти в 1696 году. У него были нормальные дети.

Силач Петр вошел в историю как «Петр Великий». Он был жестоким правителем, который поставил себе цель преобразить свою отсталую страну по западному образцу. Несмотря на европейскую одежду и про-

Отец Петра I, царь Алексей

грессивные начинания, он был своенравным деспотом, под стать своему предшественнику Ивану Грозному.

Советские историки делают любопытные различия между царями. Так, в Большой Советской энциклопедии нет портретов царей XIX века,

Вероятно, приукрашенный портрет слабоумного сводного брата Петра I, Ивана

Еще один приукрашенный портрет — властная сестра Петра I, Софья

но есть портреты более древних правителей. Последней удостоилась портрета в Большой Советской энциклопедии Екатерина Великая. Дальше такой чести не заслужил никто. О царях девятнадцатого века можно прочесть лишь злые слова, в то время как Иван Грозный и Петр I, купавшиеся в крови, изображаются положительно. В энциклопедии сталинской эпохи Петр I назван «великим государственным деятелем, полководцем, морским стратегом и дипломатом». Там же указывается, что «классики марксизма-ленинизма научно и убедительно показали классовый характер реформ Петра и их огромное прогрессивное историческое значение». Однако после смерти Сталина в советских справочных изданиях появилась критика зверств Петра.

Сталин всегда требовал, чтобы писатели и кинорежиссеры возвышали Ивана Грозного и Петра I. В стремлении развивать свою страну они прибегали к любым недозволенным методам, даже к нечеловеческим жестокостям и геноциду, поэтому двести лет спустя Сталин видел себя наследником их деяний.

Сегодня, в конце двадцатого века, трезвые советские историки говорят: это миф, будто благодаря жестким методам Сталина страна двину-

Обманчиво идиллический семейный портрет Петра III, Екатерины Великой и их сына Павла, кисти Р. Матье. Картина, подаренная шведскому королю Густаву III, находится в замке Грипсхольм неподалеку от Стокгольма

лась вперед. Террор, пятилетки, коллективизация *затормозили* развитие страны, утверждают сегодня критически настроенные ученые.

Точно так же отдельные исследователи отрицают значительность петровских реформ. Он так спешил и применял столь грубые методы, что после его смерти страна вернулась в прежнее состояние. Нельзя одним мановением изменить народ, построив новую столицу, сбрав людям бороды, переодев в современное платье и приказав собираться на политес. Куда важнее были административные реформы Петра, но и они изменили не так много, как мы часто думаем. По сути дела, он был отвратительным типом.

По примеру предшественника, Ивана Грозного, Петр даже убил своего сына, хотя и не собственноручно, как Иван.

Петра сменила на престоле его вторая жена, Екатерина I. Из всех русских правителей у нее было, пожалуй, самое странное прошлое: дочь простого прибалтийского крестьянина и вдова шведского солдата. Своему мужу Петру она была преданной женой, оказывая ему поддержку и принося душевный покой.

ВТОРОЕ СТОЛЕТИЕ: 1725 — 1801

ЕКАТЕРИНА I (1725 — 1727)	..
ПЕТР II (1727 — 1730)	...
АННА (1730 — 1740)
ИВАН VI (1740)	—
ЕЛИЗАВЕТА (1741 — 1761)
ПЕТР III (1761 — 1762)	..
ЕКАТЕРИНА II (1762 — 1796)
ПАВЕЛ (1796 — 1801)

Семьдесят шесть лет, с 1725 по 1801 год, разумеется, не составляют целого столетия, но если мы разделим период царствования Романовых на три части, то это будет вторая часть. Ибо начиная с Екатерины I в истории России началась совершенно особая эпоха. В это время, говоря словами современного русского историка в эмиграции, судьбу страны вершили военные диктатуры, сажавшие на престол женщин в надежде, что теми будет легче управлять. Петр просидел на троне сорок три года — дольше, чем кто-либо из Романовых. После **него**

быть мужчиной на русском престоле стало опасно. Быть царем всея Руси в восемнадцатом веке было просто-напросто вредно для здоровья, судите сами:

Петр II умер очень молодым, после всего трех лет у власти, впрочем, естественной смертью.

Иван VI правил чуть больше года (его лишили престола в возрасте года и трех месяцев от роду, остаток жизни он провел в заточении и в возрасте двадцати четырех лет был убит).

Петр III пробыл царем полгода и был убит.

Павел правил четыре года и был убит.

Насколько известно, Павел был убит с молчаливого согласия своего сына, а Петр III — по приказу жены, Екатерины Великой. Таким образом, на ее совести было два царя, ибо с ее ведома закончил свои дни в заключении бывший Иван VI.

Поистине это было мрачное столетие для российских правителей мужского пола. Утверждения, будто мир был бы лучше, если бы им правили женщины, не найдут поддержки в русской истории восемнадцатого века: с вышеупомянутыми короткими перерывами там правило пять женщин подряд (а во время непродолжительного царствования Ивана VI регентом была его мать), но от этого отношения между людьми не стали более теплыми, человечными и всепрощающими.

В восемнадцатом веке в династии Романовых происходит чрезвычайно важное с точки зрения ее легитимизации смещение. *Петр II*, умерший в 1730 году в возрасте четырнадцати лет, был внуком Петра I и сыном царевича Алексея — наследника, убитого собственным отцом. Тем самым Петр II был последним прямым потомком по мужской линии боярина Романа из шестнадцатого века.

Петра сменила на престоле *Анна*, дочь Ивана V, слабоумного брата Петра I. Она не оставила наследников.

После Анны на престоле оказался внук ее сестры, вышеозначенный младенец *Иван VI*.

Следующей правительницей стала Елизавета, дочь Петра I и Екатерины I. Ее сестра, по имени Анна, была замужем за герцогом Голштейн-Готторпским. У Анны был сын Карл Петер Ульрих. Он сделался наследником престола, а его жена, немецкая принцесса, стала впоследствии *Екатериной Великой*. Петр III был, следовательно, внуком Петра I. Но он был не Романовым, а Голштейн-Готторпом.

Ко всему прочему многие историки утверждают, что наследник Петра III, Павел, был зачат в тот период, когда супруга Петра Екатерина состояла в связи с членом древней русской дворянской семьи Салтыковых. У официального отца, Петра III, не было других детей, в том числе

от многочисленных любовниц, замечают трезвые историки, добавляя: либо он был импотент, либо бесплоден, либо и то и другое.

Поэтому род Романовых после 1796 года мог бы с успехом носить фамилию Салтыковы, как тот сатирик, который лучше всех отобразил их эпоху.

ТРЕТЬЕ СТОЛЕТИЕ: 1801 — 1917

<i>АЛЕКСАНДР I (1801 — 1825)</i>
<i>НИКОЛАЙ I (1825 — 1855)</i>
<i>АЛЕКСАНДР II (1855 — 1881)</i>
<i>АЛЕКСАНДР III (1881 — 1894)</i>
<i>НИКОЛАЙ II (1894 — 1917)</i>

Теперь мы можем выбросить из головы запутанные династические отношения восемнадцатого века, ибо вся нынешняя династия Романовых ведет свое начало от Николая I, сына Павла, который, в свою очередь, возможно, был сыном немецкой принцессы и русского дворянина Сергея Салтыкова.

После убийства Павла царем стал его старший сын *Александр*. Он умер в 1825 году, не оставив наследников.

По правилам царем должен был стать второй сын, Константин, но он от престола отказался. Он жил в Варшаве, и прошло несколько недель, прежде чем ситуация в Петербурге прояснилась. За это время группа радикально настроенных дворян предприняла попытку мятежа, получившую название восстания декабристов.

Константин развелся со своей первой женой и женился на польке не княжеской крови, поэтому его дети не могли бы наследовать престол. Младший из четырех братьев, Михаил, умер бездетным. Таким образом, все сегодняшние Романовы являются потомками третьего брата, *Николая I*.

В девятнадцатом веке династия сильно разрослась. Подъем жизненного уровня в Европе не только привел к увеличению населения, что, в свою очередь, вызвало переселение народов и многое другое; разрастались и княжеские дома.

Итак, в девятнадцатом веке в престолонаследии наблюдается закон и порядок. Цари живут долго, и нет недостатка в наследниках мужского пола. Военным диктатурам не приходится разыскивать дальних родственников, чтобы посадить их на трон под радостные крики подкупленной лейб-гвардии.

Когда мы смотрим на имена русских царей в девятнадцатом веке, нас поражает одна мысль. С Александра I начинается чередование имен Александр и Николай, которое нарушается тем, что *Александра II* сменяет не Николай, а его сын *Александр III*.

Но дело в том, что его должен-таки был сменить Николай! Так звали старшего брата Александра III, но сей Николай Александрович умер от чахотки в возрасте двадцати двух лет. Если бы он успел жениться на своей невесте, датчанке по имени Дагмар, и у него родился бы сын, того, по всей вероятности, называли бы Александром.

Но наследник Николай умер в Ницце в 1863 году, истощенный чахоткой, как многие в роду Романовых, почти по одному в каждой семье. Его брат Александр получил после него и невесту и престол. Николай не единственный из царских детей умер молодым; хотя род в девятнадцатом веке сильно разросся, многие княжеские отпрыски умирали в младенчестве или ранней юности. У *Николая II* был младший брат, который скончался от туберкулеза в двадцать восемь лет.

Вернемся, однако, к Николаю I. У него было четверо сыновей, которых звали Александр, Константин, Николай и Михаил — в точности как их отца и его братьев! Поэтому ныне здравствующих Романовых можно разделить на четыре ветви:

АЛЕКСАНДРОВИЧИ
КОНСТАНТИНОВИЧИ
НИКОЛАЕВИЧИ
МИХАЙЛОВИЧИ

Цари принадлежали к ветви *Александровичей*. Из этой ветви сегодня осталось лишь два потомка мужского пола: претендент Владимир и американский бизнесмен Пол Р. Ильинский, а также сыновья последнего.

Из многочисленной когда-то ветви *Константиновичей* не осталось ни одного мужчины (разве что двое Романовых, исчезнувших без вести после революции, чудесным образом выжили в Советском Союзе).

У двоих оставшихся *Николаевичей* нет сыновей.

Поэтому в следующем поколении почти все мужчины рода Романовых будут потомками ветви *Михайловичей*, а именно внука Николая I, великого князя Александра Михайловича, одного из самых привлекательных персонажей в поздней истории семейства, основателя русской военной авиации и блистательного, хотя не особо правдивого мемуариста. Он был женат на сестре последнего царя, и у него было множество сыновей, которые вместе с Полом Р. Ильинским во Флориде позаботились о продолжении рода Романовых.

СЕМЬ ПОСЛЕДНИХ ЦАРЕЙ

ПАВЕЛ (1796 — 1801)

Можно сказать, что современная история династии Романовых начинается с царя Павла — во-первых, он, очевидно, не был потомком прежних Романовых, во-вторых, с его правлением приходит конец эпохе, которую можно назвать гвардейским матриархатом (когда гвардия сажала на престол женщин), и наконец, все последующие Романовы ведут начало от его третьего сына.

Павел Петрович завоевал славу сурового вояки и поклонника дисциплины. Существует известный анекдот о том, как полк, который проявил недостаточное усердие на параде, получил от государя немедленный приказ: «Шагом марш в Сибирь». Ничего не поделаешь, прямо в парадной форме полк промаршировал на восток, и родным пришлось посылать вдогонку теплые вещи. Говорят, полк успел дойти до Новгорода, пока его вернули.

Но истоки такой репутации на самом деле интереснее, чем может показаться поначалу. В действительности с «суровым воякой» Павлом дело обстояло следующим образом.

Когда он родился, на троне сидела Елизавета. Она приказала забрать новорожденного младенца у матери (будущей Екатерины II) и сама занялась его воспитанием. Впоследствии Екатерина повторила этот бессердечный поступок, когда у Павла появились свои дети. Можно только гадать, какие шрамы оставили подобные жестокости в душах молодых матерей.

Павел был болезненным, малорослым ребенком и в первые годы жизни получил совсем не то воспитание, какое мечталось Екатерине. Он стал пугливым и нервным. Когда он подросток, ему дали многостороннее и хорошо продуманное образование, которое могло бы сделать его просвещенным монархом.

Мать Павла Екатерина Великая, правившая Россией после смерти Елизаветы, не доверяла сыну. Она осыпала богатствами и другими знаками милости своих многочисленных фаворитов, а наиболее компетентных назначала на высокие посты. На своего сына и наследника она почти не обращала внимания. От этого в нем неизбежно должен был развиваться основательный и в своем роде уникальный эдипов комплекс.

Поначалу Павел был нежным, образованным и умным юношей. Получив возможность показать себя настоящим мужчиной, такой человек редко упустит ее. Образованный царевич превратил свою усадьбу в Гатчине

в настоящую казарму. Он ударился в крайность и безжалостно придирался к мельчайшим деталям и формальностям в поведении своих солдат.

В результате дисциплинарного рвения он также навел порядок в российском престолонаследии. Закон о престолонаследии, на который опирается нынешний претендент, восходит к Павлу и образцом имел немецкий.

Один советский историк в эмиграции заметил, что правители России, сменяя друг друга, непременно восставали против порядков предшественника. Сталин быстро покончил с прагматической политикой Ленина, которая после гражданской войны успешно вела Советский Союз к процветанию. Хрущев прекратил ужасы сталинского террора. Брежневская эра была реакцией на угрозу со стороны Хрущева против советской бюрократии. Андропов, сменивший Брежнева, намеревался ввести дисциплину и жестоко расправится с упадком и застоём брежневской бюрократии. Месяцы, пока у власти был Черненко, обозначили возрождение брежневщины после непродолжительной эпохи Андропова. Горбачев уже успел порвать с казённым марксизмом и жестким гнетом предыдущей эры советской истории.

То же происходило и при царях: это отметил ещё легендарный русский историк Ключевский. Режим Павла порывал с предыдущей эпохой, эпохой его матери, когда традиционное деспотичное самодержавие и распущенные придворные нравы восемнадцатого века покрылись тончайшим налётом просвещения. Сам Павел был сравнительно добродетельным супругом, его внебрачные связи были весьма скромными по сравнению с похождениями его матушки: список её любовников напоминал бы реестр лейб-гвардейского полка, а то и бригады. Но в первую очередь Павел порвал с теми кругами, которым покровительствовала его мать.

Как президент Никсон, по мнению многих, был повержен не потому, что нарушил закон, а потому, что представлял угрозу для традиционных центров власти в США, так и Павел был свержен из-за непродуманных поступков; просто он выбивал почву из-под ног тех, кому благоволила Екатерина. Он был убит 11 марта 1801 года в Михайловском замке, где в соседней комнате спал его сын, престолонаследник Александр Павлович, — по его же собственному признанию, Александр был готов к случившемуся. Сострадательные историки пытаются найти хоть малейшую возможность утверждать, что убийство отца во время дворцового переворота было неожиданностью для наследника. Это трогательная забота о его репутации.

Екатерина Великая, ее сын Павел и внук Александр I. С гравюры Больдта

Правление Александра I было богаче драматическими событиями, нежели правление любого из последующих царей, а их жизнь тоже едва ли можно назвать однообразной.

Царствование Александра началось, как мы знаем, с убийства отца в замке, где Александр спал (или лежал и ждал сообщения об убийстве). За время своего правления он пережил войну с Наполеоном, где ему порой приходилось спасаться верхом от побеждавших французов. Великая армия Наполеона захватила страну, дошла до самой Москвы и бесславно вернулась в Европу, ничего не добившись. Через несколько лет Александра как победителя приветствовали в Париже и Вене, ибо к тому времени он стал самым могущественным монархом Европы. Его смерть оказалась столь же обгащенной кровью, как восхождение на трон. Роковое восстание декабристов было вызвано неясной обстановкой в стране: Александр не оставил наследников, а его брат Константин от престола отказался.

Сама его смерть в Таганроге у Азовского моря навсегда осталась загадкой, подобной мифу об Анастасии сто лет спустя. Действительно ли Александр умер в 1825 году? Или в гроб положили тело другого человека, а набожный, склонный к философии царь удалился от мира и стал отшельником? И сегодня находят люди, которые твердо придерживаются этой версии.

Скептик, скорее, предпочтет отметить, что смерть Александра окутана мраком тайны и невозможно просто решить, что якобы царь обманул свой народ. Можно задуматься, почему его хоронили в закрытом гробу, а не в открытом, как предписывает русский обычай; что он вообще делал зимой в Таганроге; почему его вдова осталась там и не участвовала в похоронах в Петербурге? В конечном счете интереснее размышлять над этими загадками, чем давать всеобъемлющие ответы, которые быстро теряют свое очарование.

Приземистый, малопривлекательный и бестолковый Павел оставил после себя рослых сыновей. В дальнейшем в роду Романовых преобладали высокие мужчины, и все цари отличались крупным телосложением, за исключением последнего, который был чуть ниже среднего роста и постоянно досадовал, что выглядит коротышкой рядом со своими внушительными дядьями. Павел был женат на принцессе из рода Вюртемберг; «не оттуда ли или из прусского королевского дома появилась склонность к высокому росту?» — спрашивает один из далеких потомков, Николай Романович, сам высокого роста. А Николай II своим низким ростом был обязан своей замечательной матери, крошке-невеличке Марии Федоровне, она же датская принцесса Дагмар.

Предок всех нынешних Романовых: Николай I

Склонность к высокому росту, разумеется, относится к области курьезов. Важнее другое: четверо царей, предшествовавших Николаю II, были умными или, по крайней мере, решительными, в то время как Николай, на собственную беду и на беду всего русского народа, не отличался ни тем, ни другим. Александр I обладал приятной наружностью и просвещенными идеями. О нем редко говорят дурные слова, приберегая их на долю его

младшего брата Николая I. Александр был склонен к философствованию и глубоко религиозен — что особенно разительно на фоне его бесконечных любовных увлечений, которые чаще всего рисуются в романтическом свете. В официальном браке у него было две дочери, умершие в младенчестве.

В начале своего царствования Александр предстает странной смесью идеалиста и трезвого политика. На престол он вззошел очень юным, в возрасте двадцати трех лет, находясь под влиянием идей Просвещения. Когда ему случалось выносить приговор своим мятежным дворянам, он говорил: «Я не могу судить их слишком строго, я сам когда-то разделял их убеждения». Впоследствии он стал непримирим ко всему, что воспринимал как революционные течения, и пытался объединить всех монархов Европы против мятежных тенденций.

Когда Александр в 1825 году умер, не оставив наследников, ближе всего к престолу стоял его брат, великий князь Константин. Но, как уже говорилось, Константин не хотел быть царем. Он отказался от престола в пользу своего младшего брата Николая, которому было тогда двадцать девять лет. Николай не получил воспитания, приличествовавшего наследнику. Может быть, именно потому он стал сравнительно хорошим царем, с точки зрения царизма.

Великий князь Константин Павлович, который не захотел стать царем, относится к числу самых странных персонажей русской истории. Рядом со своими красавцами братьями Александром и Николаем он был малопривлекателен. Во время службы наместником в Варшаве⁴ он показал полную неспособность сочетать твердость и дипломатический такт в общении с гордыми поляками — вероятно, ему недоставало ни того, ни другого. По мнению многих, он более других братьев походил на своего отца Павла. Со своей первой женой, одной из многочисленных немецких княжон в истории дома Романовых, он развелся и женился на польской дворянке. Вследствие жесткого павловского законодательства о престолонаследии его дети от этого брака не могли претендовать на корону. Возможно, поэтому он не пожелал сменить Александра на престоле. Возможно также, что убийство отца оставило в его душе такие раны, что он не хотел быть царем. Он также мог воочию наблюдать прелести царского образа жизни — и это его отпугнуло. Наконец, логично предположить, что Александр согласился на морганатический брак брата при условии, что тот откажется от своего места в престолонаследии.

О пылом темпераменте и неуравновешенности Константина сложено немало анекдотов. Однажды он грубо оскорбил целый полк и был вынужден при полном сборе офицерства просить прощения. При этом он с кривой усмешкой добавил, что если кто-то из господ офицеров требует

удовлетворения, то он к их услугам. Такова была принятая формулировка для вызова на дуэль.

Тогда из рядов верхом на лошади выскочил офицер Лунин. Позже Лунин прославился как один из легендарных декабристов, провел десятилетия в каземате и был убит в тюремной камере. Но в то время это был юный сорвиголова, который галопом поскакал к великому князю Константину и заявил, что не может отказаться от такой чести.

Великий князь, разумеется, вовсе не рассчитывал на подобный оборот, и молодой храбрец пришелся ему по душе. Он отклонил разговор о дуэли, ибо для брата государя дуэль была исключена. Вместо этого он сделал Лунина своим приближенным.

НИКОЛАЙ I (1825 — 1855)

Излюбленными объектами ненависти в официальной советской историографии по вполне понятным причинам всегда были Николай I и Александр III. Николай начал свое правление с того, что собственной персоной руководил подавлением восстания декабристов в Петербурге. Пятерых декабристов он повесил, а остальных отправил в Сибирь. Он также заложил основу знаменитой царской полиции с ее печально известным Третьим отделением. После старшего брата, который хотя бы поначалу отличался просвещенными взглядами, Николай I был нарочито грубым солдафоном и не церемонился с либералами.

Так, хотя и в более резких тонах, гласит советская история, и все это, бесспорно, правда. Но по сравнению с условиями, в которых жили сами советские историки, реакционный режим Николая I выглядит идиллией. Читая в советских источниках описания Третьего отделения, тайной полиции Николая I, можно только иронически улыбаться. Среди множества обвинений мы встречаем эпизод, когда Третье отделение в полном составе праздновало какой-то юбилей в известном ресторане в Петербурге, вмещавшем от силы сотню гостей.

Сталинский НКВД или андроповский КГБ с их огромным штатом не могли бы устроить совместный банкет даже на футбольном поле.

Рядом с другими правителями своего времени Николай I не был ни особенно жестоким, ни своенравным, ни деспотичным. С другой стороны, естественная реакция на бесконечные обвинения в адрес Николая в советской истории не должна застилать нам глаза на его несправедливую польскую политику или на преследования несчастных российских евреев.

Николай был военным, никакого другого образования он не получил. Он высоко ценил дисциплину и был настоящим реакционером по сравне-

нию со своими предшественниками Павлом и Александром, а также по сравнению со своим сыном Александром II, который в отличие от отца умел мыслить в политических терминах. Но как Александр II стал таким? Дело в том, что реакционер отец дал ему прогрессивное образование. Николай осознал, что его собственное, одностороннее военное воспитание было недостаточно для государя, и нужно признать, что набрал преподавателей для сына из числа «оппозиционных», если так можно выразиться, российских интеллигентов или, во всяком случае, близких к оппозиции. Остается лишь сожалеть, что прогрессивно настроенный Александр II не сумел дать *своему* сыну Александру III столь же прогрессивного образования.

Николай был отличным военным, не хуже своего правнука Николая II, а может быть, и лучше. Подобно Николаю II, он был также образцовым семьянином. Вечерами в семье часто музицировали, и сам государь играл на корнете. Он радел о братьях Константине и Михаиле. Он также больше заботился о своих детях, чем какой-либо отец императорской крови до него. В роду до сих пор сохранилась приписываемая ему поговорка: «Ведите себя так, чтобы вам прощали, что вы родились великими князьями».

Это высказывание можно толковать по-разному. Во все времена подданные терпели в меру распущенный образ жизни своих сюзеренов и их сыновей. В силу высокого положения им это было простительно, а народ получал развлечение и компенсацию того, что сам не мог себе позволить подобных вольностей. Действительно, иные князья именно такой образ жизни и вели.

Николай всегда спал на простой солдатской кровати, укрываясь солдатской шинелью. Это стало традицией для мужчин рода Романовых и часто преподносится как нечто героическое. Однако жесткая солдатская кровать, вне всякого сомнения, полезна для спины, а русская солдатская шинель была достаточно большой. Кроме того, интересы династии требовали частых визитов в более просторное и мягкое ложе супруги.

Особенность самодержавия состоит в том, что оно со временем ослепляет самодержца, будь он монархист или коммунист; так случилось и с Николаем I. Он сильно переоценил военную мощь России, что сказалось на исходе Крымской войны. Однако самое частое обвинение в адрес Николая касается преследований Пушкина — что же это были за преследования, по русской мерке? Николай портил жизнь Пушкину не больше, чем любому писателю портят жизнь рецензенты, издатели и сборщики налогов. Утверждение, будто двор «погубил Пушкина», доведя его до дуэли, абсурдно. Тот, кто в конце двадцатого века еще верит в это странное клише сталинского литературоведения, может почитать блистательную биографию Юрия Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин». Пуш-

кин сам довел дело до дуэли, хотя и не без помощи гомосексуалиста Дантеса, скомпрометировавшего жену Пушкина, чтобы прикрыть собственную малопривлекательную интимную жизнь. Дантес убил Пушкина на дуэли, получив от Пушкина письмо такого содержания, что по тем временам обязан был либо вызвать обидчика на дуэль, либо покинуть страну. Несомненно, смерть Пушкина была огромной трагедией для русской литературы, но винить в ней Николая или двор наивно.

В действительности Николай пекся о судьбе русской литературы (впрочем, литература от этого только проиграла) и обещал Пушкину быть его личным цензором. Разумеется, эта обязанность Николаю быстро наскучила, и он передал ее еще менее компетентному лицу. После Николая I русские цари мудро избегали вмешиваться в литературную жизнь. Следующим русским правителем, проявившим горячий интерес к изящной словесности, был не кто иной, как Сталин. Как известно, в юности, задолго до того, как кому-то пришло в голову дать ему кличку Сталин, Иосиф Джугашвили писал и печатал стихи; а на старости лет регулярно приглашал к себе правление Союза писателей — в числе немногих, кого допускал до себя в те суровые годы. Мы знаем, что Сталин позвонил Пастернаку и спросил, действительно ли Мандельштам великий поэт; Пастернак замешкался с ответом (а кто не замешкался бы с оценкой своего главнейшего соперника?) и потом не мог простить себе всю жизнь, ибо Сталин повелел казнить Мандельштама, а в придачу еще, по меньшей мере, тысячу писателей. Ничего подобного Николай I не творил, хотя с рядом писателей и впрямь обошелся сурово. Но во времена его царствования оппозиционные писатели умирали собственной смертью — или на дуэлях, к которым он не имел отношения.

«Николай не был тираном или чрезмерно жестоким», — утверждает его сегодняшний западный биограф; такое же мнение мелькает среди традиционных обвинений. Он правил Россией эффективно и оставил страну своему преемнику не в худшем виде, чем получил ее от предшественников. По сравнению с последним он предстает весьма гармоничным правителем. Он не был просвещенным либералом, но таких не часто встретишь ни среди коронованных особ, ни среди избранных народом владык. Конечно, Россия бы выиграла, если бы он начал политические реформы и попытался воспитать у подданных уступчивость, самостоятельность, чувство ответственности и другие демократические добродетели. И все же не стоит рисовать его одними черными красками только за то, что он всего этого не сделал.

Его сегодняшние апологеты не без оснований подчеркивают, что легендарно реакционный Николай I дал своему сыну Александру целый ряд либеральных и просвещенных учителей, словно желая подготовить

наследника к новым временам; он также послал сына в поездку по Сибири, где тот встречался с политическими ссыльными и затем просил для них помилования. Подобная сознательная двойная игра была распространена в России.

*

Существует старый анекдот о том, как Николай ехал в экипаже с царевичем Александром и его наставником поэтом Василием Жуковским. Невинный царевич увидел на заборе известное слово из трех букв и спросил Жуковского, что оно означает. Государь с интересом посмотрел на Жуковского, ожидая, как мастер слова выйдет из положения.

— Ваше императорское высочество, — ответил Жуковский, — это повелительное наклонение от глагола «ховать».

Государь промолчал. Но по возвращении домой он улыбнулся Жуковскому, отстегнул цепочку с дорогими золотыми часами и протянул поэту со словами:

— Х... в карман!

Эта история наверняка выдумана и, скорее всего, единственное доброе, что рассказывалось о Николае I за последние семьдесят лет.

АЛЕКСАНДР II (1855 — 1881)

С Николая I и его сына Александра II в русском престолонаследии установился порядок.

Когда в 1855 году Николая сменил его сын Александр, впервые за сто восемьдесят лет сын занял место отца на престоле без кровопролития, убийств или мятежей (предыдущим был Федор в 1676 году). Это повторилось всего один раз; вообще таких случаев было четыре за все триста четыре года правления Романовых в России.

Для Александра II оказалось немаловажным, что его отец в свое время не был подготовлен к царствованию. Николай был, как мы помним, третьим сыном и не предназначался в наследники. Он вступил на престол в 1825 году двадцатидевятилетним красавцем с военным образованием. Тридцать лет он правил Россией, как командовал бы пехотным полком, но, судя по всему, он сознавал, что бывают и другие, более удачные методы.

Александр был прекрасным наследником, умным, рослым и способным к учению. Вступив на престол, он начал проводить целенаправленные либеральные реформы. Во многом улучшилось положение еврейского населения. Оппозиционные писатели получили возможность

уехать за границу, многих выпустили из тюрем и вернули из ссылки. Женщинам было разрешено учиться в университетах. Принадлежавшая России Польша, которая после восстаний во времена Николая страдала под жестоким гнетом, получила послабления. Усовершенствовалось судебное дело.

Но прежде всего Александр отменил крепостное право. Подготовку этой реформы интересно сравнить с нынешним периодом России, горбачевской «перестройкой». В целом познавательно провести параллели Андропов — Горбачев и Николай I — Александр II: реакционный приверженец железной дисциплины сознательно воспитывает преемника, способного осуществить реформы.

Либеральные реформы Александра не так уж неожиданны, как может показаться на первый взгляд. Еще Николай считал английский парламент высшей формой правления, придававшей Англии силу. Но он не рассчитывал одним махом ввести в России подобные институты власти — в России, где не было опыта демократического управления.

В свою очередь, отмена Александром крепостного права указывала на его отличное представление о преимуществе демократии.

Многие из его венценосных предшественников раздумывали об отмене крепостничества: не только в силу его безнравственности, но прежде всего потому, что оно тормозило экономическое развитие страны. На примере других стран было невооруженным глазом видно, что чем свободнее чувствует себя крестьянин, тем он лучше работает и тем эффективнее оказывается армия. Единственным препятствием было ущемление интересов дворянства. Слишком уж много российских правителей свергалось, а то и убивалось недовольным дворянством, не стоило спешить с решением вопроса, который неизбежно вызвал бы серьезное возмущение среди нетерпимой русской знати.

Поэтому Александр учредил разнообразные комитеты, в которые сознательно поместил носителей разных точек зрения. Более того, многие из его советников были в принципе против отмены крепостного права. Реформе предшествовало долгое маневрирование, упражнения в искусстве компромиссов и в том, что с некоторой натяжкой можно назвать парламентарными формами правления.

Разумеется, в конечном счете решение принимал государь. Но он был вынужден согласиться на компромисс, на менее радикальное предложение, чем ему бы, вероятно, хотелось. Крестьяне получили очень мало земли, и то на кабальных экономических условиях. И тем не менее Александр выработал действующий компромисс — в истории России, увы, случай уникальный.

Бесконечно терзаемая Польша, вернее, та ее часть, которая принад-

Александр II; на диване под портретом сидит его правнук, нынешний претендент на престол великий князь Владимир с дочерью Марией и женой Леонидой. Фотография 1964 года

лежала России, и при Александре II поднимала восстания, в частности в 1863 году. Восстание было подавлено, однако польские крестьяне были освобождены от крепостного права на более выгодных условиях по сравнению с русскими.

В 1877 — 1878 годах Александр вел войну с Турцией и помог православному болгарам завоевать независимость. Насколько мне известно, в России не сохранилось памятников Александру II, но памятник на Сенатской площади в Хельсинки стоит и по сей день, семьдесят лет спустя после того, как Финляндия получила независимость от России: в знак признательности за его благосклонность к Финляндии. Даже в коммунистической Болгарии сохранили статую Александра II в Софии, правда убрав его имя с постамента. Его называли «царем-освободителем», ибо он дал свободу и болгарам, и русскому крестьянству.

Александра часто представляют неуравновешенным, чувствительным, порой не владеющим собой. Последнее могло быть следствием астмы — эта болезнь иногда связывается с приступами гнева. Он был неравнодушен к прекрасному полу — довольно распространенная слабость, которую коронованным мужчинам легко удовлетворить. Однако эта нормальная черта у него нередко изображается как нечто граничащее с неумейной похотливостью, как ни странно, более всего в преклонные годы, когда он не только развлекался одновременно с несколькими красавицами, но и вступил в более прочную связь, где у него появились дети. Эту связь он узаконил, что привело к конфликту с детьми от первого брака.

В юности у пылкого наследника было немало сложностей с сердечными увлечениями. С двумя из них ему, можно сказать, крупно не повезло. Первая его влюбленность была безнадежной, потому что дама его сердца была незнатной польской девушкой, вторая страсть была невозможна, потому что на этот раз предметом ее стала английская королева. Юная Виктория, еще не связанная обетом верности с немецким принцем Альбертом, судя по всему, также была равнодушна к Александру. Впоследствии они нравились друг другу значительно меньше.

Тогда Александр женился, очевидно удачно, на немецкой принцессе, как все Романовы после Петра I, кроме Александра III, который все делал наперекор отцу. Царственная супруга Александра II, Мария Александровна, урожденная принцесса Максимилиана Вильгельмина Гессенская, была изначально слаба здоровьем, и после восьми родов к тридцати

шести годам врачи запретили ей продолжать супружеские отношения. Несчастливая женщина болела туберкулезом, и можно только поражаться, что она вообще сумела родить такое количество детей и что шестеро из них достигли взрослого возраста. Ее старший сын также умер от туберкулеза.

Сама она скончалась в возрасте пятидесяти пяти лет, 9 июня 1880 года. 18 июля царь Александр обвенчался с Екатериной Долгоруковой, выдержав на редкость короткий траур. По русскому обычаю следует подождать, по меньшей мере, год после смерти супруга, прежде чем вступать в новый брак. У новобрачных уже было трое детей: сын Георгий и дочери Ольга и Екатерина. Георгий, 1872 года рождения, умер в 1913 году, но его сын Александр, внук освободителя крестьянства, родившийся в 1900 году, сам в 1961 году обзавелся сыном Георгием: так что потомки Александра II тоже были не лыком шиты.

Старшего сына Александра, который умер от туберкулеза, звали, как мы знаем, Николай. Остальных сыновей звали Александр, Владимир, Алексей, Сергей и Павел. Из них только у Владимира и Павла на сегодняшний день сохранились наследники по мужской линии.

Было бы крайне несправедливо упрекать Александра в том, что он так поспешно женился на своей многолетней любовнице Кате, как он ее называл. Только двое из его многочисленных детей признавали внебрачную связь отца: дочь Мария и наименее известный из сыновей, великий князь Алексей. У последнего, впрочем, самого было рыльце в пушку по части любовных историй.

Прочие дети решительно осуждали амурные Александра II с Катей, и было очевидно, что волевой наследник Александр не станет церемониться с папашинной любовницей в тот день, когда папаша не станет. Будучи законной вдовой папаша, она была гораздо надежнее защищена от посягательств решительного пасынка. Александр настолько стремился ни в чем не походить на отца, что был, доподлинно известно, верным супругом.

Что думала по этому поводу больная в течение двадцати лет царица, можно только гадать. Ее отец, великий герцог Гессенский, тоже сожительствовал с дамой низкого происхождения, даже не дворянкой, и женился на ней после смерти законной супруги. По всем источникам, великий герцог Гессенский вообще не был биологическим отцом царицы: когда она родилась, он и великая герцогиня уже много лет не жили вместе, и вероятным отцом ребенка называли начальника дворцовой конюшни. Сие обстоятельство было отлично известно и Александру, и Николаю I, когда они просили руки принцессы, но практичный государь согласился с наследником: важно, кто считается официальным отцом

На гравюре того времени царь Александр вылезает из экипажа, чтобы осмотреть последствия первой бомбы, — тогда Гриневицкий бросает вторую бомбу. По некоторым сведениям, царь ехал в санях, по другим — в экипаже

нареченной; а великий герцог был человеком великодушным и не вмешивался в дела законной супруги, если она, в свою очередь, закрывала глаза на его интимную жизнь.

Сохранились свидетельства очевидцев того обеда, на котором Александр II представил семейству свою морганатическую супругу. Великие князья были очарованы прелестной молодой женщиной, которая, по всей видимости, была надежной подружкой жизнелюбивому главе рода; она производила впечатление робкой и напуганной встречей с ними. И все же ей был вынесен суровый приговор; великие княгини готовы были выцарапать ей глаза, и к тому же за обедом она в присутствии гостей назвала своего супруга, самодержца всея Руси, Сашей.

К 1881 году на Александра было совершено шесть покушений. Он был не чужд предрассудков и однажды услышал от гадалки, что переживет семь покушений — ему оставалось одно. Его пытались убить самые разные люди: поляк, сумасшедший студент, рабочий, тайком пронесший динамит в комнату под парадной столовой в Зимнем дворце.

Продуманные и осторожные реформы Александра не удовлетворяли молодых радикалов. Многие студенты участвовали в движении «хождение в народ», которое окончилось провалом, во-первых, потому, что с народом оказалось труднее говорить, чем они предполагали, а во-вторых, потому, что власти пресекали их деятельность. После многочисленных судебных процессов и тюремных приговоров из этого движения выросла небольшая революционная группа «Народная воля». Она подготовила и осуществила ряд покушений.

И наконец, одно из них удалось: последняя отчаянная попытка покушения, когда группа уже, собственно, была разгромлена, а ее лидер и многие члены сидели в тюрьме. 1 марта 1881 года, когда царь возвращался домой после парада в Михайловском манеже, в его сани была брошена бомба. Сани были бронированы, и царь остался невредим, но лошади, пешеходы и солдаты лейб-гвардии были убиты или ранены. Вместо того чтобы немедленно позаботиться о собственной безопасности, государь вышел из покореженных саней, обозрел повреждения и подробно расспросил о том, что произошло. Поблизости стоял наготове поляк Гриневицкий, который подошел к государю и бросил вторую бомбу; и сам он, и государь были тяжело ранены и скончались в тот же день.

На письменном столе государя лежал проект еще одной реформы. По некоторым свидетельствам, документ лежал неподписанным в том самом кабинете в Зимнем дворце, куда привезли умирающего. Законопроект касался учреждения выборного собрания — не конституции или парламента в европейском понимании, но института, который мог бы положить начало развитию в этом направлении.

Убийство Александра II положило конец всем подобным начинаниям. Его реакционный сын Александр III после смерти отца прекратил даже самые робкие реформы и либеральные преобразования. Тем самым к моменту революции в феврале 1917 года демократически настроенные русские политики имели за плечами всего лишь десятилетний опыт парламентской деятельности (к тому же без тех прав, которыми обладают парламенты на Западе); исчислялся этот опыт тридцатью пятью годами — что было, как видим, теоретически не исключено, — страна, *возможно*, не оказалась бы в том хаосе, при котором всего через восемь месяцев власть захватили большевики.

Осторожные рассуждения в этом направлении не лишены смысла.

Ибо тогда ответственность за октябрь 1917 года в равной степени ложится и на Александра III, и на революционеров, убивших его отца.

Тем не менее не стоит односторонне осуждать ни того, ни других. Революционеры имеют право на такое же оправдание, как реакционные цари. Их лидеры Андрей Желябов и Софья Перовская, а также все их товарищи были идеалистами. Разосланный в том же году их уцелевшими товарищами манифест проливает свет на их мировоззрение.

Дело в том, что в 1881 году при покушении был убит не только правитель России. Чуть позже от руки убийцы пал американский президент Гарфилд. Как же отреагировали на это остатки террористов «Народной воли»? Почувствовали моральную поддержку в том, что и в далекой Северной Америке у них есть единомышленники? Послали убийце дружеское приветствие?

Нет. Они выразили «свою глубокую солидарность по поводу скорби американского народа» и протест против подобных актов насилия. «В стране, где личная свобода дает возможность честной и мирной борьбы между различными убеждениями, где свободная воля народа не только устанавливает законы, но и определяет, кому принадлежит власть, — в такой стране политическое убийство как орудие борьбы является проявлением той деспотии, которую мы стремимся уничтожить в России».

Александр II был убежденным самодержцем — но он был также сознательным и планомерным реформатором, единственным в своем роде среди русских царей или правителей после падения царизма. Ясно, что именно ему суждено было быть убитым (Петр I не был реформатором, он был революционным тираном на престоле).

А как же с гадалкой, предсказавшей, что Александр переживет семь покушений? Неужели она ошиблась?

Нет, говорили суеверные современники. Седьмое покушение он действительно пережил, это была *первая бомба*.

Бомба Гриневицкого была восьмым покушением.

АЛЕКСАНДР III (1881 — 1894)

Когда в Зимний дворец привезли смертельно раненного Александра II, перед дворцом собралась огромная толпа. Как только все было кончено, из дворца вышел новый царь в военном мундире. На мгновение он застыл по стойке «смирно», отдавая честь своему народу, а затем кинулся в сани и в бешеном темпе помчался прочь по широким улицам Петербурга, сопровождаемый эскадроном верховых казаков лейб-гвар-

Царь Александр III с сыном Николаем, дочерью Ксенией, женой Марией Федоровной и сыном Георгием, умершим молодым. Александр III привел Россию к застою и был жестоким и реакционным правителем — и все же неотразимой русской фигурой, первым бородатым царем за сотни лет

дии в полной боевой готовности. Эта сцена глубоко символична и предвосхищает всю последующую эпоху русской истории.

С политической точки зрения правление Александра III никак нельзя оценить положительно. Он был реакционером и антисемитом, он на целых тринадцать лет остановил развитие страны и оставил ее в руках неопытного, неподготовленного и неумного сына без каких-либо помощников.

Можно задать вопрос, почему на смену осторожно-прогрессивному Александру II непременно должен был прийти столь реакционный наследник, как Александр III. Вспомним, однако, что первоначально он не предназначался в наследники. Старшим сыном Александра II, как мы помним, был Николай — одаренный, стройный и красивый юноша с совершенно иным характером, нежели дюжий грубиян Александр III. Но Николай умер в возрасте двадцати двух лет, а следующим братом был богатырь Александр, которому от брата досталась невеста, дочь датского короля Дагмар, личность довольно незаурядная.

Сын прогрессивного Александра II оказался реакционером по целому ряду причин. Во-первых, конфликт поколений. Почти во всем Александр поступал вопреки воле отца. К тому же его воспитывали консервативные учителя. Первым наставником и главным политическим советником Александра III был легендарный Константин Победоносцев, вечное пугало Российской империи. Его лозунгом было заморозить Россию, чтобы скопившаяся в ней гниль не распространилась и не уничтожила ее навсегда. Однако он не понимал, что «замораживание» лишь отодвигало проблемы до тех пор, пока они становились действительно неразрешимыми. Тень Победоносцева со временем легла и на Николая II, что сыграло не менее роковую роль.

Но вернемся к жесткой реакционной политике Александра III: царем он стал в результате покушения на отца. Все семейство бежало по залитым кровью ступеням Зимнего дворца в комнату, где содрогалось в последних предсмертных муках обезображенное тело государя — по всем законам природы было чудом, что он еще дышал. Его молодая жена, родившая ему четверых детей, но бывшая к тому времени венчанной женой менее года, бросилась на шею супруга, который был вдвое старше ее. Жена наследника Мария Федоровна держала в руках коньки: она каталась на коньках, когда ее застала весть о несчастье. Такого ей не

Так жила большая часть русского населения. Неприсязательная харчевня, подается только каша.

случалось видеть в мирной Дании, где она была милой принцессой Дагмар. Тут же находился ее маленький сын Николай. В этой комнате он в тот же день сделался царевичем — до смерти деда царевичем был его отец. Теперь же отец стал государем вся Руси.

Стоит призадуматься над этой жуткой сценой. Даже либерально настроенный наследник едва ли после нее стремился бы к реформам. Александр получил поддержку своим реакционным убеждениям. А девятую из тех, кто наблюдал смерть Александра II, сами тридцать семь лет спустя были убиты большевиками. Как это бывает в странах, где отсутствует демократия, все изменилось в мгновение ока. Новый царь дал отставку либеральным помощникам Александра II. Национальные меньшинства империи подверглись русификации, что, естественно, привело к возникновению воинствующих националистических движений в Армении, Грузии, Финляндии, Эстонии, Лифляндии, Литве, Украине и других местах. Финляндия всегда была лояльной, спокойной и легко управляемой провинцией, понявшей, что кошке не тягаться со львом. Александр себе на горе превратил Финляндию в пригретую на груди змею. Еврейское население России стало жертвой многочисленных актов дискриминации, в том числе погромов, на которые полиция и жандармы смотрели сквозь пальцы.

Поскольку я назвал Александра III антисемитом и то же обвинение можно не без оснований предъявить его сыну Николаю II, на этом вопросе имеет смысл остановиться более подробно.

Антисемитизм в России и Советском Союзе только подтверждает, что «еврейского вопроса» как такового никогда не существовало. Существует проблема антисемитизма. Антисемитизм начинается как симптом прочих недугов общества, но постепенно превращается в болезнь сам по себе. Мало какие явления столь же губительны для экономики и нравственного климата любой страны.

В виде наследия царизма сегодня в паспорте каждого советского гражданина указано, что он русский, эстонец, украинец, грузин, узбек, молдаванин — или еврей. Большинство иностранцев не верит своим ушам, когда слышит об этом, и многие советские люди тоже отрицают противопоставление русского, еврея, украинца или человека любой другой национальности.

После деяний Гитлера и нацистов антисемитизм стал столь взрывоопасным понятием на Западе, что с ним приходится обращаться чрезвы-

Два любителя розыгрышей: царь Александр III и его сын Михаил, который в течение одного дня в 1917 году был последним русским царем. На этой фотографии 1894 года уже ясно видно, что государь страдает недугом, который преждевременно свел его в могилу

чайно осторожно. Но если мы скажем, что традиционный антисемитизм был столь же отвратителен до Освенцима, все-таки он не был учением об уничтожении нации. Существует поучительная история об Александре III и его министре финансов Сергее Витте. Александр высоко ценил Витте, несмотря на жену-еврейку; ему было далеко до последовательной политики национал-социалистической Германии. Государь обратился к министру финансов по вопросу, который, собственно, находился в ведении министерства внутренних дел. Александр объяснил, что решил раз и навсегда покончить с революционной деятельностью евреев в России и не намерен останавливаться ни перед какими мерами, в чем и просил совета Витте.

Сергей Витте ответил государю, что, как русский самодержец, он имеет право прибегнуть к самым крайним полицейским мерам против евреев, что он даже может собрать все семь миллионов проживающих в России евреев на берегу Черного моря и утопить их (тут государь помрачнел), но что, по его мнению, полицейские методы не дадут желаемого результата, а, напротив, приведут к ожесточению евреев и усилению их революционной деятельности. Что касается второго способа — утопить евреев в море, то он, Витте, убежден, что государь, как христианин, никогда на него не пойдет, и к тому же такое решение катастрофически отразится на государственном бюджете России, ибо зарубежные банки, целиком и полностью находящиеся в руках еврейских семей, откажутся иметь дело с Россией.

На фоне событий в Европе пятьдесят — шестьдесят лет спустя это любопытный анекдот, кстати пересказанный Александром Давыдовым, большим другом российского еврейства. Он проливает свет, во-первых, на то, почему в революционном движении было так много евреев, а во-вторых, почему в разных концах России существовало мнение, будто еврейские финансовые круги в Западной Европе поддерживают русских революционеров. Такая поддержка действительно порой имела место, но, разумеется, не была решающей для революционной деятельности.

То же странное убеждение, будто еврейские революционеры и еврейские банкиры состояли в некоем заговоре, мы находим в записках жены великого князя Георгия, Марии Георгиевны. Судя по ее воспоминаниям, ей (и многим другим) казалось особенно унижительным, что среди пришедших к власти большевиков было так много евреев, что страной

стали заправлять те, кто раньше был в числе униженных и угнетенных. Предпринимая в Англии отчаянные попытки спасти своего супруга из застенков ЧК, она обратилась с просьбой о помощи, в числе прочих, к влиятельным еврейским кругам в Лондоне, указывая, что председателем петроградской ЧК был в то время еврей (Урицкий), как и многие другие в большевистском административном аппарате. Удивленные английские банкиры посочувствовали несчастной женщине, но, естественно, ничем не могли ей помочь: русские большевики в последнюю очередь прислушались бы к английским капиталистам, несмотря на общее вероисповедание предков.

Антисемитизм был повсеместно распространен в царской России и проникал во все слои общества, провозглашался церковью и практиковался полицией. Даже величайший русский писатель Чехов в начале творческого пути грешил самым вульгарным антисемитизмом. Но его взгляды претерпели существенные изменения, и к концу жизни он порвал со своим консервативным издателем Сувориным из-за разногласий по делу Дрейфуса. Русская интеллигенция начинала осознавать безнравственность и гнусность антисемитизма.

В первые десятилетия Советской власти антисемитизм был невозможен. Он противоречил социалистическим лозунгам, которые в то время еще имели значение, а кроме того, существенная часть выдающихся революционеров была еврейской национальности: Зиновьев, Каменев, Троцкий... Но примитивный антисемит Сталин все повернул по-своему. Под конец жизни он развернул мощную антисемитскую кампанию, предлюдию к которой была разыграна еще в конце второй мировой войны, на встрече в Кремле в 1944 году «по еврейскому вопросу». Во вступительной речи Сталин призвал быть «осторожнее» при назначении евреев на руководящие посты, но всем стало ясно, что в конечном счете это означает отстранение евреев с государственных постов. За встречей последовало письмо Маленкова, так называемый «маленковский циркуляр», обращенный к партийным комитетам на разных уровнях, с указанием, на какие должности не следует брать евреев. Результатом стала гротескная антисемитская кампания, которая продолжалась до самой смерти Сталина и сейчас отошла в область истории, но далеко не всем известно, что она началась еще во время войны. Ничего не меняет, что среди ближайших соратников Сталина все время был еврей Лазарь Каганович: по свидетельству Хрущева, Сталин часто выступал с антисемитскими высказываниями, но не в присутствии Кагановича.

Все это имеет непосредственное отношение к характеру русского антисемитизма, которым грешили и Александр III, и Николай II (но, вероятно, не Александр II). Сказанное не означает, что русский антисемитизм

менее отвратителен, чем любой другой. Следует, однако, отметить, что два русских царя *не выделялись* антисемитизмом, а лишь разделяли антисемитские взгляды, распространенные в Российской империи (и по всей Европе, где имелось сколь-нибудь заметное еврейское население).

В империи, где государи разрешали погромы даже против невинных женщин и детей, начали возникать общественные институты, которые вселяли надежду на лучшее, в частности свободные, независимые суды. На знаменитом процессе Бейлиса в Киеве в 1911 — 1913 годах еврей был обвинен в ритуальном убийстве русского мальчика; несмотря на то что абсурдное обвинение поддерживалось полицией и печально известной «черной сотней», суд оправдал Бейлиса, ибо обвинение не выдерживало пристального рассмотрения в суде.

В советское время таких судов пока не было.

Если режим Александра III отличался многочисленными реакционными чертами и мерами, ведущими к задержке развития страны, то в нем наблюдалась и другая сторона, а именно: быстрый рост промышленности, часто в сочетании с жуткими условиями труда рабочих. Самым положительным в политике Александра III был его решительный отказ от военных авантур, несмотря на самоуверенность, заносчивость, национализм, почти доходящий до шовинизма, что обычно плохо сочетается с последовательной мирной политикой.

Если бы не реакционная внутренняя политика, то его приверженность миру и личные качества сделали бы его исключительно привлекательной исторической фигурой.

Он был русским до мозга костей, высокий и сильный, как былинный богатырь, а также упрямый и своевольный, как самодур из пьес Островского. На неофициальных фотографиях в нем угадывается чувство юмора, взгляд прищуренных глаз выражает насмешливость. Однажды, когда он ловил рыбу в финском архипелаге, адъютант принес ему телеграмму из Европы, на что он кратко ответил: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». Подобные слова вызывают уважение рыболова любой национальности.

Он любил играть и возиться с детьми, и дети любили его. В гостях у своего датского тестя он нередко ползал на четвереньках, в то время как королевские отпрыски Европы висли на нем. Иногда дело заходило так далеко, что датский король озабоченно прикрикивал: «Дети, хватит лупить русского царя!»

Он отличался необыкновенной силой, и дети, знавшие это, часто просили его разорвать пополам колоду карт или согнуть кочергу. В этом удовольствии он никогда себе не отказывал — предварительно убедив-

пись, что в комнате нет государыни всея Руси, которая бывала недовольна, когда портили игрушки и домашнюю утварь.

У Александра было трое сыновей и две дочери. Старший сын сменил его на престоле, средний, Георгий, умер молодым от туберкулеза, подобно старшему брату Александра, Николаю. Младший сын был любимцем отца. Его звали Михаил, великий князь Михаил Александрович, который страшно любил обмениваться розыгрышами с государем всея Руси.

Однажды царь основательно полил сына из садового шланга. Михаил сделал хорошую мину при плохой игре и стал выжидать случая для реванша. Как-то после обеда царь, по обыкновению, стоял у раскрытого окна своего кабинета и курил сигару: как уже говорилось, он прислушивался к мнению своей хрупкой супруги, не позволявшей ему курить в комнате. Стоило ему чуть высунуться из окна, как Михаил, карауливший этажком выше, вылил на государя всея Руси ведро воды. По свидетельству очевидцев, государь всея Руси тоже сделал хорошую мину при плохой игре, пожалев только пропавшую сигару.

Похоже, у него была особая страсть обливать людей из садового шланга. Однажды при большом съезде родственников он повторил эту проказу при обстоятельствах, которые сразу же склонят шведское сердце к русскому самодуру. На сей раз жертвой стал европейский монарх, которого все остальные коронованные особы Европы считали чересчур надменным. Он прохаживался мимо них в цилиндре и парадном костюме, в то время как вся компания была одета в свободное платье, чтобы отдохнуть не по протоколу. Под руку попался садовый шланг. Что сделал русский царь с развитым чувством юмора? Через минуту парадно одетый монарх промок до нитки, но, в отличие от великого князя Михаила Александровича, король свеев, гётов и вендов Оскар II не был охотником до шуток. Шведский король пришел в ярость, и Александру III пришлось принести извинения. Кстати, не так уж трудно вычислить, почему Оскар II был подчеркнуто корректен в одежде, между тем как все остальные носили удобную одежду для досуга. Прочие королевские дома имели многовековую историю. Род Оскара не просидел на шведском престоле и столетия, Бернадотты были выскочками среди королевских домов Европы.

Со своим семейством Александр обращался строго, держал его в черном теле, сократил число тех, кто имел право именоваться великими князьями, однажды крепко отругал брата Сергея со словами: «Перестань играть в царя!» После железнодорожного крушения, когда он своей богатырской силой удержал крышу вагона и спас жизнь семье, он с удовольствием убедился, что дети целы, и саркастически сказал, достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие:

— Слава Богу, и я и мальчики живы. Как Владимир будет разочарован!

Владимир был старший из его братьев и ближайший наследник престола после Александра III и его сыновей. К сожалению, не написано ни одной биографии деда нынешнего претендента, великого князя Владимира Александровича, считавшего себя не менее значительной личностью, чем Александр III.

В 1894 году Александр III умер после нескольких месяцев почечной болезни. Он дожил до сорока девяти лет, и это была явно преждевременная смерть, всего лишь на четырнадцатом году правления. Оба его предшественника, а также его преемник царствовали куда дольше.

НИКОЛАЙ II (1894 — 1917, убит в 1918)

Попытка охарактеризовать Николая II — дело нелегкое и тягостное. Тягостное, потому что он так страшно кончил свои дни: не только сам он был убит, но и вся его семья с несовершеннолетними детьми и дочерьми на выданье была зверски убита в Екатеринбурге; тягостное, потому что его некомпетентность и хаос, к которому она привела, означали смерть десятков тысяч, сотен тысяч других ни в чем не повинных людей во время гражданской войны; не говоря уже о чудовищной ситуации, в которой страна пребывала в течение тридцати пяти лет после его гибели. Эта ситуация столь кошмарна, что превосходит любые фантазии, она столь же вопиюща, как уничтожение Гитлером еврейского населения Европы. Среди безграничных страданий и несчастий русского народа смерть маленькой царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году теряется, как капля в море.

Но в силу того, что речь идет о царской семье, которая жила в то время, когда зарождались средства массовой информации и фотоаппараты стали привычным делом, мы так много знаем о Николае и его семье. Я видел гораздо больше фотографий царя, чем моих собственных предков: в детском платьице, в штатской одежде, во время путешествий, женихом, с каждым из детей, на маскарадах и маневрах, рано состарившимся в заключении после революции, с жалким видом в инвалидном кресле (чаще в нем сидела царица). И все же о нем очень трудно писать — мы так много знаем о нем и его домочадцах и в то же время не знаем ничего. Мы располагаем множеством мелких фактов: он был воспитанным молодым человеком, любил кутежи, в меру развлекался и имел негромкую любовную связь с молодой талантливой балериной; он получил изысканное, но на практике довольно поверхностное образова-

На официальной фотографии царской семьи мы видим семерых очень счастливых людей, каковыми они и были, несмотря на ужасную болезнь наследника

ние, его обучали лучшие профессора; он восхищался своим отцом, лучше всего чувствовал себя среди военных в полку или в кругу семьи. У него был простой и неиспорченный вкус в еде.

И так далее, и так далее. Он был педантичен и любил порядок в кабинете, до малейшей детали соблюдал этикет, никогда не повышал голоса, но терпеть не мог, когда в его присутствии говорили о политике или щекотливых делах; он отлично ездил верхом, любил проводить досуг на свежем воздухе, занимался греблей на байдарке, был образцовым семьянином, любил жену и детей. На сотнях фотографий у него странный печальный взгляд; всюду он аккуратно одет и выглядит прекрасно.

И все же у нас не создается определенного впечатления от этого человека, который на всех фотографиях вызывает бесконечную симпатию. Поистине он ничем не примечательный государь. Люди часто раз облачают себя в чрезвычайных обстоятельствах. Что делал царь Николай, когда был взволнован? Бесперывно курил и смотрел себе под ноги.

Он выделялся только безупречным воспитанием и склонностью к тушеванию. Его самообладание вызывало толки об «азиатском фатализме», что было неправдой; но его выдержка во время кризиса, приведшего к отречению от престола, действительно поражает. Никто не упоминает его теплоты, дружелюбности или душевной щедрости, хотя внешне он всегда приветлив и внимателен; никто не припоминает и каких-либо отрицательных реакций с его стороны. Пожалуй, можно сказать, что единственной его индивидуальной чертой была странная, с нашей сегодняшней точки зрения, привычка пить портвейн не только к сыру и десерту, но и к горячему блюду, или трогательная деталь, возможная лишь среди высших кругов России: однажды он объелся икрой, что, кстати, плохо сочетается с его скромным образом жизни.

Если уж на то пошло, в разных культурах приняты разные напитки, и со временем обычаи меняются. А отношение русских к икре отличается от западного.

Отпрыски Николая были очаровательны, сперва четверо дочерей, а потом сын (подобно нынешнему шведскому королю, пятому ребенку и долгожданному наследнику после четырех миловидных дочерей). Четверо сестер: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия — не были красавицами, но вполне фотогеничны, украшение семьи. Не только на официальных фотографиях, но и на тех, где они захвачены врасплох, мы видим славных и веселых девушек из счастливой семьи.

Байдарки были в моде; данная байдарка построена красивым старинным способом. Николай II в белой летней форме с аксельбантами и его сын

Когда умер Александр III, сын не был готов к своей новой роли. У него не было практического опыта управления государством. Эту часть его образования отец совершенно упустил из виду.

Беспомощный молодой царь Николай не был, как отец, склонен к протесту против старшего поколения. Николай стремился продолжать реакционную политику Александра III, но не мог. Отец с успехом вел миролюбивую внешнюю политику — сын же для начала был втянут в бессмысленную и унижительную для Российской империи войну против загадочной азиатской державы: русско-японскую войну; затем он был вынужден, против своей воли и с большими душевными сомнениями, дать России демократически избранное народное представительство. Он не сумел предотвратить вступление России в первую мировую войну, которая стоила стране чудовищного количества жизней и привела к концу трех империй, включая его собственную, и к гибели всей его семьи.

Отец держал Россию в узде. У Николая для этого не было предположений, а кроме того, Россия так быстро развивалась, что едва ли и

Царевич Алексей отдает честь, папа смотрит на фотографа. Сын приехал на маневры в автомобиле

Александру III удалось бы сдержать ход событий. Прогресс навязывал себя Николаю, который слабо представлял себе, что же происходит вокруг.

И наконец, самое страшное: Николай очень плохо разбирался в лю-

дах. Можно обладать весьма средними способностями (а только так, мягко говоря, следует охарактеризовать Николая) и все же справляться с руководящей должностью, если интуиция подсказывает: «Вот этот человек осилит свою задачу, а тот нет». Вступая на престол, Николай был крайне неуверен в себе, и вероятно, это чувство так его и не покинуло. Иногда ему случалось найти хороших помощников, типа Петра Столыпина, которого десятилетиями клеймили, а в 1988 году в советской печати вдруг назвали «великим русским государственным деятелем». Но Николай тасовал своих министров и советников, не делая различия между людьми талантливыми, великими, ничтожествами или просто шарлатанами.

Прежде всего он ошибся в собственной жене. Ей одной он доверял — а она была, пожалуй, единственным человеком в Петербурге, который еще хуже разбирался в людях, чем царь Николай. Некоторые историки обобщают несчастную судьбу Николая следующим образом: он был пустым и безвольным человеком, целиком и полностью в руках жены. Хуже быть не могло, потому что она была суеверной и глупой истеричкой с повышенным самомнением.

Юная принцесса Александра (Аликс) Гессенская была очень красивой девушкой, как и ее сестра Елизавета. К своей обязанности русской царицы она отнеслась всерьез, даже ее критики признают, что она добросовестно выучила русский язык и говорила на нем лучше большинства романовских жен-иностранок. Но что в том было проку? «Ей была чужда русская душа», — отзывается о ней Мария Павловна-младшая. Что толку в том, что она со рвением обратилась в православную веру? В Россию она попала юной и застенчивой, а ей тут же пришлось с головой окунуться в сложную роль первой дамы государства. Она ненавидела появляться на публике и, разумеется, не получала поддержки от своего молодого рохли-супруга. В результате оба уединились в своем дворце под Петербургом. «Будь ее воля, вся жизнь состояла бы из бесконечного чаепития в Царском Селе», — повторяли злые языки.

По-человечески вполне понятное стремление уйти от помпезности привело к тому, что царская чета отделилась от остальной части династии. Это тоже сыграло свою роль в их гибели.

Царицу бесконечно жаль, она, безусловно, ужасно страдала из-за своего смертельно больного, измученного и горячо любимого ребенка. Ни один человек, имеющий детей, не может равнодушно читать описание ее мук во время приступов болезни сына. Но тем не менее она была истеричкой, а кроме того, как говорится, верила и в чох и в сон. Ее недуг врачи не могли точно определить, но признавали из уважения к русской царице. Этот «недуг» якобы сделал ее инвалидом, что послужило даль-

Эта фотография 1916 года оказалась непреднамеренно символической: царица в непринужденной позе сидит на письменном столе и диктует свою волю безвольному супругу. Так это выглядит внешне. Фотография неофициальная, вероятно, сделана одной из дочерей. Независимо от того, соответствует ли впечатление от фотографии действительности, именно так воспринимали царскую чету в народе

нейшим поводом не встречаться с людьми. С началом первой мировой войны у нее появилось конкретное дело. Вместе со старшими дочерьми она получила образование сестры милосердия и посвятила себя занятию, которое в военные годы было распространено среди женщин из высших слоев общества во всех странах. Тогда ее «болезнь» прошла: то есть это был нервный симптом, либо вызванный, либо усугубившийся тревогой о больном сыне.

Во время войны царица послала супругу в Ставку гребень Распутина, призывая государя всея Руси перед встречей с генералами расчесываться этим гребнем, чтобы зарядиться внутренней энергией. К сожалению, ее участие в государственных делах большей частью оставалось на том же интеллектуальном уровне. Будь Николай простым полковником, эту обузу стоило бы потерпеть ради детей и взаимной любви. Но для человека во главе государства это было губительно. В мирное время страна кое-как ковыляла. Во время войны ситуация привела к катастрофе.

Главной трагедией семьи была гемофилия наследника, маленького Алексея; болезнь эта наследственная и передается по женской линии, хотя болеют только мужчины. Источником многочисленных случаев гемофилии среди королевских домов Европы была английская королева Виктория. Суть болезни в том, что кровь не свертывается при повреждениях, как у здоровых людей. Небольшие ранки, как правило, не опасны, но расшибленный нос или вырванный зуб в те времена означал для больных гемофилией смертельную угрозу, и они редко доживали до взрослого состояния. При внутренних кровоизлияниях, от которых у здоровых людей появляются синяки, больные гемофилией получают тяжелейшие повреждения, опасные для жизни, суставы могут получить необратимые травмы. Внутренние кровоизлияния также сопровождаются невыносимой болью. Примитивному знахарю Распутину удавалось создать вокруг несчастного ребенка покой, что для его состояния было важнее любых советов медицинских светил.

Царица всегда была суеверна и имела приверженность к шарлатанам. Она целиком и полностью попала под влияние Распутина. Вне всякого сомнения, он облегчал страдания ее больного сына. Он создавал вокруг мальчика покой, возможно, он также сужал ему кровеносные сосуды — доказано, что гипнозу это под силу. Кроме того, примитивное обаяние Распутина как нельзя более соответствовало мистицизму царицы.

В начале первой мировой войны главнокомандующим был старый великий князь Николай Николаевич. Он был замечательным командиром, вероятно, неплохим полководцем, но не великим стратегом. Насколько известно, у него хватало ума поручать стратегические разработ-

ки другим, более сведущим людям. Внезапно государь сместил его с поста, занял его сам и отправился в Ставку. Тем самым он оставил Петроград и все гражданское управление в руках жены. Ее доля вины в этом несомненна — долговязый ветеран Николай Николаевич пользовался популярностью, на фотографиях рядом с ним его молодой родственник похож на печальную таксу. Царицу это весьма раздражало. Кроме того, Николай Николаевич ненавидел Распутина. Когда Распутин выразил желание посетить Ставку, старый вояка с удовольствием ответил:

— Приезжай поскорее: я тебя повешу!

Итак, пока государь находился в Ставке, в Петрограде правила его супруга (город был демонстративно переименован «не немецким» названием, хотя старое название «Петербург» было, собственно, голландским). Царица и без вредного влияния Распутина могла бы наломать дров, назначая и снимая направо и налево высоких чиновников, вплоть до министров. Но поскольку о влиятельности Распутина при дворе было широко известно, это существенно подорвало репутацию государя. Беспорядочные назначения и смещения происходили не без участия Распутина. Это знали все. Естественно, распускались слухи, будто царица со своим немецким происхождением на стороне врага, будто она любовница Распутина и так далее. Истина же гораздо проще: она была никудышным государственным деятелем в окружении столь же никудышных советников.

В 1916 году Петроград кишмя кишел слухами. Поговаривали о дворцовом перевороте. Царя предполагалось свергнуть, отдав престол его сыну при опекунском совете. По другим планам в цари прочили старого великого князя Николая Николаевича, у которого, кстати, не было детей. Царицу по древнему русскому обычаю следовало упрятать в монастырь.

Безусловно, кое-какие конкретные планы в этом направлении имелись. Но, как справедливо замечает Троцкий, все они отпали сами собой после убийства Распутина в декабре 1916 года. Убийство злого гения царской семьи заменило долгожданный государственный переворот. Теперь-то все будет хорошо! Россия торжествовала. В провинции весть об убийстве воспринималась с радостью на грани истерики. Государь просто не мог вынести приговор трем убийцам, которые к тому же происходили из его собственного круга или из среды его сторонников: монархически настроенный член Думы Пуришкевич, молодой князь Юсупов, женатый на племяннице государя, и, наконец, любимый родственник Николая, его кузен великий князь Дмитрий Павлович.

Но исчезновение Распутина не изменило методов царицы управлять государством в отсутствие супруга, а также не повлияло на репутацию царской четы. Народ не уважал своих правителей и не доверял им.

В довершение всего существовало распространенное мнение, будто государь отмечен печатью рока: он родился в самый несчастливый день в Библии, день Иова; его единственный сын был смертельно болен; его царствование началось чудовищной катастрофой на Ходынском поле; а еще на его совести висело поражение в русско-японской войне. Судя по всему, царь Николай и сам был уверен, что отмечен судьбой.

История свержения царя кратка, драматична и на первый взгляд совершенно непонятна. В феврале 1917 года в Петрограде возникли перебои с хлебом. В России хватало муки и зерна, но железные дороги были заняты перевозкой войск, поэтому продукты не доходили до столицы — так гласило официальное объяснение; можно также предположить, что крестьяне не желали продавать хлеб по твердым государственным ценам, которые инфляция сводила на нет. Начались беспорядки, власти потеряли контроль над сложившейся ситуацией, избранная народом Дума взяла правление в свои руки, и государь отрекся от престола. Но, как логично рассуждает зять Николая II, великий князь Александр Михайлович: почему главнокомандующий, имеющий за спиной многомиллионную армию, должен отрекаться из-за беспорядков в столице?

Все это так, но не совсем. Государь не мог добраться до Петрограда; к тому же было бы безумием отправиться туда без войск. Железнодорожники бастовали и не пропускали его поездов. Войска, которые он приказал отправить с фронта в Петроград, отправлены не были — генералы не выполняли приказов своего государя и главнокомандующего. Напротив, они сразу посоветовали ему отречься. Даже родня отвернулась от него.

По сей день отдельные русские монархисты убеждены в существовании заговора, запланированной измены среди ближайшего окружения царя. Это нельзя исключить. Но вполне достаточно объяснения, что полное отсутствие доверия к государю вызвало подобную реакцию и железнодорожников, и штабных генералов, когда они прослышали о царящей в столице анархии. Может быть, осуществлялись остатки прежних планов. При заранее продуманной измене заговор произошел бы более четко. Теперь же бразды правления сразу выскользнули из рук генералов, независимо от того, свергли они царя по заранее намеченной схеме или просто увидели, что его положение безнадежно.

Николай отрекся за себя и за сына в поезде на провинциальной железнодорожной станции Псков; поначалу он собирался отречься в пользу сына при регенте Михаиле, но, посоветовавшись с врачами относительно здоровья мальчика, передумал и отказался за обоих. Затем он вернулся в Петроград, воссоединился с остальными членами семьи в

Царском Селе и в дальнейшем именовался «гражданин Романов», став сначала пленником Временного правительства, а потом большевиков.

МИХАИЛ (2 — 3 марта 1917, 15 — 16 марта нового стиля)

Внимательный читатель, конечно, уже заметил, что глава о царях после Екатерины Второй носит название «Семь последних царей», в то время как в общепринятой историографии их насчитывается всего шесть:

ПАВЕЛ

АЛЕКСАНДР I

НИКОЛАЙ I

АЛЕКСАНДР II

АЛЕКСАНДР III

НИКОЛАЙ II

Но, строго говоря, после Николая II существовал еще один царь (а человек дотошный при этом добавит, что и в 1825 году между Александром I и Николаем I существовал еще один царь, Константин, хотя это все же чересчур). Что касается ситуации 1917 года, то специалисты в области легитимизации неоднократно ставили под сомнение, имел ли Николай право согласно русским законам отречься от престола за своего сына. В тот момент этот вопрос решил он сам — отрекся за себя и своего тяжелобольного сына, тем самым *автоматически в пользу следующего в престолонаследии*, то есть своего брата Михаила. Согласно действующему русскому законодательству Михаил стал царем, поскольку монархия еще не была законным образом отменена (согласно некоторым другим законам Михаил не мог быть царем из-за своего брака; однако в хаотические дни Февральской революции никто не стал оспаривать некоторые неясные пункты в законе о престолонаследии, принятом императором Павлом более ста лет тому назад).

Великий князь Михаил Александрович, когда-то выливший ведро воды на своего отца, царя Александра III, был простым и непритязательным юношей, весельчаком, который брал от жизни все, что она ему предлагала. Когда в 1894 году Николай вступил на престол, законным наследником стал второй брат, Георгий. Георгий умер, и Михаил, в свою очередь, получил звание наследника престола, каковое сохранял в течение пяти лет. Когда у Николая наконец родился сын, то Михаил, говорят, был необыкновенно рад, потому что быть престолонаследником ему пришлось не по вкусу.

Кажется, о нем никто не сказал дурного слова. Сестра Ольга называла его по-английски Дарлинг Флоппи («Лопухий милашка») даже в торжественных случаях, когда подобные выражения были неуместны. Михаил Алек-

сандрович очень любил музыку и отлично играл на нескольких инструментах. Говоря современными словами, он был добродушный плейбой и имел странную привычку засыпать за рулем автомобиля, но в те времена автомобили ездили медленно, и он всякий раз отделялся синяками.

Никто по-настоящему не воспринимал его всерьез, он был славным малым с необычно длинной шеей; со временем он стал бравым офицером, судя по всему, довольно неплохим. От отца Михаил Александрович унаследовал поразительную физическую силу. Он мог руками разорвать пополам колоду карт, а однажды во время кавалерийских маневров в Гатчине с такой силой размахивал казачьей шашкой, что у нее отлетел клинок. Солдаты его любили.

Подобно многим членам фамилии, он женился против воли государя, причем пошел дальше других, ибо его избранница была вторично разведена, что в 1911 году встречалось реже, чем сегодня. Он женился в Вене на Наталье Шереметьевской, в прошлых браках Вульферт и Мамонтовой. О ней рассказывают, надо думать без преувеличения, как о самой неотразимой красавице Петербурга. Их сын Георгий родился в тот же год, что они обвенчались, и со временем ему был пожалован титул графа Брасова. Путешествуя инкогнито, Михаил Александрович имел обыкновение называться «князем Брасовым», а его супруга стала именовать себя «княгиней Брасовой», хотя никто не давал ей такого титула; во всяком случае, документа, что таковой ей был Николаем пожалован, не существует. Брасовом называлось любимое имение Михаила Александровича.

После свадьбы им, как и многим парам, венчавшимся против воли государя, пришлось несколько лет прожить за границей, в исключительно приятной ссылке. Еще до свадьбы за ними неустанно следила царская охрана. Михаилу Александровичу и его возлюбленной удалось ускользнуть из-под бдительного ока тайной полиции на маленькой железнодорожной станции, и они обвенчались в Австрии, чего тайная полиция никак не ожидала. Вследствие брака с дважды разведенной женщиной Михаил потерял место в престолонаследии — так говорят эксперты по русскому законодательству.

Все князья, высылаемые за границу из-за неравных браков или по другим причинам, видимо, извлекали немало удовольствия из ссылки. Несмотря на их привилегированное положение в России, они вели более здоровый и приятный образ жизни в качестве простых смертных, вдали от любопытных взоров, довольствуясь прелестями личной жизни.

Постепенно женившиеся без согласия царя получили прощение и позволение вернуться на родину, особенно после начала первой мировой войны. Во время войны Михаил Александрович был назначен командовать кавалерийской дивизией на Кавказе. Будь он волевым и энергичным

человеком, внушающим доверие, он, *возможно*, сумел бы нести царский венец и сохранить монархию, хотя, скорее, в конституционной форме, нежели как самодержец.

Но ни волей, ни энергичностью Михаил похвастаться не мог и доверия к себе не вызывал, хотя и во время войны, и в дни революции вел себя отнюдь не как беспечный плейбой. Сам он был доволен судьбой офицера без каких бы то ни было государственных обязанностей. Зато его красивая и властная жена крайне интересовалась политикой. В годы войны она вращалась в кругах политиков самого разного толка. За несколько дней до отречения Николая председатель Думы Родзянко по собственной инициативе тайно беседовал с Михаилом — об этом не знали даже его родственники. Они считали Михаила неподходящим на роль регента или царя из-за его морганатического брака, но прежде всего из-за волевой супруги, все боялись, что она может натворить бед: в эти дни Россия хорошо знала, в какую бездну может свергнуть страну первая дама.

Переговоры между председателем Думы и братом царя проходили утром 27 февраля, а вечер великий князь Михаил провел вместе с правительством в Мариинском дворце в Петрограде. Был выработан план спасения монархии, но Михаил поставил условие, что станет регентом при царевиче Алексее после отречения Николая лишь при согласии последнего. Он самолично обратился к брату, который пожурил его и сказал, что намерен сам приехать в Петроград и навести порядок. Как мы помним, Николаю не удалось приехать в Петроград — революционно настроенные железнодорожники не пропустили его поезд.

В ночь на 28 февраля Михаил Александрович вернулся в Зимний дворец: поезда не ходили, и он не мог поехать в свой дом под Петроградом. Увидев, что в Зимнем расположились военные части, он в раздражении приказал им покинуть дворец, ибо не хотел, чтобы в народ стреляли из «жилища Романовых». Многие историки истолковали это так, что он уже считал себя регентом и не желал себя компрометировать (мы сейчас говорим о Февральской революции, а не об октябрьском перевороте, когда Зимний был «взят штурмом»).

Но Михаил Александрович не только заботился о собственной репутации. Еще во время революции 1905 года великий князь Николай Николаевич постановил, что молодые офицеры рода Романовых не должны принимать участия в подавлении восстания; это с политической точки зрения мудрое решение, разумеется, не было забыто в 1917 году, и, приказывая очистить Зимний дворец, Михаил Алек-

Брат Николая II, великий князь Михаил Александрович с женой Наталией; он был ее третьим мужем. Она была красивая и властная, и ее влияние на него было столь же сильно обусловлено уважением к ее уму, как эротическим влечением. Когда Михаил должен был стать регентом или даже царем, многие члены рода противились этому из опасения, что Наталия получит чересчур сильную власть

сандрович просто действовал в соответствии с давно принятой практикой.

На следующий день он перебрался в квартиру княгини Путятиной на Миллионной улице, неподалеку от Зимнего. В нижнем этаже расположились в виде охраны воспитанники школы прапорщиков. 2 марта (15 марта по новому стилю) Николай отрекся в пользу Михаила, которого назвал «государем». 3 марта (16-го н. ст.) Михаил принял делегацию политиков, имевших разные мнения о том, что ему надлежало делать: одни хотели спасти монархию, другие требовали республики.

Эти напряженные часы неоднократно описаны историками. Простых офицеров без суда и следствия вешали на фонарных столбах, быть Романовым было опасно, так же как генералом кавалерии, каким был тридцатидевятилетний великий князь. Как писал впоследствии председатель Думы Родзянко, политикам было ясно, что великий князь процарствует всего несколько часов, что в Петрограде начнется кровопролитие и что Михаил Александрович будет немедленно убит. Тогда, 3 марта, Михаил Александрович спросил Родзянко, желавшего спасти монархию и уговорить Михаила сесть на престол, сможет ли тот обеспечить ему личную безопасность. Родзянко не колеблясь ответил, что не сможет.

Но, по мнению блестящего историка Георгия Каткова, на решение Михаила отказаться от престола повлияло не только опасение за собственную шкуру. Скорее, он отдавал себе отчет, что в качестве царя ему придется править совместно с этими политиками, которые в ту минуту пытались склонить его в разные стороны, занимаясь интригами, хотя положение в стране должно было объединить их.

Он отказался от короны, которая принадлежала ему ровно одни сутки. Вследствие отречения Временное правительство распустило Думу, и страна фактически стала республикой без решения какого-либо законодательного органа. Отрекаясь, Михаил поступил исключительно хитрым образом, на что мало кто из историков обратил внимание, кроме Каткова, который все же не идет до конца и не выясняет, *против кого* был направлен поступок Михаила.

Мало кому известно, что по всем правилам Михаил был последним русским царем. Точно так же мало кому известно, что, строго говоря, Джордж Вашингтон не был первым американским президентом. Что ж, для всех последующих поколений последним царем России, разумеется, является Николай II, а Михаил II остается уделом дотошных педантов и викторин с вопросами на засыпку.

И все же небезынтересно отметить, как аккуратно выглядит трехсот-
летняя история династии Романовых на русском престоле, начиная с
Михаила I и кончая Михаилом II.

Четыре почтенных дядюшки

Здесь стоит сделать отступление и рассказать о биче Николая II — его импозантных дядях, четверых братьях его отца, а также о двоюродном брате отца Николае Николаевиче. Хотя к 1917 году в живых оставалось лишь двое, тень их продолжала витать над русским двором.

Когда в 1894 году Николай вступил на престол, ему было двадцать шесть лет, он был неопытен и неуверен в себе. Его дядя Владимир, сорока семи лет, был столь же напористым и надменным самодуром, как отец Николая, Александр III. Второму дяде, Алексею, было сорок четыре, и другим таким красавцем в семействе был разве что дядя Сергей. Великому князю Сергею Александровичу, третьему дяде, было при восшествии Николая на престол тридцать семь лет, он был женат на сестре той самой немецкой принцессы, на которой вот-вот собирался жениться Николай; тем самым свояченица государя одновременно приходилась ему теткой. Младшему из дядьев, Павлу, было в 1894 году тридцать четыре года, то есть он был всего на восемь лет старше государя. Николаю Николаевичу, двоюродному дяде, было тридцать восемь, но речь о нем пойдет не здесь, а в главе о судьбах Николаевичей после революции. По всем монархическим правилам долгом этих дядьев было беспрекословно подчиняться своему государю, двадцатипестилетнему застенчивому и мягкотелому племяннику. По крайней мере, Владимир Александрович не скрывал своего убеждения, что сам был бы гораздо лучшим царем.

В присутствии третьих лиц, адъютантов или министров, дядья вели себя почтительно и благоговейно. Наедине с государем тон разговоров менялся. Тогда в ход пускались аргументы кулаком по столу — большими русскими кулаками. А что мог ответить благовоспитанный молодой

Импозантный великий князь Владимир Александрович и его великокняжеская семья, снятые в день серебряной свадьбы. Между Владимиром Александровичем и Марией Павловной-старшей сидит старший сын Кирилл; стоят Андрей, Елена и Борис

человек своим внушительным дядьям, требовавшим от него то одного, то другого? Лишь после долгих лет царствования Николай оказался в состоянии дать им отпор.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1847 — 1909)

Он был воплощением русского великого князя. Кажется, будто все анекдоты о русских великих князьях слеплены с него. Нашего внимания

он заслуживает уже потому, что доводится дедом нынешнему претенденту Владимиру Кирилловичу. Но и помимо того он представляет собой выдающуюся личность.

У него был мощный голос и здоровый цвет лица, даже на русский манер он был груб и мог до смерти напугать человека неподготовленного — истый брат Александра III, а то и резче. Современники описывают его как самого реакционного из великих князей. С младшими великими князьями он обращался с подчеркнутым пренебрежением и не снисходил до беседы с ними, разве что об искусстве или французской кухне.

Суть понятия «реакционный» применительно к великому князю Владимиру станет яснее, если знать, что даже в 1912 году, три года спустя после его смерти, челядь в доме его сына Андрея по старинному русскому обычаю целовала господина в плечо: обычай сохранился из родительского дома Андрея. Для образованной и либеральной России обычай целовать в плечо был унижительным символом крепостничества, подчеркивавшим классовое различие. Владимир Набоков рассказывает в своих воспоминаниях, с каким отвращением относились в его семье к этому знаку раболепства.

Но и реакционный великий князь был не лишен достоинств. Владимир любил изящные искусства, сам занимался живописью, был президентом Академии художеств и окружал себя актерами, певцами и художниками. Он покровительствовал новому смелому русскому балету — не только балеринам, но всем триумфальным гастролям русского балета в Париже, что свидетельствует о его далеко не ординарном вкусе. В Париже он наводил страх на метрдотелей и официантов, жаловался на недостатки меню и вызывал дрожь даже у прислуги на кухне. Зато когда он после трапезы выходил из ресторана, руки прислуги дрожали под тяжестью чаевых.

Он был фигурой Возрождения и в равной степени увлекался охотой и собиранием меню с автографами после особо блистательных пиршеств. Его высказывания застревали в ушах присутствующих, как крылатые слова, — трудно сказать, из почтения к нему или он действительно блистал остроумием.

Жена Владимира Александровича была ему под стать. Должно быть, в Петербурге нередко говорили: вот была бы достойная царская чета! С точки зрения монархии действительно было разбазариванием ресурсов подарить Александру II двух таких сыновей, как Александр III и Владимир, но не дать подобного наследника Александру III.

Для революционеров Владимир на троне тоже был бы находкой, ибо вызывал бы больше ненависти, чем жалкий и блеклый Николай II.

Генерал-адмирал Алексей Александрович в море, за спиной у него пять морских офицеров; старый моряк слева — адмирал Макаров, погибший на борту «Петропавловска»

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1850 — 1908)

По единодушному мнению, великий князь Алексей был красавцем, обаятельным, стройным и отличного телосложения. С годами он довольно располнел, что по тем временам не считалось помехой мужской красоте. Его жизнь состояла большей частью из вкусных обедов и красивых женщин, желательно в Париже. По некоторым сведениям, он в возрасте двадцати лет женился на дочери Василия Жуковского, который, как мы помним, был учителем его отца, но брак будто бы был отцом признан недействительным. Позже он был постоянным кавалером Зины, жены князя Евгения Лейхтенбергского, о которой говорили: «Таких красавиц следовало бы запретить». Втроем они путешествовали по Европе, где их называли «la ménage Royale à trois» («Императорская любовь втроем»).

Если бы великий князь был вынужден хотя бы год провести вдали от Парижа, он бы немедленно подал в отставку — что, безусловно, сыграло

Летняя идиллия в усадьбе Ильинское под Москвой: на коленях у великой княгини Елизаветы Федоровны сидит маленький Дмитрий Павлович; рядом с надутой Марией Павловной-младшей стоит на коленях ее дядя, великий князь Сергей Александрович

бы положительную роль для русского флота, где он числился генерал-адмиралом. Великий князь Алексей не вполне осознавал, что время парусных судов миновало. Его руководство русским флотом сводилось к тому, что раз в неделю адмиралы приходили к нему обедать, а поскольку его повар был мастером своего дела и коньяк в доме всегда был высшего класса, адмиралы не жаловались. И все же на Алексея приходится возложить значительную часть ответственности за поражение русского флота в русско-японской войне, где одна из самых страшных катастроф разыгралась при Цусиме. Впоследствии народ на улицах Петербурга кричал вслед Алексею: «Князь Цусимский!» — и он наконец ушел со своего поста, а через несколько лет умер.

Жизнь и «деяния» великого князя Алексея вызывают в памяти многие события брежневской эпохи, хотя советские магнаты «периода застоя» не вызывали сенсаций на парижских бульварах своей необыкновенной внешностью и уж конечно не разъезжали по курортам Европы в *mépage à trois* с княжеской четой Лейхтенберг. Алексей наделал много зла, но, как мудро говорят сегодня его потомки, дурным человеком он не был.

Двадцать лет спустя после смерти Алексея язвительный родственник написал о нем: «В его жизни преобладали верткие дамы и неповоротливые корабли». Если бы не русско-японская война, это не имело бы ровно никакого значения.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857 — 1905)

Если род Романовых не хочет до конца осудить генерал-адмирала Алексея, несмотря на принесенный им вред, то о великом князе Сергее вообще никто не желает говорить. Он был паршивой овцой семейства, и притом не особо привлекательной овцой. Если прибегнуть к сравнению из советского времени, то больше всего он походил на сталинского палача Лаврентия Берию. Был ли великий князь Сергей Берией рода Романовых? Что ж, в таком случае благодаря Берии память великого князя все же овейна неким всепрощением. Как бы ни был высокомерен и жесток Сергей, его действия бледнеют рядом со сталинским подручным.

А заставить его мерзости побледнеть не так уж просто. Он был отъявленным реакционером и, вероятно, не особенно одаренным человеком, который командовал Преображенским полком, главным в царской армии. Он также занимал пост генерал-губернатора Москвы, что было значительно выше его интеллектуальных возможностей.

Его своеобразные вкусы в интимной жизни вызывали множество кри-

вотолков, ибо он весьма открыто проявлял их в те времена, когда на подобные склонности смотрели с осуждением. Позже никто, разумеется, не обратил бы внимания на эту его черту, если бы не было известно, что крайне антисемитски настроенный великий князь под угрозой высылки и других мер наказания охотно пользовался еврейскими мальчиками и девочками. Эта, вероятно, небезосновательная слава о его пристрастии к половым извращениям роднит его с Берией.

Он был публично и нарочито груб со своей женой Елизаветой Федоровной (Эллой), которую все в семействе очень любили. Детей у них не было, но они взяли на воспитание двух отпрысков великого князя Павла Александровича, когда тот был сослан за границу.

Самый жуткий скандал разразился с великим князем Сергеем во время коронации Николая II в Москве в 1896 году. На окраине города находилось большое поле под названием Ходынка. В тридцатые годы там размещался московский аэродром, но в те времена оно использовалось как военный плац и было вдоль и поперек изрыто траншеями.

К коронации для простого народа было приготовлено великое множество развлечений, спектаклей и бесплатных подарков. Еще накануне ночью на Ходынке в чудовищной давке собрались сотни тысяч людей. Под конец людей стали затаптывать насмерть. Траншеи становились ловушками, детей спасали, поднимая их над головами, после чего они бежали по плечам и головам стиснутых в толпе людей. Погибло несколько тысяч. Не слишком удачно начиналось царствование молодого государя, если его коронация сопровождалась столь жутким событием. Вечером царская чета собиралась на бал у французского посла; государь сомневался, но в то время дядя еще оказывали на него сильное давление и приказали ему идти. Это свидетельствует об их презрении к простым массам: отношения с союзной Францией они сочли более важным делом; хотя едва ли французское правительство обиделось бы при подобных обстоятельствах. Как генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей нес непосредственную ответственность за случившееся, но никто не потребовал, чтобы он оставил свой пост.

И все же жизнь его закончилась весьма необычным образом. В феврале 1905 года, взрывоопасного года революции, он был убит бомбой у самых стен Кремля. В действительности его предполагали убить несколькими днями раньше, но тогда с ним в санях ехали племянники, Дмитрий и Мария, и террорист не посмел поднять руку на ни в чем не повинных детей.

Похороны великого князя Сергея стали по-своему примечательным событием. 1905 год был беспокойным, год первой русской революции, и по решению государя ни он, ни остальные Романовы не поехали из Пе-

тербурга в Москву на похороны, дабы избежать новых покушений. Из великих князей присутствовали только Константин Константинович и брат Сергея, Павел Александрович, отец тех детей, которые ехали в санях с Сергеем несколькими днями раньше.

Не исключено, что боязнь покушений была лишь поводом не присутствовать на похоронах нелюбимого родича. Кстати, похороны сильно отличались от принятой русской церемонии с открытым гробом. Лицо и руки Сергея Александровича были прикрыты тюлем, а тело — парчовым покрывалом с золотой каймой. Смотреть было не на что: в гробу лежали многочисленные останки разорванного бомбой великого князя. Сердце нашли на крыше, и во время самой церемонии в церковь входили люди, принося завернутые в тряпки куски, разбросанные по всему Кремлю.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1860 — 1919)

Из всех сыновей Александра II во время революции в живых остался только Павел. Он никогда не стремился занять высокие посты и довольствовался скромной офицерской должностью, был отличным танцором и дамским угодником, чем вызывал всеобщие симпатии. В юности он отличался надменностью и почти студенческим снобизмом. Внешне он и Сергей Александрович были очень похожи: оба стройные, рослые и широкоплечие.

Великий князь Павел женился на дочери греческого короля, которая родила ему двоих детей: Марию в 1890 году и Дмитрия в 1891-м. Жена умерла на шестой день после рождения Дмитрия. Впоследствии Павел повстречал разведенную полковницу со странным именем Ольга фон Пистолькорс, урожденная Карпович; сначала она стала его любовницей, а затем женой. У них было трое детей: Владимир, получивший титул князя Палей, 1897 года рождения (родители поженились в 1902 году — довольно-таки щекотливая история при дворе, где заправляла чопорная царица Александра Федоровна), Ирина, родившаяся в 1903 году, и Наталия — в 1905-м.

Государь был очень привязан к своему дяде, приходившемуся ему почти ровесником, но это не помешало применить предписываемые законом меры: изгнать из пределов страны до конца жизни и лишить всех титулов и должностей, а также причитающегося ему жалованья. Наказа-

ние призвано было послужить примером младшему брату государя Михаила, который тоже собирался жениться на незнатной разведенной женщине. Для нашего современника интересно отметить, что положению Павла Александровича при дворе никак не угрожало наличие постоянной, но не освященной церковью связи, в которой рождались дети, зато стоило ему узаконить отношения с матерью ребенка, как за этим последовало изгнание.

В изгнании Ольга Пистолькорс получила от баварского короля титул графини Гогенфельзен. Со временем великий князь Павел был помилован и получил разрешение вернуться в Россию при условии, что приедет без супруги. Это условие он, как можно догадаться, отверг. Между императорским двором в Петербурге и благоразумно оставшимся в Париже Павлом последовали длительные письменные переговоры. Их результат впечатляет нас, живущих восемьдесят лет спустя, когда подобные вещи уже не играют столь важной роли.

Графиня Гогенфельзен получила ранг, причисляющей жене царского адъютанта. Она ожидала большего, но все же теперь она имела право представиться своим родственницам великим княгиням не через придворных дам, а непосредственно через супруга — что было чрезвычайно важно. Ей не нужно было больше записываться в книгу посетителей во дворце, а достаточно было оставить визитную карточку, что придавало ей более высокое положение. Во время войны она получила титул княгини Палей, который еще более повысил ее статус.

Вернувшись на родину, великий князь Павел произвел фурор среди родни своей новомодной вечной ручкой, о существовании коих в России не подозревали.

Во время войны Павел недолго командовал войсками, но слабое здоровье вынудило его покинуть армию. Изгнание оказало на него положительное воздействие, одни говорили, что его прежний снобизм и надменность исчезли, другие утверждали, будто он обзавелся невозможными политическими взглядами. Попросту говоря, он стал придерживаться более демократических убеждений. Во время Февральской революции он советовался со специалистами в области права и разрабатывал проект конституции.

Это не спасло его от революционных пуль.

Когда Романовы потеряли власть

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 года

Как уже говорилось, 15 — 16 марта (2 — 3 марта старого стиля) 1917 года царствованию династии Романовых пришел конец. Царь Николай отрекся от престола, а на следующий день корону отказался принять его брат.

Это означало конец «силы и славы вовеки» не только для них самих и членов их семей. Это был конец власти и богатству огромного рода Романовых.

Поначалу они не осознавали, как велика потеря. Сам государь мечтал поселиться простым помещиком в Крыму. Великий князь Николай Николаевич приехал поездом с Кавказа в Петроград, чтобы вновь занять пост главнокомандующего, и для начала все восторженно приняли эту мысль. Но, когда он прибыл в Петроград, оказалось, что народ и слышать не желает о Романовых, ни на троне, ни в верховном командовании. Еще один родственник, довольно близко стоящий к престолу, намеревался стать конституционным монархом. Но последние годы правления Николая навсегда сделали невозможным пребывание Романовых у власти. Ветер революции перешел в ураган, сметающий все на своем пути. Николай Николаевич не получил обратно поста главнокомандующего и был вынужден уехать тем же путем, что прибыл.

Чтобы понять судьбу семейства Романовых в 1917 — 1919 годах, нужно хорошо представлять себе некоторые не слишком известные исторические факты.

Во-первых, война. С точки зрения обороны первая мировая война

Первое мая 1917 года на Дворцовой площади в Петербурге: на заднем плане Александровская колонна и здание Главного штаба. Виден неподдельный энтузиазм по поводу изменений в управлении страной. Вооруженная ружьями народная гвардия поддерживает порядок

вовсе не была для России катастрофой, как мы часто считаем. Катастрофа лежала в нравственном плане, ибо было потеряно много человеческих жизней, однако до 1917 года военное положение России было не так уж серьезно. В начале войны Германия наносила России одно поражение за другим, но Россия обладала огромными человеческими ресурсами, и царские генералы приносили в жертву человеческие жизни столь же вопиющим образом, как в свое время генералы и маршалы Сталина. Германия вела войну на два фронта, на востоке и на западе, и в тот момент находилась еще более на краю пропасти, нежели Россия, хотя в Германии было больше порядка. Наступление, которое Россия планировала весной 1917 года, стало бы для Германии губительным.

Николай II в Ставке со своими министрами после преобразования правительства. Сидят: министр транспорта Рухлов, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, Николай II, премьер-министр Горемыкин и министр двора Фридерикс. Стоят: министр внутренних дел князь Щербатов, министр государственных учреждений граф Игнатьев, министр иностранных дел Сазонов, министр сельского хозяйства Кривошеин, министр финансов Барк, начальник Генерального штаба генерал Янушкевич, министр обороны генерал Поливанов и министр промышленности Шаховской

Но когда русские генералы бросали на германский фронт огромные человеческие массы, это не только приносило страдание и скорбь в тысячи русских семей, но и имело роковые последствия для царизма. Верной государю гвардии, расквартированной в Петербурге в 1914 году, больше не существовало. Вернее сказать: гвардейские полки существовали, но те солдаты, которые служили в гвардии к началу войны, давно уже сложили головы. Сменившие их солдаты тоже почти все, как один, погибли на фронте. В гвардейских полках в Петрограде теперь служил третий и четвертый призыв — тем самым петроградский гарнизон состоял уже не из преданных государю солдат 1914 года, на их место

Царь Николай перед железнодорожным вагоном, где он 2 марта 1917 года отрекся от престола, поставив тем самым конец власти рода Романовых. После его отречения власть Романовых равнялась нулю, несмотря на сохранявшиеся у многих иллюзии

пришли революционно настроенные петроградские рабочие, которыми, в свою очередь, командовал третий или четвертый призыв офицерского запаса. Именно поэтому Февральская революция переросла в нечто большее, чем голодные бунты. Войска поддержали гражданское население, а командование не смогло им помешать.

Во-вторых, *русская революция* 1917 года произошла в феврале. В октябре же имел место отлично продуманный государственный переворот. Если мы скажем, что в 1917 году было *две* революции, то вторая из них означала не захват власти большевиками в Петрограде, а то, что по всей стране крестьянство просто-напросто присвоило себе землю, о которой давно мечтало.

Стоит здесь еще раз подчеркнуть, что царя свергли не Ленин с боль-

Карикатура военных лет: царь и царица в виде детишек на коленях страшилища Распутина

шевиками — для них самих падение царизма оказалось неожиданностью. Николай II пал потому, что ни один человек в России, в том числе его родственник главнокомандующий Николай Николаевич, не поддержал его во время беспорядков в столице. Это была *Февральская революция*. Далее в течение семи месяцев в стране существовал демократический строй, довольно хаотичный, когда министры сменяли друг друга, когда военные и большевики предпринимали попытки переворота, а солдаты бросали свои посты на фронте. Большевики в то время были небольшой разбросанной группкой, которая, однако, постепенно набирала силу.

В октябре (ноябре по новому стилю) они захватили власть. Революцией это не было, но государственный переворот был проведен безуп-

речно — можно только сожалеть, что их последующие годы у власти не отличались подобной организованностью. Как говорит известный восточногерманский диссидент Вольф Бирман: «О Великой Октябрьской социалистической революции мы со временем узнали, что она не была ни революцией, ни социалистической и не произошла в октябре». Но большевики показали себя единственной организацией в России, которая обладала достаточной дисциплиной и смелостью, чтобы править страной. Прежде всего, только большевики обещали крестьянам самое вожделенное — землю. Впоследствии Сталин снова отобрал у них землю и уничтожил десятки миллионов крестьян. Об этом нельзя забывать, особенно сегодня, когда ужасы коллективизации во всех деталях описываются и в советской печати.

До прихода большевиков к власти законное правительство защищало Романовых от революционно настроенных масс. После октября 1917 года их положение резко ухудшилось. Многие были убиты. Некоторые успели спастись бегством еще до захвата власти большевиками. Кое-кому удалось покинуть страну и после октября 1917 года. Некоторые находились в южных районах страны и после гражданской войны оказались вне владений большевиков.

Романовы во время революции

Во время гражданской войны было убито семнадцать Романовых из шестидесяти пяти, перечисленных в придворном календаре, а кроме того, сын Павла Александровича в его морганатическом браке, Владимир Палей.

УБИТЫЕ

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

К моменту Февральской революции государю Николаю II исполнилось сорок восемь лет. Царице было сорок четыре. Детям — Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии и Алексею — соответственно двадцать один, девятнадцать, семнадцать, пятнадцать и двенадцать лет.

С марта по август 1917 года они находились под домашним арестом в своем дворце в Царском Селе под Петроградом. В августе 1917 года Временное правительство распорядилось перевезти их в сибирский город Тобольск. Весной 1918 года большевистское правительство России переместило всех семерых с многочисленной челядью за Урал, в Екатеринбург, ныне носящий название Свердловск. В ночь с 16 на 17 июля по приказу местного Совета они были убиты. Это произошло в «доме Ипатьева»: триста лет тому назад русский народ отправил гонцов к первому Романову в Ипатьевский монастырь в Центральной России, чтобы просить его стать царем, теперь же русский народ убил последнего царя династии Романовых в доме Ипатьева на Урале.

Дом Ипатьева, где встретил смерть последний царствовавший монарх династии Романовых, стал со временем местом паломничества. Вти-

Весной 1917 года у царских дочерей после перенесенного тифа стали выпадать волосы, и им обрили головы, в распространенном заблуждении, будто от этого волосы будут лучше расти. Вся четверка любила дразнить родителей, нарочно демонстрируя свои роскошные голые черепа. Слева направо: Анастасия, Татьяна, Ольга и Мария

хомолку распространялись слухи о разного рода чудесах, и в конце концов советские власти распорядились снести здание.

Хотя государь отрекся от престола, он мог бы стать важнейшим орудием пропаганды во время гражданской войны, вспыхнувшей после захвата власти большевиками. Царскую семью отправили подальше на восток с целью удалить их от фронтов гражданской войны: власти боялись, что белые попытаются освободить их. Но в 1918 году опасной точкой стал как раз Екатеринбург. Царская семья была уничтожена, чтобы белые войска не предприняли попытки их освобождения.

Советским историкам всегда было трудно объяснить, для чего по-

Когда шведский писатель Пер Лагерквист в 20-е годы описывает, как господь Бог глубокоим стариком колет дрова, жалуясь, что не подозревал, как пойдут дела на земле, он имел в виду свергнутых после войны монархов, пиливших и коловших дрова по предписанию врачей. На этой фотографии Николай пилит дрова с сыном; свергнутый германский кайзер Вильгельм тоже часто позировал фотографам за этим занятием. Мысль Пера Лагерквиста ясна: господь Бог не кто иной, как свергнутый властитель

требовалось лишить жизни смертельно больного тринадцатилетнего мальчика и четырех ни в чем не повинных девушек. Государь с государиной были политическими противниками, это можно понять, в свое время царский режим уничтожил немало противников нынешней власти, а в период гражданских войн ни одна страна не соблюдала процессуальный кодекс. Хотя царская чета была убита без суда и следствия, которые могли бы оправдать этот поступок, советским историкам ничего не стоит представить его как правомочное действие. Но пятеро невинных детей — обелить их убийство советским историкам явно не под силу, поэтому этот вопрос чаще всего замалчивался.

Во время гражданской войны творилось столько бесчинств, что это убийство затерялось среди множества других злодеяний. Проще всего было бы сказать, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя оправдать убийство невинных детей и подростков и что такое, увы, часто случается во время гражданских войн; но советские историки пока не сделали даже такого простого заявления. Во всяком случае, до 1988 года, когда при горбачевской гласности слышались другие интонации, например, в рецензии Петра Черкасова на книгу Генриха Иоффе «Великая Октябрьская революция и эпилог царизма» в журнале «Новый мир», где он заявляет, что пятеро царских детей ничем не провинились перед русским народом или русской революцией. Знаменательно, что лишь семьдесят с лишним лет спустя после основания Советского государства подобное признание появилось в печати. В течение 1990 года убийство в Екатеринбурге неоднократно получало в советской прессе заслуженную оценку «зверства».

Если поразительное развитие истории конца двадцатого века будет продолжаться в том же направлении, не исключено, что советские историки и журналисты вернутся к событиям в доме Ипатьева менее предвзято.

В России существует долгая традиция самозванцев, выдававших себя за убитых наследников или царских потомков. Наиболее знаменит из них, конечно, «Лжедмитрий» в начале семнадцатого века. В двадцатом веке эта традиция продолжалась. После 1918 года неоднократно появлялся «чудом выживший царевич Алексей», очевидно также чудом излечившийся от гемофилии. Еще в 1960-е годы один Лже-Алексей (и его сестры!) сумел запудрить мозги американским журналистам. Наибольшей известностью пользовалась «Анастасия», женщина, выдаваемая за младшую дочь государя. Множество фактов свидетельствуют против ее тождественности с великой княжной Анастасией Николаевной, 1901 года рождения; хотя бы то, что Анастасия прекрасно говорила по-русски и по-английски, в то время как «Анастасия»/Анна Андерссон не владела ни тем, ни другим. Анна Андерссон умерла в начале восьмидесятых годов.

Весной 1989 года один советский писатель объявил, что десятью годами ранее обнаружил трупы убитой царской семьи. По его свидетельству, тела не были сожжены, как утверждалось ранее, а в спешке перед наступлением белых обезображены и выброшены в болото. Эти сведения получили многочисленные подтверждения из разных источников, тем самым миф об Анастасии можно забыть раз и навсегда.

В связи с историей Анастасии много говорилось о легендарных богатствах Романовых, которые якобы сохранились после революции в Английском банке и на которые претендовала Анастасия. Ни одному из

Великий князь Михаил Александрович, вероятно, среди частей своей дикой Кавказской дивизии, а может быть, «влиятельных кавказских князей», или и тех и других. На Кавказе не было воинской повинности, кавказские солдаты были вольнонаемными и отличными бойцами

серьезных исследователей не удалось обнаружить следов этих сокровищ. В начале первой мировой войны царская семья забрала в Россию все свои сбережения, чтобы использовать их на ведение войны — кроме тех, что естественным образом помещались в германских банках. Возможно, у отдельных великих князей сохранялись капиталы за границей, некоторым удалось вывезти фамильные драгоценности. Одни Романовы в эмиграции сильно нуждались, другие жили относительно безбедно.

Похоже, никто из них не голодал: всегда находились царственные или княжеские родственники.

«ЦАРЬ МИХАИЛ II»

Великому князю Михаилу Александровичу (не будем педантами и перестанем называть его бывшим государем) минуло к моменту Февральской революции тридцать восемь лет. После революции он жил в Гатчине под Петроградом.

В августе его ненадолго арестовали, потом выпустили. В феврале 1918 года большевики отправили его в Пермь, и в ночь с 12 на 13 июля, за несколько дней до убийства царской семьи, он был расстрелян в лесу вместе со своим секретарем Николасом Джонсоном.

Его жене было во время революции тридцать шесть лет. В 1919 году она прибыла в Лондон и долгие годы жила в нищете на положении беженки. В такой же бедности она умерла в Париже в 1952 году. Ее единственному с Михаилом сыну Георгию не так везло с автомобилями, как отцу: он погиб в автомобильной катастрофе в 1931 году, не дожив двух дней до двадцати одного года.

АЛАПАЕВСК

Весной 1918 года шестерых Романовых отправили сначала в Вятку, а потом в Екатеринбург. Это были пятидесятилетняя великая княгиня Елизавета Федоровна, сорокавосемилетний Сергей Михайлович и четверо молодых людей тридцати одного, двадцати семи, двадцати четырех и двадцати одного года — братья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей, сын великого князя Павла вmorganатическом браке.

Елизавета Федоровна была немка, урожденная Элизабет Александра Луиза Алиса, дочь Людвига IV Гессенского, сестра государыни и вдова отвратительного великого князя Сергея — того самого, которого так ненавидели за высокомерие, реакционную политику и сексуальные извращения и которого убили бомбой в 1905 году. Как и ее сестра, Елизавета Федоровна с рвением ударилась в православие, скорее всего в виде компенсации за бездетность и не особенно счастливый брак. Супруги практически не встречались, хотя и спали каждую ночь в одной постели. Можно только гадать, какое настроение царило на великокняжеском ложе.

Все семейство очень любило Елизавету Федоровну, она относится к

*Великая княгиня Елизавета
Федоровна в трауре по уби-
тому супругу*

тем немногим, о ком никто не сказал плохого слова. После убийства ее мужа она навестила убийцу в тюремной камере, чтобы помолиться за спасение его души: поступок производит впечатление некоего душевного неравновесия. Позже она основала монастырь и сама пошла в монахини.

Мария Павловна, выросшая в ее доме, рисует несколько иную карти-

Бликий князь Сергей Михайлович — русоволосый, талантливый, рослый, злой на язык. Судя по отзывам современников, он был в душе добрый, но несчастный человек

ну. Вероятно, Елизавету Федоровну ранило, что супруг был равнодушен к ней, зато проявлял любовь и нежность к двум невоспитанным детям — так характеризует себя и брата сама Мария Павловна.

Очевидно, Елизавета Федоровна относилась к тому типу женщин, которым необходимо заботиться о других, но в ее положении этой по-

требности было трудно найти применение. Стоило детям заболеть, как она преображалась и проявляла нечто похожее на нежность.

После смерти мужа она привязалась к Марии и Дмитрию, и прежняя холодность и отстраненность исчезли.

Дамы императорских фамилий всегда в меру занимались благотворительностью, но ее не следовало принимать всерьез. И особенно это касалось тети Эллы, великой княгини Елизаветы Федоровны.

Во время первой мировой войны Елизавета Федоровна пыталась обрассудить свою сестру, государыню, и объяснить ей, сколь губительна для страны политика царской четы; по правде говоря, в эти годы в Царское Село шли бесконечные потоки Романовых, пытавшихся донести сей факт до сознания государя, в результате чего государыня все больше изолировала семью от злых и ничего не понимающих родственников. Но уж наверное на царицу должны были подействовать увещания ангелоподобной сестры. Элла была даже в то время очень красива, она была стройнее царицы и казалась моложе нее, родившей пятерых детей и разделявшей страдания обреченного сына.

Даже набожная и ангелоподобная Елизавета Федоровна встретила весть об убийстве Распутина с большой радостью, что свидетельствует об общем настроении в России в последние годы перед революцией. Она послала телеграмму Дмитрию Павловичу, прося его в письме подробно описать случившееся и моля Бога придать Феликсу Юсупову (сделавшему первый выстрел) силы после этого патриотического поступка; а вторую телеграмму она отправила матери Юсупова, находившейся в фамильном имении в Крыму, с восхвалением Феликсу и уверением, что в своих молитвах не забывает никого из них.

Великий князь Сергей Михайлович был одним из многочисленных детей Михаила, младшего сына Николая I. Сергей Михайлович был высокий блондин, как и его отец. Среди Романовых блондины были редки. Жена его брата Георгия, Мария Георгиевна, описывает его как человека недюжинных способностей и на редкость уродливого, хотя и не без обаяния; они были добрыми друзьями. В юности он и его братья проводили много времени в компании наследника Николая, и, когда тот бросил свою любовницу, балерину Матильду Кшесинскую, Сергей Михайлович утешил ее. Кшесинская создала ему некое подобие семейной жизни. Он был ретивым офицером, а о его талантах мнения разнятся: острый язык наверняка приносил ему немало врагов. Сергей Михайлович занимал пост генерал-фельдцейхмейстера артиллерии и во время войны находился на фронте и в Ставке, где поддерживал себя в моральной форме, занимаясь разведением овощей.

По мнению родни, Сергей Михайлович дурно одевался, но ему этого

Князь Владимир Палей, морганатический сын великого князя Павла, писал стихи, которые читались в народе и раздражали Керенского; Владимир Палей был убит в ранней юности

не говорили, потому что он был капризен и часто пребывал в дурном настроении. Среди Михайловичей наблюдалась склонность к оригинальничанью. Сергей Михайлович и его братья жили в огромном отцовском доме, и Сергей Михайлович наглядно демонстрировал свое отношение к жилищу тем, что ездил на велосипеде из своей спальни в комнаты братьев.

К Матильде Кшесинской он был весьма неравнодушен. Они остались добрыми друзьями, в его обязанность входило сообщать ей, как государь отреагировал на ее спектакли, а во время революции он отдал ей собственный железнодорожный вагон. Председатель Думы Родзянко считал, что Сергей Михайлович принес немало вреда в качестве фельдцейхмейстера артиллерии, в частности, потому, что на поставки непосредственно влияла его дружба с Кшесинской, которая не в последнюю очередь решала, кому получать заказы от русской артиллерии. Артиллерия вообще была падчерицей русской армии во время первой мировой войны: по сравнению с противником артиллерии не хватало, и, создавая в советскую эпоху Красную Армию, талантливые полководцы прежде всего заботились о том, чтобы поднять уровень артиллерии.

Среди имущества, оставшегося после убийства Сергея Михайловича, был обнаружен золотой медальон с фотографией Кшесинской и надписью «Мала» (ее прозвище), а кроме того, маленький брелок в виде картофелины: имелась в виду излюбленная шутка молодых великих князей насчет «картофельного клуба». Получив брелок в подарок от великой княгини Ксении Александровны, Матильда Кшесинская сделала вид, будто не знает о «картофельном клубе». Шутка о «землянике» у Гоголя и «картофеле» в случае Николая II еще в его бытность юным наследником намекала на случайное, легкомысленное дамское общество на одну ночь.

Трое юношей, Иоанн, Константин и Игорь, были сыновьями литератора Константина Константиновича. Они выросли в Павловске под Петербургом и в великолепном Мраморном дворце над Невой — сегодняшнем Музее Ленина в Ленинграде.

Иоанну, старшему из сыновей великого князя Константина, было тридцать два года, и у него было двое детей, Всеволод и Екатерина.

Константин и Игорь были холосты. Еще один из братьев, Олег, погиб в первые месяцы мировой войны в возрасте тридцати одного года.

Владимир Павлович Палей, сводный брат Марии Павловны и Дмитрия Павловича, по прозвищу Ботька, тоже не был женат. Палей — древ-

На канате над рекой балансирует князь Игорь Константинович, приветливо улыбаясь наследнику в воде. На борту стоит государь, как обычно, с папиросой, учитель Жильяр и адмирал Нилов. Вскоре князь Игорь, царь и царевич будут убиты

Великий князь Константин Константинович с сыном Иоанном. Сыну посвящена идиллическая колыбельная с неожиданно мрачным тоном; строки о суровых предчувствиях богородицы сегодня, сто лет спустя, кажутся пророческими

няя украинская фамилия, упоминаемая в поэме Пушкина «Полтава». Владимир писал стихи, часть которых была напечатана. Что было редко для тех времен, он сочинял стихи прямо на машинку. Он также перевел на французский язык драму Константина Константиновича «Царь Иудейский». Закончив перевод, он прочел его Константину Константиновичу, который был очень доволен и растроган до слез; к тому времени ему оставалось жить менее трех месяцев.

Летом 1918 года шестерых арестованных Романовых перевезли в Алапаевск, в ста пятидесяти километрах к северо-востоку от Екатеринбурга. Маленький городок Алапаевск был основан Екатериной Второй и издавна славился как центр металлургии.

В ночь на 18 июля их увезли из Алапаевска в сторону Синячихи. По пути было много заброшенных шахт.

Из всех Романовых, убитых во время революции, только про Сергея Михайловича известно, что он оказывал сопротивление. Поняв, к чему клонится, силач бросился на солдат. Это привело лишь к тому, что ему прострелили голову. Когда тело сбросили в шахту, он был мертв, остальных пятерых бросили живьем. Вслед им солдаты кинули гранаты. Когда пришли белые, судебная экспертиза показала, что Романовы большей частью погибли от повреждений, полученных при падении. Некоторые оставались в живых несколько дней.

Тела Елизаветы Федоровны и убитой вместе с ней монахини перевезли в Иерусалим и там предали земле. Остальные тела были довезены до самого Пекина и похоронены возле церкви православной миссии.

В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Больному великому князю Павлу Александровичу было к началу революции пятьдесят шесть лет. После прихода к власти большевиков его поначалу оставили в покое. Летом 1918 года его арестовали и посадили в тюрьму в Петрограде. Великие князья Дмитрий Константинович, Николай и Георгий Михайловичи, сосланные зимой 1918 года в Вологду, где жили относительно спокойно, тоже летом 1918 года были арестованы и помещены в петроградскую тюрьму.

О Павле Александровиче уже рассказывалось ранее. Когда его арестовали, его младший сын был уже убит. Зато старший сын, как ни парадоксально, спасся благодаря наказанию за участие в убийстве Распутина.

Великий князь Дмитрий Константинович был ровесником Павла, то есть в 1919 году ему было пятьдесят девять лет. Он посвятил свою жизнь разведению лошадей и был убежденным холостяком, потому что не мог жениться на кобыле. К началу войны его зрение настолько ухудшилось,

Петропавловская крепость в Петербурге/Петрограде/Ленинграде, сегодня музей. Но гиды не рассказывают, где находятся братские могилы расстрелянных большевиками. Может быть, их останки были перенесены в другое место, как случилось по всему Советскому Союзу с миллионами невинных советских граждан в 30-е годы

что он не смог отправиться на фронт. Он был человеком принципов и считал, что великим князьям рода Романовых следует отказаться от высоких постов, которые они занимали по традиции. Свои принципы он унаследовал от матери, а не от отца и делил их с братом Константином, который действительно довольствовался скромными должностями по сравнению с другими родичами (хотя был к ним более пригоден, нежели те, кто занимал высокие посты).

Когда Дмитрий Константинович молодым человеком захотел пойти в кавалерию, отец принудил его выбрать флот, в котором служил сам, ибо кто-то из семейства обязательно должен был служить во флоте. Из этого ничего не вышло, потому что Дмитрия постоянно укачивало, и он на коленях умолял отца разрешить ему покинуть флот. В конце концов ему помогла мать, и он начал служить в кавалерии: за это он обещал ей никогда не брать в рот ни вина, ни водки. Его старший брат Николай Константинович являл собой устрашающий пример по этой части.

Великий князь Дмитрий Константинович

Обещание он нарушил лишь во взрослом состоянии — и с согласия матери. К тому времени он был командиром гвардейских гренадеров и обнаружил, что необычная среди русских великих князей трезвость затрудняла его общение с полковыми офицерами.

Застенчивость Дмитрия Константиновича вошла в поговорку. Путешествуя поездом, он никогда не выходил на станциях, а если кто-то заставал его

враспloch, прося принять официальную делегацию, он после этого опускал занавески на окнах вагона, чтобы избежать повторения на следующей станции.

Георгий Михайлович был традиционным кавалерийским офицером с необычайно длинными усами. В юности он увлекался искусством и сам занимался живописью. У него было больное колено, что помешало военной карьере, и тогда государь назначил его директором Мемориального музея Александра III. Георгий Михайлович был также страстным нумизматом и скоро переместил свою коллекцию в музей, где долгое время собственноручно составлял каталог.

Он был женат на греческой принцессе Марии Георгиевне, моложе его на тринадцать лет, которой не нравилось ни жить в России, ни быть женой Георгия Михайловича. Когда ее выдали за русского великого князя, у нее была тайная любовь в Греции, от которой ей пришлось отказаться. Она родила Георгию Михайловичу двух дочерей. В своих воспоминаниях она рассказывает о нем с преданностью, но когда она весной 1914 года покинула Россию и переселилась в Англию, все приняли это как супружеский разлад. Ее мать была русская, «Ольга, королева эллинов», сестра литератора Константина Константиновича, а ее отец, король Греции, был изначально датским принцем, и потому вся семья была страстно привержена ко всему греческому.

Брат Георгия, Николай Михайлович, был во многих отношениях незаурядной личностью. Он был высокого роста, лысый, но по-своему красивый; как все Романовы, он получил военное образование, но вскоре увлекся историей и стал прилежным ученым. Даже советские источники отзываются о нем как о компетентном историке, правда, с неизбежной оговоркой, что он писал «с консервативных монархических позиций». Он принимал участие в издании ряда важных научных трудов, с почтением упоминаемых в Большой Советской энциклопедии, а также выпустил подробную биографию Александра I: он считался всемирно признанным специалистом по этому периоду русской истории. Он также с увлечением собирал насекомых. Несмотря на «монархические консервативные позиции», семейство видело в нем опасного либерала. Все относительно. Семейство подозревало его не зря: например, он всегда ездил на обычном извозчике! С юных лет он враждовал с великим князем Николаем Николаевичем, главнокомандующим во время первой мировой войны.

В семействе часто говорилось, что Николай Михайлович не женился, потому что в юности был влюблен в немецкую принцессу Викторию Баденскую, но ни русский государь, ни Русская церковь не могли допустить их брака: они были двоюродными. Позже она вышла замуж за шведского престолонаследника Густава и стала шведской королевой Викторией. Судя по тому, что известно в Швеции об умной и консерва-

Великий князь Дмитрий Константинович — женоненавистник, любитель лошадей, холостяк, «ибо не мог жениться на лошади». Подобно брату Константину, человек принципов. Расстрелян

тивной Виктории, она едва ли ужилась бы с «известным либералом» русского императорского дома. Впрочем, немецкие принцессы всегда становились верными женами русских великих князей.

На самом деле, как утверждает легендарная русская писательница профессор Нина Берберова, Николай Михайлович не интересовался дамами, предпочитая юношей, да и вообще уютнее себя чувствовал в мужском обществе. С другой стороны, по достоверным источникам, у него было несколько побочных детей. Как и некоторые другие великие князья, был активным членом масонской ложи, пожалуй самым активным, и это обстоятельство немаловажно.

Нина Берберова изучала историю русского масонства и отмечает, что из одиннадцати министров Временного правительства Керенского только один не был масоном, а именно Милюков. Из этого, конечно, нельзя сделать тех же выводов о масонах, к которым пришли нацисты: будто бы в ложах готовился всемирный заговор. Зато привычка хранить тайны и не вызывать к себе подозрений, а также безоговорочное доверие масонов друг к другу, безусловно, помогало отдельным масонам устраивать заговоры, а к тому же масонское прошлое дало возможность десяти министрам из разных партий найти общий язык.

Великий князь Георгий Михайлович с женой Марией Георгиевной. Их брак был трагическим: она не любила ни его, ни Россию

В течение короткого времени между Февральской революцией и захватом власти большевиками Николай Михайлович лелеял далеко идущие планы. У него были большие имения в Тамбовской губернии, и потому он надеялся представлять губернию в Учредительном собрании. Этот проект он обсуждал ни больше ни меньше как с братом по ложе Керенским, последним демократически избранным президентом перед государственным переворотом в октябре-ноябре; но Керенский на это не пошел.

Вероятно, Николаю Михайловичу по душе были тайные общества. Он был вторым по счету русским членом закрытого и малоизвестного общества «Биксио», насчитывающего всегда лишь шестнадцать членов; до него в общество входил Тургенев. Среди известных членов «Биксио» были Мопассан, Доде, Флобер и братья Гонкуры. Новые члены избирались лишь в случае чьей-либо смерти.

Младшие родственники звали Николая Михайловича «дядя Бимбо». С годами он порядком растолстел, был своенравен и любил шалости. На торжественных парадах, когда великим князьям полагалось сидеть на лошади позади государя в виде свиты, Николай Михайлович имел обыкновение с лошади слезать и прогуливаться вокруг, даже разговаривая со зрителями.

— Будь в живых Александр III, он бы за такое угодил в кутузку, — мрачно говорили родственники.

Александр III действительно однажды посадил Николая Михайловича под арест, когда тот проехал мимо Аничкова дворца (тогдашней резиденции Александра III), развалившись на сиденье плохонького извозчика, с сигарой в зубах.

В Монте-Карло он нередко играл в казино и был знаменит тем, что попеременно выигрывал и проигрывал бешеные деньги.

Во время юбилея Бородинской битвы в 1912 году государь и великие князья объезжали Бородинское поле, осматривая воздвигнутые монументы. Был там и памятник, построенный французами, и возле него государь с почтением слез с лошади и сделал запись в книге посетителей — ведь старый противник был теперь союзником России. Остальные последовали его примеру — кроме Николая Михайловича. Все сходились на том, что он своенравный чудак.

Государыня ненавидела Николая Михайловича: было известно, что он открыто критикует политику царской четы, при этом говоря громко, чтобы его было слышно по всей комнате. В годы, когда все Романовы пытались образумить государя, Николай Михайлович написал ему очень откровенное письмо в том же духе, резко призывая его покончить с влия-

нием государыни на дела правительства, после чего государь просто-напросто сослал семейного историка из Петрограда в его имение. Когда государь проявлял подобную решительность, за ним, как правило, стояла государыня.

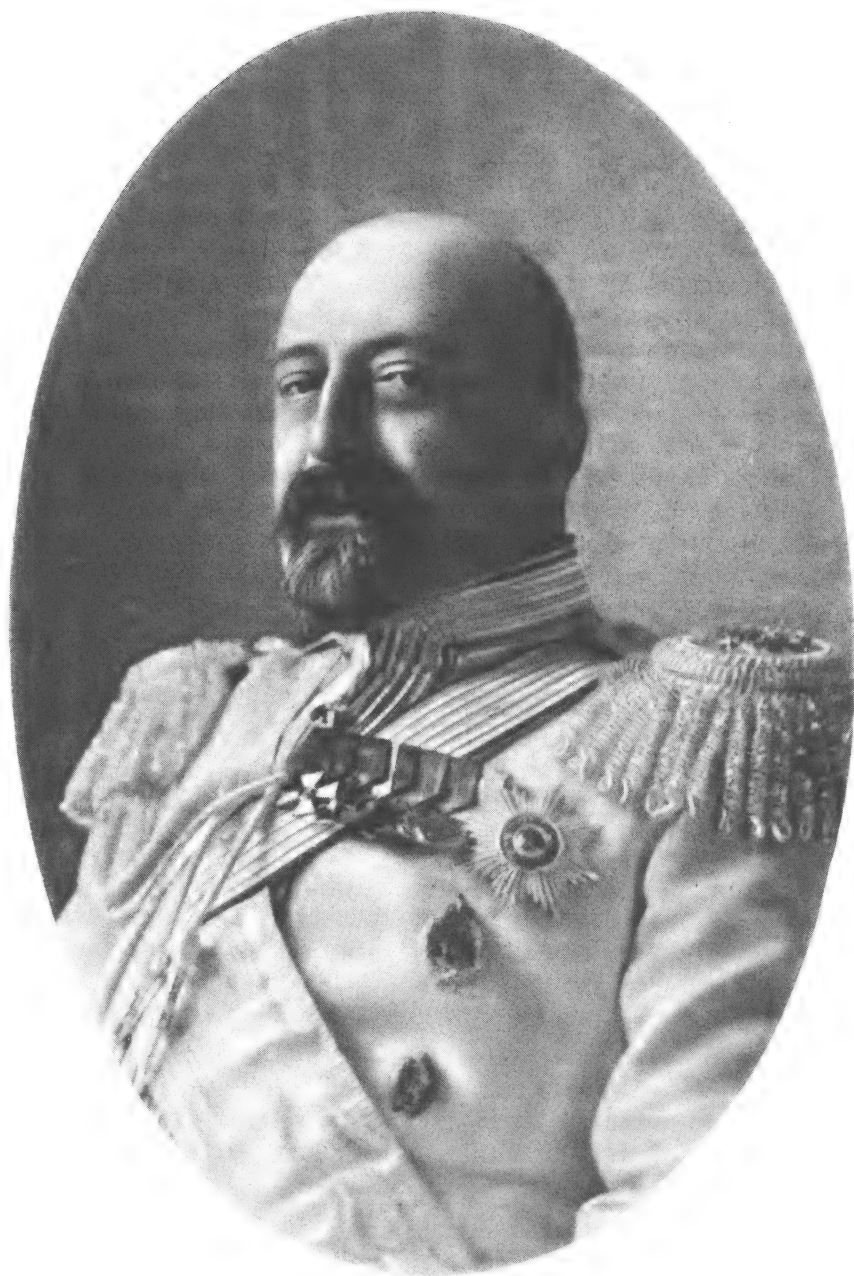
В январе 1919 года четверо великих князей в Петропавловской крепости были расстреляны и похоронены в общей могиле на территории крепости. В Советской энциклопедии указывается точная дата — 28 января, но там ничего не сказано о том, как встретил смерть великий князь, «далекий от придворных кругов». За известного историка и его арестованных родственников долгое время просил Максим Горький, но напрасно. «Революции не нужны историки!»—ответило правительство большевиков. В возрасте шестидесяти лет ему вместе с остальными великими князьями среди ночи приказали раздеться до пояса и вывели на январский мороз. Всех расстреляли и бросили в могилу, где уже лежало с десяток трупов. Почему их расстреляли? Говорили, будто казнь была ответом на убийство в Берлине социалистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург: абсурд, достойный своего времени. По свидетельству советской прессы Николай Михайлович до последней минуты держал на руках своего любимого персидского кота.

Когда Русская Зарубежная церковь в 1981 году причислила к лику святых великомучеников всех членов династии Романовых, убитых во время революции, а также другие жертвы того периода, имени Николая Михайловича среди них не упоминается и в его честь не было написано иконы. Дело в том, что он иногда называл себя социалистом и к тому же был масоном, а кроме того, с точки зрения церкви, считался атеистом.

Зная взгляды великого князя Николая Михайловича, можно предположить, что он был бы доволен, что избежал удела великомученика.

ОДИНОКИЙ РОМАНОВ В ТАШКЕНТЕ

Мы рассмотрели судьбу восемнадцати членов дома Романовых, убитых во время гражданской войны. Девятнадцатым был великий князь Николай Константинович, родившийся в Санкт-Петербурге в 1850 году. Он лишь вскользь упоминается в мемуарах, и о нем известно, что он умер в 1918 году. Но не в Петрограде, не в Екатеринбурге, не в Алапаевске, не в Перми, а в Ташкенте. Обычно утверждается, что он был убит большевиками, и вполне логично предположить, что в 1918 году в Ташкенте Рома-

нов умер насильственной смертью. Но многие факты говорят о том, что это не так.

Мы уже отметили, что семейство Романовых отнюдь не было сборищем полоумных вырожденков, как порой говорилось. Среди Романовых были и люди чести, и негодяи, бездарь и таланты, как в любой другой семье. В их позднейшей истории встречаются лишь два темных пятна: Сергей Александрович, убитый бомбой в 1905 году, и одинокий великий князь в Ташкенте, которому далеко до Сергея Александровича, но которого семейство стеснялось и предпочитало забыть. Он был вправду сумасшедшим, склонным к скандалам, и действительно опозорил свой великокняжеский титул. Он был самым красивым из всех великих князей всех времен. Но он был невменяемым и остался таковым на всю жизнь.

Однако почему он жил в Ташкенте? В мемуарах родни мы найдем массу загадочных объяснений, будто так было лучше для его психического состояния, но никому не ясно, почему именно Ташкент отличался особо здоровым климатом для умалишенного. Говорили, что он слишком много пьет, вероятно, так оно и было (подобное утверждение, увы, на проверку оказывается справедливым для огромного числа русских, независимо от того, идет ли речь о великом князе или простом рабочем). Но с каких пор Средняя Азия стала курортом для алкоголиков? Если уж на то пошло, пьянство среди военных было там куда тяжелее, чем в других районах России.

Приезжающему в Ташкент показывают дом, где он жил, и даже современные советские гиды упоминают Романова, изгнанного в Ташкент за неподобающий любовный роман.

Это блестящий пример «правды, но не всей правды», ибо любовь, безусловно, сыграла свою роль в пожизненном изгнании великого князя Николая в Ташкент. Любовь (или что-то в этом роде) заставила его похитить дорогой оклад с иконы его матери. Стремясь завоевать благосклонность американской авантюристки Фанни Лир, он продал оклад, чтобы купить ей дорогие украшения.

Это был сам по себе низкий поступок. Но, кроме того, он лжесвидетельством добился, что в краже обвинили другого. Лжесвидетельство из уст великого князя — это было чересчур. Лгать перед Богом и людьми

Великий князь Николай Константинович — паршивая овца. Ни денежные махинации его дяди Николая Николаевича-старшего, ни сексуальные эскапады Сергея Александровича не привели к таким суровым последствиям, как опрометчивость Николая Константиновича, укравшего драгоценные оклады с материнских икон

великому князю не пристало. Государь навечно изгнал его из России, сначала в Оренбург за Уралом, потом в только что завоеванный Ташкент.

Здесь уместно будет рассказать об одном из многих увлечений Николая. Плененный американкой, он одновременно имел длительную любовную связь с Александрой Абаза, женщиной необычайной. В возрасте шестнадцати лет ее выдали замуж за сына курского губернатора, и она родила ему пятерых детей. Но муж так дурно с ней обращался, что его родная мать помогла ей получить развод. Затем мать пятерых детей имела продолжительный роман с великим князем Николаем и родила ему двоих детей.

Когда его сослали в Ташкент, она с ним не поехала. К тому времени в покинутую мать семерых детей страстно влюбился граф Павел Сумароков-Эльстон и женился на ней: поистине никогда не следует утверждать, будто ваша жизнь уже позади! Сумарокову она родила еще пятерых детей и умерла, не дожив до сорока лет.

В те времена женщины были настоящими женщинами, перед которыми не могли устоять ни графы, ни великие князья!

Однако вернемся к ее бывшему любовнику, великому князю Николаю Константиновичу. В ссылке он женился морганатическим браком, дети от этого брака не получили места в престолонаследии.

Свое собственное место в престолонаследии он сохранил, его у него никто не мог отнять. Несчастному генерал-губернатору Ташкента выпала незавидная доля следить за ссыльным и к тому же полоумным внуком Николая I, одним из немногочисленных великих князей, носителей второго после государя титула в стране.

Большую часть своего великокняжеского жалованья Николай Константинович тратил на грандиозные проекты освоения целины. Но наряду со столь похвальными занятиями он привлекал внимание населения, заведя некое подобие гарема из местных красавиц. Впоследствии он сожительствовал с дамой из семьи уральских казаков, с которой показывался в общественных местах, а на балах в офицерском клубе он рьяно волочился за офицерскими женами.

Он все еще был красавцем, лысым, сильным, с моноклем на черном шнурке. Вероятно, он был выдающейся фигурой в светском обществе Ташкента, этого пограничного поста Российской империи, азиатского города, большей частью застроенного мазанками. Изгнанный навечно, но

все же великий князь, занимающий свое место в престолонаследии, свободный и независимый, без каких-либо обязанностей в жизни. Он любил светские развлечения и охотно позволял себе фривольные высказывания типа того, что «в постель можно заполучить любую женщину, разница в том, заплатить ей пять рублей или пять тысяч». Выше этого его остроумие, видимо, не поднималось.

В 1905 году оказалось, что у пятидесятипятилетнего князя еще есть порох в пороховницах. Он без памяти влюбился в пятнадцатилетнюю гимназистку Варвару Хмельницкую и купил целый дом для ее семьи. Летом его законная супруга уехала в Петербург, а великий князь велел заложить тройку и — умыкнул девочку! Они отъехали на двенадцать километров от Ташкента, и он обвенчался с пятнадцатилетней Варварой в сельской церкви.

Видимо, таким образом он добился взаимности Варвары. Но тем самым в династии появился великий князь, запятнавший себя не только лжесвидетельством, но и двоеженством. Разразился громкий скандал, генерал-губернатор в ужасе слал донесения в Петербург, попа, обвенчавшего парочку, постригли в монахи, а девушку и ее семью услали в Одессу.

Николай Константинович умер в 1918 году, и, как было сказано, в большинстве источников сообщается, что он был убит большевиками. Но сохранились письма этого года, свидетельствующие о его естественной смерти, возможно от воспаления легких. Существуют также слухи, будто бы большевики устроили ему пышные похороны, считая, что он был отправлен в ссылку за мятеж против государя.

Но и после смерти полоумный великий князь не желал подчиниться порядку. Он оставил двух сыновей, Артемия и Александра. Если бы они родились в браке, приемлемом с точки зрения престолонаследия, им не нужна была бы фамилия, они назывались бы «князьями императорской крови». Так же они получили фамилию Искандер, распространенную в Азии форму имени Александр, а также по названию деревни вблизи плантаций великого князя.

Александр умер в 1957 году на юге Франции. Но когда и где умерли его дети Кирилл и Наталья (родившиеся в 1914 и 1916 годах), неизвестно. Они «пропали во время революции». Вероятнее всего, они были убиты. Но они могли выжить и в таком случае, конечно, скрывали свое происхождение. Брат Александра Артемий умер в 1919 году.

Судьбу остальной части семейства Романовых проследить легко: кто куда сбежал, кого и где убили большевики. Но полоумный великий князь верен себе: мы не знаем, был ли он сам убит большевиками или похоро-

нен с почестями, а его потомки могут и по сей день находиться в Советском Союзе.

ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ

Подводя итоги судьбе династии во время революции, мы замечаем, что четыре ветви рода пострадали неодинаково.

Александровичи состояли из трех семей троих сыновей Александра II.

Из оставшейся семьи его сына Александра III не выжил почти никто. В живых остались вдовствующая царица и ее две дочери: Ксения, замужем за великим князем Александром Михайловичем, и Ольга, вторично вышедшая замуж в годы войны. Семья Николая II была уничтожена. Брат государя Михаил был расстрелян, но его вдова, красавица Наталья Брасова, и ее дети остались жить.

Зато из семьи второго сына Александра II, великого князя Владимира Александровича, все спаслись: вдова Мария Павловна и ее сыновья Кирилл, Борис и Андрей, а кроме того, дочь Елена, замужем за греческим принцем. Женат был только Кирилл, у него было две дочери, а в революционном 1917 году родился сын.

Из сыновей Александра II к началу революции в живых оставался один Павел, женатый вторично морганатическим браком. Он сам и сын от второго брака были убиты, но дети от первого брака, Дмитрий Павлович и Мария Павловна-младшая, а также вторая жена и ее две дочери спаслись.

Пережила революцию и дочь Александра II Мария Александровна. Она была замужем за герцогом Эдинбургским, который одновременно был герцогом Саксонским-Кобургским и Готским. Она умерла в 1920 году и приходилась матерью Виктории Мелите, женщине примечательной судьбы, жене вышеназванного Кирилла.

Из множества Константиновичей трое молодых сыновей литератора Константина Константиновича были убиты: Иоанн, Константин и Игорь. Их дядя Дмитрий Константинович был расстрелян, и, вспомним, неизвестно, как окончил свои дни другой дядя, Николай Константинович из Ташкента, а также что случилось с его морганатическим сыном и двумя внуками, пропавшими во время революции; не забудем и его второго морганатического сына, который остался в живых.

От «династических Константиновичей» осталась вдова литератора с двумя сыновьями и двумя дочерьми: Гавриилом, Георгием, Татьяной и Верой. Невестка Елена, вдова расстрелянного Иоанна, и ее двое детей

Им не суждено было сочетаться браком: наследник Николай Александрович и его невеста Дагмар. Он умер молодым, а она все же стала государыней всея Руси, супругой брата Николая Александровича, Александра Александровича, известного нам как Александр III

тоже избежали печальной участи. Сестра литератора Ольга Константиновна была вдовствующей королевой Греции; история о том, как ее муж, король Греции, в 1913 году был убит, не относится к предмету нашей книги.

Третья ветвь, Николаевичи, была не столь многочисленна и включала великих князей Николая и Петра Николаевичей с женами, а также детей Петра Николаевича: Романа, Марину и Надежду. Все они пережили революцию и в двадцатые годы жили на Ривьере большой русской семьей, последним великокняжеским двором.

Наконец, четвертая ветвь династии, Михайловичи, вела происхождение от младшего брата Николая I, Михаила, умершего всего за восемь лет до революции. Трое его сыновей были убиты во время гражданской войны: Николай, Георгий и Сергей. Его сын Михаил задолго до революции поселился за границей из-за своего морганатического брака. Вдова убитого Георгия и их две дочери уцелели. Сын Александр Михайлович, женатый на сестре государя Ксении, и их семеро детей тоже выжили: потомки шестерых буйных мальчишек, раздражавших бабушку, составляют основную массу сегодняшних Романовых. Сестра Александра Михайловича и его убитых братьев, Анастасия Михайловна, была замужем за великим герцогом Мекленбург-Шверинским.

Посмотрим же более подробно, как сложилась судьба уцелевших после революции Романовых, и начнем с Александровичей.

Александровичи

ВДОВСТВУЮЩАЯ ЦАРИЦА ДАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Когда разразилась революция, вдовствующая царица Мария Федоровна находилась в Киеве. Она отправилась в Ставку в Могилев и в последний раз встретилась со своим сыном Николаем, теперь уже бывшим государем. Когда в вагон вошел ее зять, Александр Михайлович, она сидела и всхлипывала, а Николай молча курил, глядя себе под ноги.

Подобно другим членам династии, вдовствующая царица не раз пыталась убедить Николая II и государыню прогнать Распутина и разо-

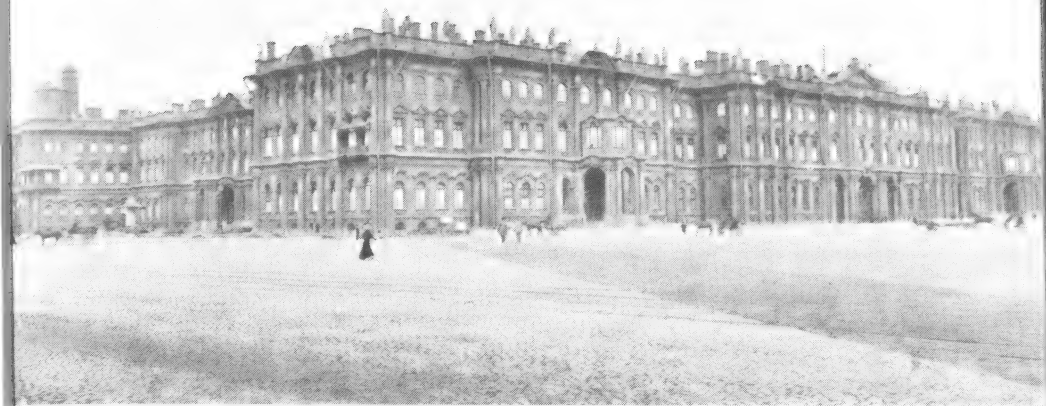
браться во внутренней политике. Это привело к еще более прохладным отношениям между вдовствующей царицей и царской четой.

Мария Федоровна, урожденная принцесса Дагмар Датская, по прозвищу Минни, была одной из самых примечательных фигур во всей династии. В юности она не отличалась красотой, но у нее была приятная и пикантная внешность. Она была маленького роста и, естественно, выглядела еще ниже рядом с могучим Александром III. У нее был низкий и несколько прокуренный голос.

Подобно своей сестре, королеве Александре Английской, она люби-

Очаровательная мать и прелестная дочь: царица Мария Федоровна с шестилетней дочерью Ольгой

Зимний дворец на набережной Невы. Марии Федоровне единственной нравилось здесь жить — жизнь в Зимнем дворце означала праздники, а Мария Федоровна выросла в Дании и умела наслаждаться праздниками

ла украшения и наряды, не блистала способностями и не разбиралась в политике. Обе сестры вечно всюду опаздывали — по крайней мере, Александру III удалось отучить жену от этой привычки.

Ее выдали замуж в 1866 году, когда Александр был еще наследником, тем самым она в течение пятнадцати лет готовилась к своим будущим обязанностям «хозяйки земли русской», как официально именовалась государыня при переписи населения. Такой основательной подготовки не получила ее невестка, вынужденная сразу же с головой окунуться в свою роль первой дамы страны. Николай и его невеста обвенчались через три недели после смерти Александра III. Застенчивая и совершенно не приспособленная к подобным обязанностям принцесса Аликс Гессенская чересчур внезапно начала свою карьеру русской царицы.

Зато датская принцесса Дагмар как нельзя лучше годилась на эту роль и была действительно прекрасной хозяйкой для русского народа, во всяком случае, что касалось представительских функций. Интересно, что огромный самоуверенный Александр III с почтением относился к своей крошечной царице. Она родила ему шестерых детей: будущего

Николая II, Александра, умершего в младенчестве, Георгия, умершего от туберкулеза в возрасте двадцати восьми лет, Михаила, ставшего царем на один день и тем самым последним правителем дома Романовых, а также дочерей Ксению и Ольгу.

У супругов было очень мало общего, и все же едва ли их брак мог быть счастливее, по словам дочери Ольги, питавшей не слишком теплые чувства к матушке. Марии Федоровне блестяще удавалось лавировать между многочисленными родственниками, часто состоявшими между собой в ссоре. Александр III, ненавидевший светское общество, балы и приемы, вероятно, ценил свою малютку-датчанку, охотно бравшую на себя светские заботы.

Ей единственной в роду был по душе Зимний дворец, все остальные терпеть его не могли: огромный и неудобный, где они вынуждены были посещать скучные и помпезные сборища. Мария Федоровна обожала приемы, ибо знала, что она в центре внимания и выглядит великолепно. Ее супруг имел обыкновение отправлять оркестр домой пораньше, чтобы как можно быстрее покончить с этим безобразием. Не любил он и военных парадов.

Мы уже рассказывали, что Александру III запрещалось курить сигары в помещении и что он не решался развлекать детей, демонстрируя силу, не проверив предварительно, нет ли поблизости супруги. Но случилось, и ей не удавалось держать его в узде.

Во время одного посещения великого княжества Финляндского встречавшие царскую чету пели национальный гимн Финляндии «Наша страна». Государь не был в восторге от этого, предпочитая, чтобы его приветствовали русским царским гимном «Боже, царя храни», который, кстати, существовал на шведском языке в прекрасном переводе Франса Микаэля Франсена. Недовольный государь не снял шляпы.

Мария Федоровна родилась и выросла в эпоху пламенного скандинавского патриотизма. К тому же она, урожденная датчанка, отлично понимала шведский текст гимна. Дернув супруга за рукав, она сурово приказала ему снять шляпу. На сей раз государь всея Руси не подчинился ей. Но маленькая язвительная царица, стоя на балконе перед собравшимся финским народом, живо сказала супругу все, что она о нем думает. Надо полагать, это было достойное зрелище, и на последнем куплете Александр III все же снял шляпу в знак уважения к финскому национальному гимну.

В те годы в Европе много пели, особенно в Финляндии. В начале войны, в 1914 году, Мария Федоровна сжала из Европы в Петербург через Швецию, пограничный северный город Хапаранду, а затем через Фин-

ляндию. Она побоялась плыть пароходом из Стокгольма в Петербург, опасаясь мин.

На многих станциях в великом княжестве Финляндском ее встречали пением. В Финляндии она пользовалась особой популярностью в силу своего датского происхождения. На одной станции, в присутствии генерал-губернатора Финляндии, Мария Федоровна попросила собравшихся студентов спеть патриотический «Марш Бьёрнеборгского полка» (сегодня национальный марш свободной Финляндии). Студенты охотно исполнили ее просьбу, потому что текст шведоязычного национального поэта Финляндии Рунеберга был запрещен царской цензурой. Русский генерал-губернатор не мог ничего поделать, поскольку песню заказала сама вдовствующая царица. Очевидцы рассказывают, что на заключительных словах лицо генерал-губернатора покраснело, как помидор.

Итак, крошечная вдовствующая царица любила балы, праздники и развлечения, ей нравилось, что по протоколу при торжественных случаях Николай шел с ней в первой паре, в то время как невестка, вероятно столь же возмущенная, как генерал-губернатор Финляндии, была вынуждена идти на шаг позади.

Но чтобы Мария Федоровна не предстала в чересчур идеальном свете, следует признать, что у нее наблюдались и менее привлекательные черты. Так, с младшей дочерью Ольгой она обращалась как с собственностью, а не как с любимым ребенком и, как могла, портила ей жизнь.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОМАНОВЫХ В КРЫМУ

После революции положение в Киеве осложнилось. На Украине династию Романовых недолюбливали не меньше, чем в России. Зять Марии Федоровны великий князь Александр Михайлович с семьей также прибыл в Киев. Когда угрозы семейству в прессе стали чересчур кровавыми, он стал уговаривать ее ехать вместе с ним в фамильное имение в Крыму. Она отказывалась до последней минуты. Наконец кто-то из властей сжалился и издал приказ о немедленной эвакуации всех Романовых из Киева в Крым. Семидесятилетняя вдовствующая царица заверяла, что предпочтет оказаться в тюрьме. Ее пришлось силком тащить на вокзал.

На ее окончательное решение повлияло происшествие в киевском госпитале. Она имела обыкновение посещать раненых, но в один прекрасный день ворота захлопнулись у нее перед носом, и главный врач объявил, что ее присутствие более нежелательно. Наутро она сообщила дочери, что согласна ехать.

Семьдесят лет спустя трудно понять, что в поместье Ай-Тодор в Крыму, когда жизнь висела на волоске, пленники могли развлекаться. Второй и третья слева Феликс Юсупов и его жена Ирина Александровна

Среди отъезжающих были Александр Михайлович и младшая дочь Марии Федоровны со своим вторым мужем, Николаем Куликовским. Жена Александра Михайловича Ксения (любимая сестра Николая II) и их шестеро сыновей приехали в Крым позже.

Феликс Юсупов, женатый на дочери Александра Михайловича Ирине, находился в ссылке в своем имении под Курском — довольно мягкое

наказание за убийство Распутина. Весной 1917 года супруги Юсуповы также приехали в Крым, где жили в юсуповском имении Кореиз.

На долю Романовых, находившихся в Крыму до весны 1918 года, выпали удивительные приключения. Вдовствующая царица, ее зятя, дочери и внуки содержались в плену в усадьбе Александра Михайловича Ай-Тодор. Поскольку имение располагалось у моря и при нем был обширный парк, положение было не особенно тяжелым. Опасения внушала лишь охрана, составленная из радикально настроенных матросов. Вплоть до захвата власти большевиками шли непрерывные разногласия между этими революционными матросами из местных Советов и либеральным представителем Временного правительства: он не пользовался большим авторитетом среди радикалов-моряков.

Как-то ночью группа солдат из севастопольского Совета проникла в Ай-Тодор и произвела обыск. В спальне Марии Федоровны они вытащили все ящики, выбросив на пол одежду, разломали стены и пол, сдернули с кровати постельные принадлежности, в то время как разъяренная стайка поливала их бранью на чем свет стоял.

Это напоминало многочисленные обыски до 1917 года, когда царские жандармы искали революционную пропаганду или бомбы, а также многочисленные обыски после 1917 года, когда НКВД (или МВД, или ЧК, или КГБ) искали Бог знает что. Но во время этого обыска матери последнего русского царя и вдове предпоследнего русского царя пришлось пережить то же унижение, что сотням тысяч русских до и после нее. Она пребывала в такой ярости, что один матрос предложил забрать проклятую бабу в контору ЧК в Севастополе. До этого, правда, не дошло, но, не найдя припрятанных пулеметов, матросы изыали Библию Марии Федоровны, которую она в 1860-е годы привезла с собой в Россию из Дании. После отречения Николая она посвятила большую часть времени чтению этой Библии и теперь напрасно умоляла ее вернуть.

Зато матросы даже не взглянули на стоявшую на столе шкатулку с драгоценностями, которые дочь Ольга позже спрятала в полых камнях на пляже, мудро рассудив, что второй раз им так не повезет. Мария Федоровна сохранила драгоценности до самой смерти, после чего они послужили причиной серьезных разногласий между ее дочерьми.

К тому времени в Крым прибыли также великокняжеские братья, главнокомандующий Николай Николаевич и Петр Николаевич с семьями. Как-то осенью представитель Временного правительства не явился, как обычно, с утра, и только к полудню в Ай-Тодор приехал на машине великан-матрос. Звали его Задорожный, в свое время он проходил службу в авиационной школе Александра Михайловича в Севастополе. Он

Вдовствующая царица Мария Федоровна покидает Россию на борту английского военного корабля «Мальборо» в апреле 1919 года

сообщил, что новое Советское правительство поручило ему командование над пленниками и что всех Романовых велено перевести в имение Петра Николаевича Дульбер, которое легче защищать.

— Почему? — недоумевали все. — От кого защищать?

Оказалось, что ялтинский Совет постановил расстрелять Романовых немедленно, между тем как севастопольский Совет, к которому относил-

ся Задорожный, не хотел казнить Романовых, по крайней мере без приказа лично от товарища Ленина.

Следующие пять месяцев показали, что Задорожный был прав — а Петр Николаевич не напрасно построил свое имение в виде неприступной крепости, над чем в свое время потешалось все семейство. Петр Николаевич увлекался архитектурой. На вопрос, собирается ли он в своем замке в Крыму играть в пиратов или в Синюю Бороду, он только отвечал, что неизвестно, как сложится жизнь. Действительно, благодаря его предвидению севастопольскому Совету удалось защитить своих высокородных пленников от кровожадных товарищей из ялтинского Совета.

Раз за разом к имению подъезжали набитые людьми и пулеметами грузовики из Ялты, чтобы поговорить с Задорожным. Товарищи из Ялты требовали выдать им врагов народа Романовых, но товарищ Задорожный отказывался, поддерживаемый стратегически расположенными пулеметами. Под конец он даже обратился к великому князю и адмиралу Александру Михайловичу за помощью по тактике обороны. Жену Александра Михайловича Ксению искренне забавляло сотрудничество супруга с севастопольским Советом, и она говорила, что в один прекрасный день Задорожный попросит великого князя зарядить ружья для взвода, приводящего в исполнение смертный приговор.

Впрочем, неизвестно, действительно ли Александр Михайлович выполнял роль военного советника. По свидетельству других пленников Ай-Тодора и Дульбера, он пребывал в глубочайшей депрессии и стратегические переговоры с большевиками вели другие великие князья.

В апреле 1918 года Задорожный начал терять терпение. Конфликт с ялтинским Советом зашел так далеко, что матрос с минуты на минуту ждал прямого нападения. Как-то ночью исполнилось предсказание Ксении: Задорожный попросил Александра Михайловича приготовиться и не ложиться спать — в случае чего им предстояло помогать заряжать оружие.

— Не знаю, доживу ли я до утра, — признался Задорожный.

В шесть часов утра Задорожному позвонили по телефону, и он в совершенно растерянном состоянии подошел к Александру Михайловичу. Обратившись к пленному, он назвал его «ваше императорское высочество».

Пленник, естественно, удивился. В апреле 1917 года его титул сменился с императорского высочества на бывшего великого князя Александра, в мае он стал «адмиралом Романовым», а в июне 1917 года «гражданином Романовым». Теперь он вдруг снова сделался его императорским

высочеством великим князем Александром Михайловичем. Более того, Задорожный просил у великого князя защиты.

К этому времени Ялту захватили немецкие войска, и телефонный звонок исходил от них. Задорожного угрожали повесить, если хоть волосок упадет с головы его пленников за тот час, который требовался, чтобы приехать в Дульбер. Один из генералов уже находился в пути.

Появившись в семь часов утра в имении, немецкий генерал, к своему изумлению, услышал, что великий князь просит оставить Задорожного и его матросов в качестве охраны в Ай-Тодоре и Дульбере.

—Aber das ist ganz unmöglich!¹— воскликнул генерал.

Только заручившись письменным заверением, он согласился на эту «сумасбродную идею», продолжая бормотать себе под нос про «этих фантастических русских».

КОГДА ДАГМАР ВЕРНУЛАСЬ НА РОДИНУ

Упрямая старушка-царица отказалась принять немецкого офицера, спасшего ей жизнь, ибо считала, что Россия все еще воюет с Германией. К тому же она не забыла датско-германскую войну 1864 года, когда Дания была вынуждена отдать Пруссии Шлезвиг, Голштейн и Лауэнбург.

Но вот первая мировая война окончилась, и германским войскам предстояло покинуть Крым. Племянник Марии Федоровны, английский король, послал корабль для эвакуации тетушки и ее родственников. Царственная тетушка отказалась покинуть Крым без целой свиты друзей, и король Англии Георг на это согласился. 11 апреля 1919 года Мария Федоровна оставила Россию, куда приехала пятьдесят три года назад; сохранилась фотография этой приземистой женщины с гордо поднятой головой на фоне пушек английского военного корабля «Мальборо». За последние годы ее двое сыновей, пятеро внуков и множество другой родни были варварски убиты. Неудивительно, если она так до конца не осознала, почему произошла революция.

Поначалу Мария Федоровна поселилась в Англии у своей сестры Александры, тоже вдовствующей королевы. Однако сестры между собой не ладили. Мария Федоровна перебралась на родину, в Копенгаген, где царствовал ее племянник Христиан X.

Но и с ним она не сошлась характерами. Видимо, он был не слишком щедр со старой тетушкой. Она же, скорее всего, смотрела на него сверху

¹ Но это же невозможно! (нем.)

вниз, поскольку он был только королем, а не императором, как ее покойные муж и сын. Про их ссоры рассказывают немало историй; например, однажды она опозорила его перед итальянским королем, отказавшись принять и того и другого.

Одна стычка произошла из-за счета за электричество. Мария Федоровна жила во флигеле королевского дворца Амалиенбург в Копенгагене. Однажды вечером к ней явился слуга с настойчивой просьбой короля погасить часть ламп, поскольку последний счет за электричество оказался слишком высок.

Последовавшая сцена сделала бы честь Гомеру, хотя и протекала в датско-русском фарсовом духе. В присутствии несчастного королевского слуги Мария Федоровна послала за собственным камердинером и велела зажечь все лампы во флигеле, от подвала до чердака.

Придирки короля продолжались и далеко не всегда получали столь величественную развязку, как в ту ночь, когда во флигеле Амалиенбурга в пику датскому королю горели все огни. Под конец в дело вмешался другой племянник, английский король Георг V, выделив тетушке ежегодную пенсию в десять тысяч фунтов стерлингов. К превеликой радости датского короля, она тут же перебралась из Амалиенбурга в небольшой дворец Видёре, принадлежавший ей и ее двум сестрам. Он расположен на берегу моря в десяти километрах к северу от центра Копенгагена, неподалеку от ипподрома Клампенбург. В настоящее время дворец перестроен в больницу.

До самой смерти в 1928 году Мария Федоровна не верила известиям о смерти сына и пятерых внуков. Упрямая старушка держалась лишь тем, что отказывалась верить в постигшее ее несчастье. Впрочем, в последние годы она должна была в душе признать, что свершившееся свершилось.

В Копенгагене она была легендарной фигурой, ее называли «наша императрица», ее всегда сопровождал казак лейб-гвардии — конечно, до тех пор, пока у нее были силы появляться на людях. Однажды она получила посылку от датского дипломата, который в антикварном магазине в Москве обнаружил старую Библию, конфискованную у нее в Крыму; она умерла с этой Библией в руках.

За последние сто пятьдесят лет ни один член королевских домов Скандинавии не пережил столько драматичных и трагических событий, какие выпали на долю датской принцессы Марии-Софии-Фредерики-Дагмар, дочери короля Христиана IX. Ее тесть и один из братьев мужа были убиты бомбами террористов; старший сын, его жена и пятеро детей были убиты во время революции, так же как еще один сын, второй брат мужа и прочие родственники. В придачу к кровавым событиям в России ее брат

был убит выстрелом в Фессалониках: он был известен под именем принца Вильгельма Датского, прежде чем стал королем Греции Георгом, а женой его была русская великая княжна Ольга Константиновна, сестра полоумного великого князя из Ташкента и литератора Константина Константиновича.

Если бы отец Дагмар не нашел для нее столь блестящей партии и ей пришлось бы довольствоваться датским или шведским аристократом, она окончила бы свои дни в тишине и покое, окруженная многочисленным потомством и не скорбя о зверски убитых детях и внуках.

МЛАДШАЯ СЕСТРА ГОСУДАРЯ

Младший ребенок Александра III, сестра государя Николая II, великая княжна Ольга Александровна была *порфирородной*. Это означает, что она родилась, когда ее отец был царствующим монархом. Николай и остальные братья и сестры родились, когда Александр еще был наследником.

К началу революции Ольге Александровне было тридцать четыре года. Со временем она стала эксцентричной пожилой дамой и умерла в 1960 году в крайней нищете в рабочем квартале Торонто, в Канаде. Она не пользовалась никакими внешними атрибутами великокняжеского происхождения, а лишь обладала собственным достоинством. Не блистая умом и не получив хорошего образования, она через всю жизнь пронесла особый ореол чисто русского интеллигента: зачем тратить время на хозяйство, если можно использовать его на прогулки, живопись или просто мечтания? Она гордилась собой. На вопрос одной маленькой девочки, правда ли, что она принцесса, Ольга Александровна ответила:

— Нет, я вовсе не принцесса, а русская великая княгиня!

Но она также без лишних эмоций говорила:

— По-моему, в тысячу раз лучше быть бедной изгнанницей среди бедных крестьян, чем среди богатых коронованных особ и аристократов.

В этой книге ранее не говорилось, что при всем богатстве и изобилии члены царствующей династии Романовых жили в противоестественной и во многих отношениях вредной среде — не упоминалось потому, что такой вывод читатель легко может сделать сам. Особенно жалеть членов царственных фамилий не приходится, ибо, несмотря на превратности

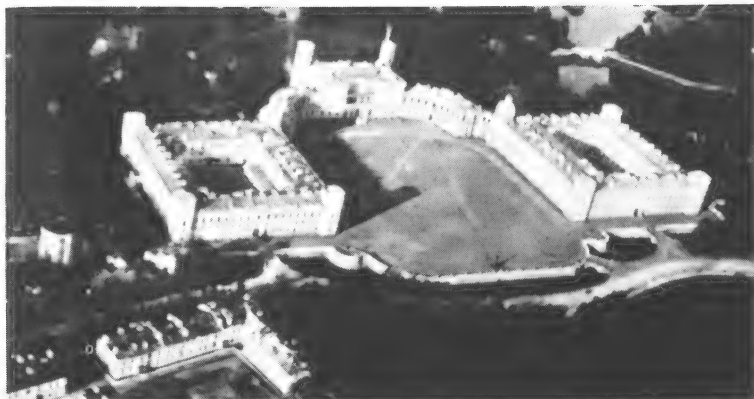

Сестры Ольга и Ксения в поместье Видёре после похорон матери

существования, их уровень жизни был несравненно выше, нежели у детей из любого другого общественного слоя.

Но младшую дочь Александра III, барышню великокняжеской крови, все же становится жаль, хотя она купается в роскоши и богатстве. Стоит ей найти счастье, как ее все глубже затягивает пучина материальной нужды; она вновь обретает благополучие, вслед за чем в ее жизнь врываются горе и унижение; материальные трудности накапливаются, и в конце концов она умирает, разоренная и одинокая, но все же достигнув некоей индивидуальной свободы — старая бедная оригиналка в Торонто, внушающая уважение при всех своих недостатках, причудах, предрассудках и прочих человеческих качествах.

Все это нам известно благодаря канадскому искусствоведа по имени Ян Воррес, с которым она сдружилась в последние годы своей жизни. К ней не раз обращались с предложениями написать мемуары, но она всякий раз отказывалась. Молодой Ян Воррес был по происхождению грек и обратился к ней с просьбой одолжить несколько икон на выставку византийского и русского религиозного искусства. Этим он завоевал ее доверие. В конце концов вышла книга ее мемуаров, им написанная и прокомментированная. Странно, что ни эту книгу, ни

Здесь выросла Ольга Александровна — дворец в Гатчине под Петербургом

книгу воспоминаний Марии Павловны-младшей не заметило современное женское движение.

Ибо обе эти женщины отнюдь не погрязли в борьбе мужчин за власть и престиж вокруг престола и золотых гор. Обе великие княгини рассказывают о человеческих отношениях внутри династии Романовых без претензий и интереснее, чем любой мемуарист или историк мужского пола. Обе книги — и Ольги Александровны, и Марии Павловны — отмечены печатью достоверности. Что касается Ольги Александровны и ее биографа, Яна Ворреса, то, на их счастье, он поначалу ничего не знал о русской истории. Он проделал добросовестную работу, проштудировав соответствующую литературу, записав все со слов великой княгини и ничего не переврав, в том числе об ее самых эксцентрических чертах; вероятно, он умолчал о некоторых подробностях, которые из преданности ей не считал нужным предавать гласности. Конечно, есть риск, что ряд историй, которые он преподносит как рассказ Ольги Александровны, он вычитал в других книгах.

Кроме того, стоит задуматься, насколько правдиво могла рассказывать на старости лет Ольга Александровна, испытавшая столько ударов судьбы. Известно, что пожилые люди склонны вспоминать старые обиды и мстить людям, которых давно нет в живых. Но в ее с Ворресом книге почти нет фактических ошибок, которыми кишмя кишат, например, мемуары великого князя Александра Михайловича — мемуары увлекательные, но не безгрешные с точки зрения истины.

У Ольги Александровны было пять братьев и сестер. Один брат умер

Крестьянская усадьба Кнудсминне в Дании, где жила Ольга Александровна с семьей

В этом доме в Торонто умерла великая княгиня Российская Ольга, сестра императора Николая II

в младенчестве, другой, Георгий, сгорел в чахотке, не дожив до тридцати. Николай, старше Ольги на четырнадцать лет, был наследником, добрым, безвольным, но хорошим другом, хоть и почти всегда отсутствующим. Ксения, семью годами старше Ольги, стояла ей ближе всех; она была если не красивая, то миловидная девушка, похожая на мать.

Младшие дети: Михаил, родившийся в 1878 году, и Ольга, в 1882-м, были внешне далеко не так привлекательны, как старшие брат с сестрой. Несколько лет назад на аукционе был продан обнаружившийся семейный фотоальбом великой княгини Ольги, полный интересных, профессионально сделанных фотографий. На снимках мы видим уютный, идиллический мир, полный спортивных снарядов, фотоаппаратов и животных, от маленьких собачек до ручных медведей. Судя по фотографиям, двое младших детей государя были предоставлены друг другу.

Но добродушный плеейбой Михаил вскоре умчался к более свободной жизни, где его ждало офицерское образование, веселые дамы, ночные пирушки и новое изобретение, называемое автомобилем. Ольга осталась одна с матерью, вдовствующей царицей Марией Федоровной, о которой шла речь в предыдущей главе.

Можно только удивляться, как Марии Федоровне удалось распорядиться судьбой младшей дочери. Отношения вдовствующей царицы с детьми были не из лучших. Она была — не без оснований — недовольна невесткой, то есть царицей, которая превратила государя всея Руси в

отшельника, вместо того чтобы рядом с ним представлять лицо империи. Мария Федоровна была категорически против брака старшей дочери Ксении с родственником, великим князем Александром Михайловичем: он был племянником деда Ксении, или, если угодно, кузеном ее отца. Можно предположить, что вдовствующая царица не была в особом восторге и от странных увлечений Михаила; впрочем, если бы он ограничивался незаконными связями, она бы не возражала, но, как порядочный мужчина, он каждый раз намеревался жениться на очередной возлюбленной. Предметы его вожделений менялись, и когда он наконец отважился на такой опасный шаг, предметом оказалась дважды разведенная красавица, причем когда пламя нежной страсти разгорелось и она решила стать женой младшего брата государя, а его сделать своим третьим мужем, она еще не развелась со своим мужем номер два. Подобное поведение будущей невестки одобрит не каждая мать.

С юной Ольгой у матери были другие проблемы. Как уже говорилось, вдовствующая царица любила показываться на людях. По утрам, что в тех кругах означало до полудня, ей приносили списки всех приемов, праздников и прочих светских увеселений в Петербурге, и она поспешно решала, какие из них осчастливить своим присутствием. Этот образ жизни ее вполне устраивал.

Ольга же пошла в отца, Александра III, который недолюбливал сбо-рища и предпочитал проводить время дома, в кругу семьи. Юная Ольга играла на скрипке и занималась живописью, а также, как мы знаем, недурно фотографировала, что в те годы было сродни живописи. Сохранившиеся картины свидетельствуют о ее незаурядных способностях. В те времена среди царственных особ было принято давать выход своим художественным наклонностям. Хотя в их числе редко встречаются гении мирового значения, можно привести немало примеров подлинного таланта. Многие немецкие князья сочиняли музыку. В России мы уже называли поэта К. Р. из Мраморного дворца, который хоть и умер еще во время первой мировой войны, но то и дело появляется в нашем повествовании. Петр Николаевич был неплохим художником; склонность к живописи наблюдалась и у Георгия Михайловича, но, к сожалению, он не успел ее развить.

Едва ли особы голубых кровей талантливее прочих. Но стоящие возле трона имели не так уж много занятий в жизни, помимо военной карьеры и деторождения; если же ни то, ни другое не отнимало всего времени или не приносило удовлетворения, оставалась либо благотворительность, либо творчество. Им также не составляло труда на начальном

этапе обзавестись лучшими педагогами, чтобы избежать ошибок новичков.

Итак, Ольга предпочитала стоять в рабочем халате за мольбертом и писать свои причудливые картины или играть на скрипке, давая волю своим подавленным инстинктам. Она больше любила животных, чем придворных, была ловкой и подвижной и увлекалась спортом. Но эти привлекательные качества были не по душе ее вальяжной мамаше. И что хуже всего, девочка росла совершенной сорвиголовой, похожей на мальчишку и того типа, который едва ли после отрочества превращается в прекрасную бабочку.

Наоборот, в юные годы Ольга была некрасива, на сохранившихся фотографиях она похожа на добрую, честную и грустную лошадь. Рядом с ней на снимках ее миловидная сестра Ксения своим видом будто говорит: «Это Ольга, мы сестры и немного похожи, но я надеюсь, разница видна невооруженным глазом».

И вот наступает момент, когда сорвиголове с художественными наклонностями, некрасивой императорской дочке пора замуж. Это было проделано таким образом, что сегодня мы должны сильно призадуматься, что же за человек была вдовствующая императрица Мария Федоровна. Ибо когда прочие барышни семейства выдавались замуж по расчету, например, когда Мария Павловна-младшая была выдана за шведского принца Вильгельма, это, по крайней мере, делалось из соображений внешней политики.

Но какие соображения могли заставить Марию Федоровну выдать свою девятнадцатилетнюю дочь за принца Петра Ольденбургского, старше ее на четырнадцать лет, одного из отпрысков полуимператорского рода на периферии династии Романовых? Он был известен как страстный игрок и кутила и к тому же, как о нем тактично говорилось, «не интересовался дамами». Уж не рассчитывала ли вдовствующая царица таким образом оставить дочь при себе, хотя и выдав ее замуж, как требовали приличия?

Трудно понять, что лежало в основе этого брака. Может быть, Мария Федоровна хотела поскорее сбыть с рук некрасивую и взбалмошную дочь. Может быть, тщеславная мать жениха добилась для него столь блестящей партии. Нельзя забывать, что раньше партнеров детям выбирал Александр III, но теперь его не было, и Марии Федоровне приходилось самой принимать решение.

Как бы то ни было, жених провел брачную ночь за игорным столом с приятелями-офицерами. «За пятнадцать лет нашего брака принц Ольденбургский и я ни разу не состояли в супружеских отношениях!» —

признавалась Ольга пятьдесят лет спустя. Ни один из мемуаристов не рассказывает продолжения этой удивительной истории, вероятно, о ней мало кто знает. Сама Ольга в старости подытожила все следующим образом: «Иногда мне кажется, что Романовым лучше было родиться без сердца».

Принц Ольденбургский не особенно угнетал супругу, ему было достаточно иметь женой сестру государя; разумеется, он быстро проиграл миллион золотых рублей, унаследованных ею от рано умершего брата Георгия. Неудивительно, что вскоре после свадьбы она пережила период глубокой депрессии, продолжавшийся почти год.

Когда депрессия прошла, Ольга смогла наслаждаться относительной независимостью. В частности, она в одиночестве выходила на прогулку, что до нее не позволяла себе ни одна великая княгиня.

Впрочем, одиночество означало, что она прогуливалась со своей борзой и любимым пуделем, а на некотором расстоянии за ней шла придворная дама. А позади придворной дамы следовал с соответствующей скоростью великокняжеский автомобиль с шофером.

И все же Ольга гуляла в одиночестве.

По-прежнему большую часть времени она уделяла живописи и игре на скрипке. До тех пор, пока ее брат Михаил как-то в апреле 1903 года не взял ее с собой на парад, где ей на глаза попался молодой капитан гвардейских кирасиров. Тут младшую сестру государя охватила страстная любовь, которая продолжалась всю жизнь.

Она заставила брата познакомить ее с молодым кирасиром. Тот тоже проявил к ней интерес. Ей было почти двадцать два года, и впервые в жизни она была влюблена.

Здесь она проявила тот же истинно русский характер (несмотря на немецкую и датскую кровь), о котором мы говорили раньше. Ольга Александровна немедленно отправилась домой к своему вялому безвольному принцу, нашла его в библиотеке и объявила, что любит другого и хочет развода.

Принц Петр Ольденбургский, который при своих специфических интересах, должно быть, привык к щекотливым ситуациям, не опешил, а предложил ей семь лет на размышления. Судя по всему, между супругами произошел довольно резкий разговор. Ибо вскорости принц назначил молодого капитана кирасиров Николая Куликовского своим личным адъютантом с повелением поселиться в доме принца на Сергиевской улице. Таким образом, молодые влюбленные могли жить под одной крышей, а принц не вмешивался в сердечные дела младшей сестры государя при условии, что о них никто не знал.

Свадебная фотография Ольги Александровны и ее рыцаря, кирасира Николая Куликовского. По некоторым сведениям, она венчалась в форме Красного Креста, но на фотографии видно обычное свадебное платье

Это был поразительный *ménage à trois*, к тому же оставшийся в тайне. Любопытно, как он действовал на практике? В конце 1950-х годов восьмидесятилетняя и крайне набожная Ольга утверждала, что между ней и Николаем Куликовским «ничего такого не было» до самого 1916 года, когда они в возрасте тридцати пяти и тридцати четырех лет наконец смогли пожениться. У ее биографа Яна Ворреса хватило мудрости не ставить под сомнение ее рассказ. Но будем надеяться, что в данном случае память ей изменила. Когда началась война, Куликовского отправили на фронт. Ольга пришла к мужу и объявила, что тоже собирается на войну сестрой милосердия и что больше не вернется. Во всяком случае, к нему.

До войны она, кстати, однажды осталась наедине с Распутиным, который пытался было за ней ухаживать, обнимал за плечи и гладил по руке.

— Тогда я в первый и последний раз попросила совета у моего мужа, принца Петра. Мы договорились, что мне следует избегать Распутина, что я и сделала, хотя фаворитка государыни Анна Вырубова настоятельно уговаривала меня с ним встретиться.

В качестве сестры милосердия Ольга перемещалась вместе с фронтом с востока на запад и обратно. Без сомнения, работа сестрами милосердия была исключительно важна для женщин семейства Романовых. До них доходили обвинения в безделье — теперь они могли проявить активность и прилежность. К тому же это была почетная и патриотическая работа, хотя порой довольно грязная. Но они могли внести вклад в общее дело, а такая потребность есть у всех нормальных людей. Случалось, кто-то из них только «играл в больницу» и главным образом позировал фотографам в нарядной униформе; но многие действительно трудились на совесть.

В ноябре 1916 года Ольга вышла замуж за Куликовского. В отличие от многих вступавших в повторный брак, ей не пришлось разводиться. Поскольку таинство брака, как церковь именует супружеские отношения, не состоялось, его можно было просто-напросто признать недействительным. Принцу Ольденбургскому удалось после революции уехать во Францию, и, как ни странно, в 1922 году он вторично женился. Два года спустя он умер на юге Франции; мать пережила его на год, а отец, постоянно бранивший его за обеденным столом из-за карточных долгов, умер в Биаррице в 1932 году.

Итак, через тринадцать лет Ольга получила в мужья своего кираси-

Ольга Александровна с сыновьями по пути в Германию, муж на заднем плане почти не заметен; таким хотела бы видеть его теща, вдовствующая царица

ра. Они обвенчались в небольшой часовне в Киеве в присутствии ее матери, и, как Ольга сама рассказывала сорок лет спустя, вместо свадебного платья на ней была униформа сестры милосердия. Однако на сохранившейся фотографии на ней настоящее подвенечное платье. Эпизод с платьем или униформой придает всей истории незабываемую романтическую окраску, из чего можно заключить, что тридцатичетырехлетняя невеста была искренне счастлива.

В следующем году Россия пережила Февральскую революцию, а затем захват власти большевиками в октябре. Ольга Александровна и

Куликовский последовали за вдовствующей царицей и великим князем Александром Михайловичем в Крым, где пережили драматические события в Ай-Тодоре и Дульбере.

Настроение у пленных Романовых было подавленное. От Александра Михайловича осталась одна тень, а Ксения Александровна впала в глубокую депрессию. В придачу ко всему вдовствующая царица обращалась со своим зятем Куликовским нарочито пренебрежительно: она не собиралась принимать в семью зятя некоролевской крови.

Однако время показало, что положение жены человека по фамилии Куликовский, не великого князя и вообще не князя, имело свои преимущества. Если прочие родственники прибыли в Дульбер пленниками, то Ольга и Куликовский были свободными людьми, как и их сын Тихон, родившийся в конце лета. Они переехали из Крыма на Кавказ и жили там в страшной нищете, пока вокруг бушевала гражданская война. С новым отношением к династии Романовых они столкнулись, когда хотели обратиться к белому генералу Деникину. Он не принял их из политических соображений. Даже белые не желали запятнать себя связью с Романовыми, пусть и младшей сестрой государя.

После разгрома Деникина семья бежала в Новороссийск. Они заболели тифом и, судя по всему, подверглись нечеловеческим унижениям. Там им встретился старый знакомый с английского военного корабля, от которого они получили бесценный дар — настоящее английское армейское сукно и, по крайней мере, смогли спшить себе приличную одежду.

В Новороссийске судьба также свела их с тетей Михен, то есть Марией Павловной-старшей, вдовой великого князя Владимира. Сорок лет спустя Ольга призналась, что семьи недолюбливали друг друга; но теперь, в Новороссийске, Ольга впервые в жизни расцеловала тетю Михен от всей души. Мария Павловна прибыла в Новороссийск на собственном поезде и с целой свитой, в том числе личными фрейлинами. Как ей это удалось, остается загадкой. В памяти Ольги было еще свежо, каких трудностей стоило ее матери перебраться из Киева в Крым в сопровождении личной охраны из преданных ей саперов.

В феврале 1919 года Ольга, ее муж-капитан и двое теперь уже детей покинули Россию на торговом корабле. Они плыли через Мраморное море, Константинополь и Белград в Данию, где их ждала Мария Федоровна.

А с ней ждали и новые унижения. На Куликовского вновь стали смотреть как на недостойного чужака. Когда приходили гости на чашку чая, вдовствующая царица давала понять, что Куликовский не к месту; когда их изредка приглашали на официальные приемы в королевский дворец, она прозрачно намекала, что дочь может пойти вместе с ней, но

присутствие ее законного супруга нежелательно. Однако, надо думать, Куликовский, которого все описывают как умного и доброго человека, находил себе более интересные занятия.

В 1925 году Ольга против воли матери и мужа поехала в Берлин, где в течение четырех дней встречалась с женщиной, которую считали младшей дочерью государя, Анастасией. Настоящую Анастасию Ольга в последний раз видела в 1916 году, когда царевне было пятнадцать лет. Ольга категорически отрицала, что эта женщина (Анна Андерссон) может быть Анастасией, в частности, потому, что самозванка не говорила ни по-русски, ни по-английски — а на этих языках говорили в царской семье, зато, когда ее нашли возле канала после попытки самоубийства, она бойко говорила по-немецки.

— Мои племянницы не знали немецкого, — заявила Ольга Александровна.

Вместе с тем она, как и все отрицавшие гипотезу «чудесного спасения» Анастасии, искренне жалела эту несчастную женщину.

Когда в 1928 году умерла мать Ольги, на похороны в кафедральном соборе маленького датского города Роскилле собрались не только представители всех королевских домов Европы, но и сотни русских эмигрантов, в том числе претендент великий князь Кирилл.

— Уж ему-то следовало держаться подальше оттуда, — твердо заметила Ольга сорок лет спустя после революции, во время которой Кирилл, по мнению всего рода, запятнал себя гнусным предательством.

Мария Федоровна была последней русской царицей, она на десять лет пережила невестку, последнюю царствовавшую государыню. Легендарные «богатства» Романовых, якобы сохранившиеся на Западе, были, скорее всего, мифом. Все состояние Марии Федоровны умещалось в той шкатулке, которую не нашли матросы во время обыска в Крыму. Шкатулку она провозила с собой по всему свету, и после ее смерти драгоценности были отправлены в Англию, где сестра Ольги, Ксения, занялась их продажей. Очевидно, Ольга до самой смерти была убеждена, что ее обделили. Судя по многим источникам, когда Романовы в эмиграции продавали свои драгоценности, что было для них единственным источником к существованию, европейские ювелиры, сговорившись, предлагали заведомо низкие цены. Эти сведения вполне правдоподобны.

В последние годы жизни матери Ольге пришлось тяжело, она оказалась привязана к больной и своенравной старухе, которая не обращала внимания на то, что у дочери была своя семья и двое бойких мальчишек. После смерти матери семья выехала из дворца Видёре, и Куликовский несколько лет служил начальником конюшни у одного миллионера. В

Подлинно датская сцена: датская гастрономия, вывеска «Говядина — свинина», но неприметная датская покупательница на самом деле сестра последнего русского царя

1932 году они с Ольгой купили усадьбу Кнудсминне в маленьком городе Баллеруп, неподалеку от Копенгагена.

Сыновья получили образование в русской гимназии в Париже, а потом поступили на службу в датскую гвардию. Один женился на Агнес Петерсен, дочери фермера, а другой на Рут Шварц, дочери мелкого торговца в Баллерупе. На лето Ольга Александровна ездила в Швецию навестить кронпринца Густава Адольфа в его поместье Софиеру, небольшом замке у Эресунда, где он обычно проводил лето. Ольга бывала в Софиеру еще во времена короля Оскара II, и тогда ей там не нравилось. Теперь атмосфера во дворце была веселая, и Ольга долго потом жила воспоминаниями тех летних дней. В Софиеру было также постоянное

правило, облегчавшее жизнь бедной родственнице в изгнании: там не полагалось оставлять прислуге на чай.

Похоже было, что младшая сестра государя и ее верный рыцарь Куликовский наконец обрели покой и смогут мирно дожить свои дни в тихой Дании. Но не тут-то было. После тревог второй мировой войны в 1948 году, когда ей было шестьдесят шесть лет, а Куликовскому шестьдесят семь, они покинули Баллеруп и после непродолжительной остановки в Англии вместе с сыновьями, невестками и внуками перебрались в Канаду. Что же заставило их уехать?

Их мотивы легко истолковать превратно. Во время войны Ольга принимала в своем доме людей в форме немецких оккупационных войск. Но они не были немцами. Они были русскими.

В годы второй мировой войны около миллиона бывших советских граждан несли службу в немецкой армии, а всего в Германии находилось более шестнадцати миллионов советских граждан. Те, кто служил в немецкой армии, *не относились* к числу знаменитой «власовской армии», о которой многим приходилось слышать. На самом деле никакой «власовской армии» не существовало, была лишь дивизия, наспех собранная в последний месяц войны. Русские служили на побегушках в немецких военных частях. Их называли «Hi-Wis», «Hilfswillige» (добровольцы), и единственным отличием «власовской армии» был матерчатый шеврон, который некоторые носили на рукаве. В так называемом «штабе» у Власова была горстка помощников, сам Власов предназначался для использования в целях пропаганды; его второе пропагандное турне было прервано по приказу Гитлера, поскольку Власов не следовал данным ему указаниям. Лишь в последний месяц войны ему было поручено собрать две дивизии, которые быстро отомстили за годы унижений со стороны немцев и, в частности, очистили Прагу от частей СС; затем они сдались в плен американцам, которые, в свою очередь, выдали их Советской Армии и тем самым обрекли на тяжелую участь.

Русские военнопленные находились в безнадежном тупике. Как известно, советским солдатам и офицерам запрещалось сдаваться в плен. Сталин не разрешил Красному Кресту оказывать русским военнопленным помощь продуктами и другими предметами первой необходимости, а при том, как обращались с ними немцы, это было равноценно смерти. Стать «добровольцем» было единственным способом выжить. Язык не повернется осудить их, даже принимая во внимание размах преступлений

Гитлера. У них на родине еще до войны творились подобные зверства — по количеству убитых не меньший геноцид, чем учиненный Гитлером.

Так что если Ольга Александровна во время войны принимала в своем доме русских в военной форме, ее нельзя огульно назвать пособницей фашизма. Скорее, это было обычное русское сострадание к соотечественникам в беде.

Но по окончании войны приговор общества был суров и непоколебим ко всем, кого можно было заподозрить в коллаборационизме и предательстве. Трудно с полной достоверностью выяснить, чем именно занимались Ольга и Николай Куликовские и в чем конкретно выражались угрозы против них. Но в странах, подвергшихся оккупации, подобные преследования были делом обычным. Нередко нападки на «немецких девок» и «пособников» прикрывали собственную пассивность, а то и помощь оккупантам.

Не существует ни одного доказательства, что хотя бы кто-то из Романовых сотрудничал с Гитлером. Сталинская пропаганда не преминула бы воспользоваться подобным фактом, и о нем стало бы известно.

Но Куликовскому и его семье после войны от этого было мало толку. По приезду в Канаду они купили ферму в округе Хэлтон, в восьмидесяти километрах от Торонто. При Ольге по-прежнему находилась ее верная служанка Мимка.

Сыновья покинули ферму и открыли бизнес в Торонто; со своими женами-датчанками они развелись, и оба женились вторично. Николай Куликовский был слишком стар и немощен, чтобы без помощи сыновей заниматься сельским хозяйством, поэтому ферма была продана, а вместо нее приобретен небольшой домик. В 1954 году умерла Мимка. Весной 1958 года не стало Куликовского.

Еще великой княжной младшая дочь Александра III была равнодушной к нарядам. Теперь она стала старой, чудаковатой и плохо одетой дамой, а об ее кулинарных достижениях те, кому случалось их отведать, отзывались как об «очаровательно примитивных»; при жизни Мимки ей едва ли приходилось готовить. В 1954 году ее навестила герцогиня Кентская, а когда в 1959 году Торонто посетила английская королевская чета, Ольгу пригласили на борт королевской яхты «Британия». Знакомые мягко, но настойчиво принудили ее купить хлопчатобумажное платье за тридцать долларов: лишь низкая цена примирила ее с этим бессмысленным приобретением.

В Канаде ее то и дело осаждали самозванцы, выдававшие себя за родню. Чудаков было немало, но всех переплонула дама из Монтевидео, утверждавшая, что это она является великой княгиней Российской Ольгой, а в Канаде якобы живет мошенница.

До конца дней Ольга Александровна не могла избавиться от страха перед убийцами, всегда тщательно запирала двери и, ложась спать, проверяла, не спрятались ли кто под кроватью.

Когда наконец возраст и болезнь взяли свое, она умерла в доме русских эмигрантов, капитана Мартемьянова и его жены, в самых бедных кварталах Торонто, в комнатке над салоном красоты. Зато там были иконы и там с ней говорили по-русски. 24 ноября 1960 года скончалась последняя настоящая «русская великая княгиня». На похороны собралось множество русских эмигрантов, а у гроба несли караул солдаты и офицеры бывшего Ахтырского полка, где Ольга была почетным полковником.

Эксцентричная старушка была непоколебимой патриоткой и часто защищала свое семейство от расхожих нападок. У нее не было иллюзий относительно хода истории. Она не верила в реставрацию, в восстановление кого-либо из Романовых на русском престоле. Рассуждать об этом было пустой тратой времени. Но она также трезво смотрела на развитие в мире и откровенно признавалась:

— Я всегда с интересом следила за советской внешней политикой. Она ничем не отличается от той, что вели мои отец и брат.

Она наверняка ничуть не удивилась бы, узнав, что в 1980 году великолепный военный оркестр Министерства обороны СССР выпустил пластинку с классическими кавалерийскими маршами царского времени, в том числе прелестным полковым маршем ее собственного любимого Ахтырского гусарского полка.

СЕМЬЯ БУДУЩЕГО ПРЕТЕНДЕНТА

К ветви Александровичей относились также вдова великого князя Владимира Мария Павловна-старшая, ее трое сыновей — великие князья Кирилл, Борис и Андрей и дочь Елена, жена греческого принца.

Во время революции Марии Павловне было шестьдесят три года, и она вместе с тридцатисемилетним сыном Андреем находилась в Кисловодске. Борису Владимировичу было тридцать девять лет, он оставался в Петрограде. У него был роскошный дом в Царском Селе, в английском стиле до последнего гвоздя; хозяин был известен веселым нравом и приверженностью к женщинам, еде и питью. Его дворецкому было приказано на всякий случай звонить один раз с приходом обычных гостей, два — почетных, а три — если вдруг появятся государь или государыни.

Когда накануне первой мировой войны Петербург посетил президент Франции Пуанкаре, семейство Романовых приветствовало его, торжест-

Революция уже приближается, но великокняжеские титулы еще ценятся высоко. На переднем плане великая княгиня Елена Владимировна с дочерьми Мариной (в будущем герцогиней Кентской), Ольгой и Элизабет; рядом сидит великая княгиня Виктория Федоровна с дочерьми Марией и Кирой. Стоят: великий князь Андрей Владимирович, муж Елены Владимировны греческий принц Николай, Мария Павловна-старшая, великие князья Кирилл Владимирович и Борис Владимирович

венно выстроившись на набережной в Кронштадте. Как всегда, построение шло по очереди в престолонаследии, то есть Кирилл Владимирович стоял на почетном месте справа от государя, ибо был ближе всех к престолу (стало быть, царевич Алексей и великий князь Михаил Александрович при сем не присутствовали). Все с нетерпением готовились выслушать «Марсельезу» — запрещенную цензурой песню, которая, однако, была национальным гимном страны, откуда прибывал высокий гость. Пуанкаре был в ордене св. Андрея. Государь и великие князья, награжденные орденами Почетного легиона, надели их на формы. А у Бориса Владимировича висел на шее орден, вызвавший всеобщее недоумение. Оказалось, он получил его за «выдающийся вклад в сельское хозяйство Франции». Сообщение об этом вызвало не меньшее недоумение.

Великий князь Борис отличался эксцентричностью во многих отношениях. Он имел обыкновение перед обедом принимать ванну и никогда с этим не спешил. Однажды, когда семейство собралось в Кремле по поводу какого-то юбилея и все выстроились на торжественный парад, он прошествовал по коридору из ванной в свою комнату, завернувшись в полотенце. За секунду до появления государя он успел одетым встать на свое место. Семейство привыкло к его выходкам, но это было чересчур. Насколько известно, он никогда ничем не занимался, кроме вина, женщин и изысканной еды. Вечером того дня, когда государь отрекся от престола, Борис Владимирович танцевал танго на балу в Петрограде.

Вместе с тем Борис единственный из всего семейства на другое утро отправился на помощь своему государю. Он был одновременно генералом и казачьим гетманом, и, хотя это были чисто номинальные должности, он надел форму и поехал в Ставку в Могилев. Там его появлению несколько удивились и дали ему понять, что никому из Романовых помощь больше не требуется.

Некоторое время он содержался под домашним арестом в своем английском дворце в Царском Селе, а потом уехал к матери и брату в Кисловодск. Обоих братьев вновь арестовали, освободили, опять подвергли преследованиям. Какое-то время они скрывались от большевиков в горах Кавказа и в конце концов вместе с матерью выехали в Крым. Обоих братьев сопровождали любовницы.

Борис покинул Россию в 1919 году, прежде своей матери, которая очень рассердилась, узнав, что он ее бросил. В том же году он женился на своей любовнице Зинаиде Елисеевой, генеральской дочери, состоявшей в разводе. Детей у них не было. Борис умер в 1943 году, а его жена в 1964-м. В эмиграции он также не сотворил ничего достойного упоминания. И все же он вошел в историю как единственный во всей огромной

Великий князь Борис Владимирович с женой Зинаидой в эмиграции

династии, кто поспешил на помощь государю в трудную минуту — хотя помощь оказалась не нужна.

Его мать Мария Павловна, которая долго и безуспешно пыталась женить безбидного повесу Бориса на одной из дочерей государя, оставалась в России до последнего. Тогда белая армия одерживала победу за победой и все ждали, что белые вот-вот возьмут Москву. Мария Павловна же приходилась матерью великому князю, который отсиживался в Финляндии, ожидая, когда его пригласят на российский престол, законным претендентом на который он был при восстановлении монархии.

Но скоро выяснилось, что успехи белой армии носили временный характер. Мария Павловна, Андрей Владимирович и его возлюбленная Кпесинская были также вынуждены покинуть Россию. В конце декабря 1919 года они уехали из Кисловодска и встретили Новый год в личном вагоне Марии Павловны на станции Минеральные Воды. 4 января 1920 года они прибыли в Новороссийск и полтора месяца ждали корабля на французское побережье Средиземного моря, откуда Мария Павловна продолжила путь к родственникам в Швейцарию.

Как уже говорилось, остается загадкой, каким образом Марии Павловне, больной, со слабыми ногами, удалось проехать через всю охваченную гражданской войной Россию и всюду встречать почет, приличествующий царствующей императрице. Ей беспрекословно и безоговорочно подчинялись, сами не зная почему. Зрелище, должно быть, было внушительное, воздержимся же от замечаний насчет того, что в ее бравадах было что-то недемократичное и что в то же самое время тысячи людей по всей России умирали в нищете. Подвиг есть подвиг. За последние двадцать три года царского режима не раз говорилось, что великая княгиня Мария Павловна была бы более достойной царицей. Наверное, подобная мысль возникала в умах людей и в ее последние годы в России. Она знала свое дело, как она сама в свое время самодовольно заметила начальнику императорской канцелярии генералу Мосолову.

Ее троем сыновьям крайне повезло, потому что дорогие украшения Марии Павловны, хранившиеся в сейфе в Петрограде, были с риском для жизни вывезены из России англичанином по имени Альберт Стоппард. Стоппарду удалось вывезти четыре полных комплекта драгоценностей, один Марии Павловне и по одному на каждого сына.

В декабре 1920 года Мария Павловна после непродолжительной болезни скончалась в маленьком французском курортном городке Контрексевиль. Там она похоронена, и там в ее честь названа улица, хотя сегодня в Контрексевиле мало кто знает, в честь кого получила название «Rue Grande Duchesse Vladimir» (улица супруги великого князя Владимира). Могила сына Бориса также находится в Контрексевиле, департамент Во-

Великая княгиня Мария Павловна-старшая в костюме боярыни. Во время знаменитого маскарада в Зимнем дворце приглашенные были одеты в костюмы эпохи первого царя Романова; костюмы были дорогие, и все было тщательно сфотографировано на память о красивом одеянии

*Молодой великий князь Андрей Владимирович в костюме боярина
на маскараде в 1903 году*

Особняк Матильды Кшесинской на Кронверкском проспекте в Петербурге не отличается скромностью. Дом вошел в историю благодаря Ленину. Он существует и по сей день

гезы на востоке Франции, в специальной часовне, построенной для Марии Павловны и двух ее младших сыновей.

Многие улицы в Контрексевиле названы в честь людей, приезжавших туда пить целебные воды, и «Grande Duchesse Vladimir» наверняка занимает среди увековеченных таким образом знаменитостей не последнее место. Она была дочерью немецкого князя Мекленбургского, но часто утверждала, что поскольку исконное население области было славянским, то в ней больше славянской крови, чем в ком-либо из Романовых. Иностранцы, писавшие мемуары о годах до и после революции, нередко черпали сведения в салоне Марии Павловны: и английский посол сэра Джордж Бьюкенен, и французский посол Палеолог.

Последняя царица решительно отвергла Марию Павловну, и отношения между двором Марии Павловны и царским двором были, мягко говоря, прохладными. Мария Павловна держала салон на старый манер, соби-

рая вокруг себя художников, музыкантов и писателей, и отличалась дальновидностью, выбирая светских знакомых. Ее образ жизни ничуть не походил на семейную идиллию царской четы, где властвовала самоуверенная, но замкнутая царица. Царская чета избегала талантливых людей, уровень их общения виден, например, из записок фаворитки царицы Анны Вырубовой — сумбурных, жеманных, скучных и ханжеских. Едва ли подобную книгу мог бы написать человек из окружения Марии Павловны.

Ее младший сын Андрей считался «семейным юристом», ибо действительно изучал юриспруденцию, а в эмиграции в двадцатые—тридцатые годы был советчиком многих членов рода. Он женился уже после революции, и притом на весьма примечательной особе.

Когда царь Николай был еще наследником, у него, как мы уже знаем, был негромкий роман с блестящей балериной Матильдой Кшесинской. Ее отец был польским танцовщиком.

Роман продолжался недолго. В один прекрасный день царевич навсегда покинул юную танцовщицу, ставшую со временем одной из трех самых выдающихся балерин своего поколения. Ему предстояло обручиться с какой-нибудь подходящей молодой особой королевской крови. Матильда в то утро тихо поплакала, но, скорее, от тоски, чем от трагичности положения. Вряд ли каждый из них принимал это увлечение всерьез.

Как правило, Матильда Кшесинская упоминается в связи с этой любовной историей, в связи со своей карьерой на сцене и еще в связи с необычайным долголетием. Иногда также сообщается, что она вышла замуж за «уцелевшего русского великого князя». Это и был Андрей Владимирович.

Но речь шла вовсе не о двух несчастных эмигрантах, брошенных друг другу в объятия на чужбине. Нет, великий князь Андрей женился на Матильде Кшесинской в 1921 году в Каннах с крайне благородной целью узаконить ее сына Владимира. Тому было восемнадцать лет, и ему необходимо было получить более стабильное положение в обществе.

Его мать и отец столь нарочито подчеркивали, что речь идет об уважении к закону, что написали брату Андрея, в то время главе рода, испрашивая разрешение на брак, каковое и получили вместе с титулом княгиня Красинская; одновременно сыну Владимиру Андреевичу был пожалован титул князя Красинского.

Когда в свое время, в 1894 году, наследник бросил Матильду Кшесинскую, она вскоре утешилась в объятиях другого, причем спустилась всего на одну ступень в монархической иерархии. Ее слезы высушил великий князь, но для начала не Андрей Владимирович, ему тогда было всего пятнадцать, а кузен отца Андрея, великий князь Сергей Михайло-

вич. Вплоть до своей смерти в Алапаевске Сергей Михайлович был убежден, что является отцом маленького Владимира, и постоянно делал ему дорогие подарки.

Пока существовал царизм, узаконивать ребенка было ни к чему, в любом случае отец был великим князем, а в старой России этого было достаточно, независимо от того, родился ребенок в браке или нет. Но эмигранту во Франции желательно было иметь законного отца. На фотографиях великого князя Андрея и Владимира сразу видно сходство. Вероятно, они действительно были отцом и сыном. На рубеже веков мать делила милости между двумя великими князьями. Когда родился плод этой страсти, ей было тридцать лет, Андрею двадцать три, а Сергею Михайловичу тридцать два. Связь Матильды с Андреем началась, когда ему было двадцать лет. Отец Андрея, Владимир Александрович, покровитель искусств, относился к любовнице сына из императорского балета как к члену семьи. Она ездила с Андреем в Биарриц и Париж, на Ривьеру, в Венецию и Рим. Андрей отличался слабым здоровьем и подолгу жилал в санаториях и в теплом климате.

Матильда Кшесинская знаменита и как педагог Марго Фонтейн, самой выдающейся английской балерины середины двадцатого века. А во всемирной истории она упоминается не один раз. Возвращение Ленина в Петроград в апреле 1917 года, когда он возглавил большевистскую партию, изменило ход истории, ибо без Ленина большевики едва ли бы захватили власть. Он прибыл на поезде из Финляндии на Финляндский вокзал, где произнес речь, стоя на броневике. Затем броневик отвез его к частному дворцу, который реквизиrowали большевики и солдатский Совет. Ленин произнес речь с балкона. Он также выступал внутри дворца, обращаясь к соратникам по партии и обвиняя их в том, что они соглашались на условия Временного правительства, вместо того чтобы доверить власть солдатским штыкам. Все это происходило в роскошном особняке Матильды Кшесинской, который едва ли был построен на ее доходы, а скорее, на подношения семейства Романовых, из которых трое, государь и два великих князя, пользовались ее милостями. Видимо, Матильда Кшесинская, мягко говоря, имела успех у мужчин.

Впрочем, весной 1917 года это ее не спасло, и она металась по своему реквизиrowанному дворцу, требуя его обратно. Даже Керенский не мог ей помочь. Многие были возмущены и стояли на ее стороне. Но что может балерина против бригады броневойск?

А как сложилась судьба сына Матильды, Владимира? В тридцатые годы он принадлежал к партии младороссов — группе эмигрантов, стоявших на пути компромиссов с марксистами под головокружительным лозунгом «царь и Советы». Младороссы не оставили заметных следов в

Матильда Кшесинская в балете «Павильон Армиды»

истории. После нападения Гитлера на Советский Союз в 1941 году Владимир был какое-то время интернирован в лагере для русских эмигрантов под Компьенем, этим несчастным городом во французской истории. Вероятно, немцы опасались, что русские эмигранты соберут свои войска внутри французского Сопротивления. Владимир умер холостым и бездетным во Франции в 1974 году, три года спустя после своей матери.

Великий князь Андрей скончался в 1956 году в Париже. Несмотря на слабое здоровье, он дожил до семидесяти семи лет. Немногие в роду Романовых переваливали за семьдесят, рекорд долголетия к тому времени принадлежал великому князю Михаилу Николаевичу. Андрей Владимирович перешеголял его почти на полгода, чем был крайне горд. Матильда Кшесинская умерла в Париже в декабре 1971 года в возрасте девяноста девяти лет.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЦАРЬ КИРИЛЛ

В описании потомков великого князя Владимира Александровича мы пропустили его старшего сына, Кирилла Владимировича, которому к моменту революции было сорок лет. Вне всякого сомнения, Кирилл заслуживает отдельной главы. Ведь после убийства царской семьи он стал претендентом на русский престол — согласно всевозможным династическим законодательствам он оказался первым в престолонаследии. В монархических эмигрантских кругах он вызвал раскол, многие его не признавали.

Но история великого князя Кирилла — это не просто печальный рассказ о претенденте на несуществующий трон, о «блюстителе русского престола», самозваном «государе всея Руси». Скорее, это авантюрный роман, полный животрепещущих подробностей. Любая американская «мыльная опера» бледнеет рядом с этими семейными распрями, страстями и чудесными спасениями, клятвопреступлениями и спорами из-за фамильных сокровищ. Ибо в случае великого князя Кирилла речь идет о подлинных и несметных богатствах, об одной шестой земной суши, о всей Российской империи. На какое-то мгновение трон почти принадлежал ему, до власти был один шаг, и тут брат государя умелым маневром вышиб корону у него из-под ног. В русской истории двух первых десятилетий нашего века ученых по вполне понятным причинам прежде всего интересовали революционеры и царская фамилия, победители и жертвы. Однако стоит обратить внимание и на второй эшелон побежденных. Великий князь Кирилл то и дело мелькает в официальной истории — в описании русско-японской войны, в связи с родней государыни, неожи-

Великий князь Кирилл Владимирович с офицерами и рядовыми Гвардейского экипажа. В числе прочих мудрых высказываний шведский писатель Ян Улоф Ульсон заметил, что из всех видов военной формы самая красивая форма русского флота. Обратите внимание, что на ногах у матросов сапоги: строго говоря, они морские пехотинцы. Через несколько лет они в своих сапогах под предводительством великого князя Кирилла пойдут строем к Таврическому дворцу

данно он возникает во время Февральской революции. Но его судьба поистине заслуживает отдельного рассказа.

Родители Кирилла, великий князь Владимир и великая княгиня Мария Павловна-старшая, представляли собой блистательную великокняжескую пару. Он был, безусловно, реакционен, но столь же безусловно талантлив; его жена была не менее величественна. Ни один из троих сыновей не унаследовал их характера, так же как Николаю II не посчастливилось унаследовать ни решительности Александра III, ни его умения разбираться в людях, ни той, без сомнения, присущей ему мудрости, с которой он последовательно проводил мирную политику.

Но хотя Кирилл не отличался остротой ума, все же сей великий князь был статен и красив, настоящая звезда золотой молодежи Петербурга. Он много путешествовал, недурно танцевал, был приятен в общении и служил украшением семейства, пока не навлек на него большой скандал.

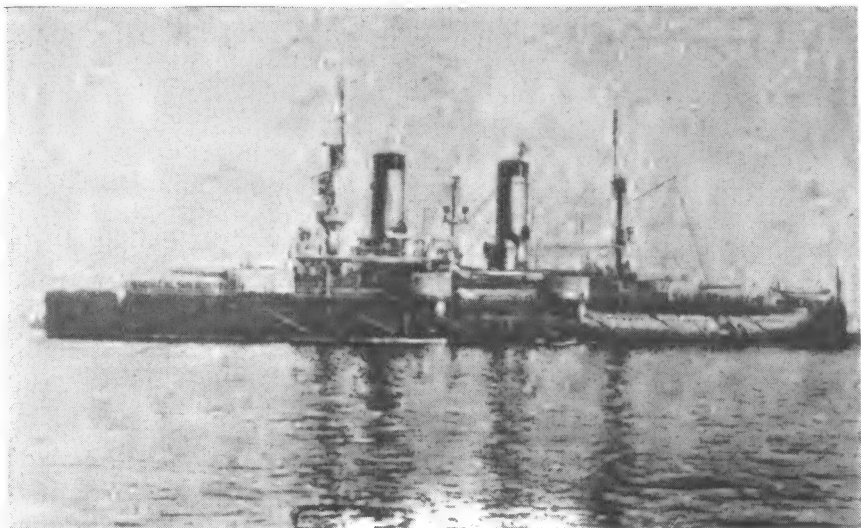
Кирилл был морским офицером и, как до первой мировой войны было принято среди особ княжеских кровей, разъезжал по всему свету. В частности, он посетил дворы Китая, Японии и Кореи. Это был немаловажный дипломатический жест, которому придавало особый вес высокое положение Кирилла в престолонаследии.

В начале русско-японской войны он находился на флагмане «Петропавловск», когда тот 13 апреля 1904 года подорвался на mine при выходе из Порт-Артура. Брат Кирилла Борис видел с высокого берега, как огромный боевой корабль накренился, поднялся вверх кормой и с крутящимися винтами исчез в пучине. В момент взрыва Кирилл стоял на капитанском мостике. Он был контужен, получил ожоги лица, но сумел перебраться на правый борт, и его не затянуло под стремительно погружавшееся судно. Он попал в водяную воронку, но все же выплыл на поверхность живым.

Из 711 человек на борту «Петропавловска» уцелело восемьдесят. Чудесное спасение великого князя Кирилла было сенсацией дня. Он почти не получил телесных повреждений, зато психическая травма оказалась весьма серьезной, и до конца жизни он не мог находиться на борту корабля — что вполне понятно, однако представляет существенное неудобство для морского офицера.

Но в любом случае о назначении на морскую службу речи не было... В дело вмешалась любовь, к тому же очень сложная и запутанная.

Уже много лет Кирилл был влюблен в свою двоюродную сестру, герцогиню Викторию Мелиту Гессенскую, и она отвечала ему взаимностью. Ее отец был один из сыновей английской королевы Виктории, герцог Эдинбургский и одновременно герцог Саксонии-Кобурга и Готы,

Боевой корабль «Петропавловск», потопленный во время русско-японской войны вместе с адмиралом Макаровым и семьями членами команды; на капитанском мостике стоял великий князь Кирилл Владимирович, один из немногих уцелевших

а ее мать была дочерью Александра II, то есть родной сестрой как Александра III, так и отца Кирилла, великого князя Владимира. Мелитой герцогиню звали, поскольку она родилась на Мальте.

Сложность положения заключалась не только в том, что они были двоюродными — Виктория Мелита была к тому же замужем за великим герцогом и имела с ним двоих детей. Посылая Кирилла в странствия по белу свету, некие власть имущие из Петербурга пытались отослать его подальше от любезной ему немецкой герцогини. Но к его возвращению она уже была в разводе.

Когда родители Кирилла выхлопотали ему высочайшее разрешение на поездку за границу для поправки здоровья, он тут же ринулся к своей Виктории Мелите. Осенью 1905 года они поженились, не испрашивая дозволения государя, что по закону было обязательно. Затем Кирилл вернулся в Петербург, чтобы поставить родню перед свершившимся фактом. Тут буря разразилась не на шутку. Государь отказался принять Кирилла и повелел ему немедленно покинуть Россию. Кирилл был лишен всех чинов и наград, кроме титула великого князя, который у него никто не мог отнять.

Реакция государя может показаться незаслуженно резкой. Разводы и

нежелательные браки были к тому времени привычным делом среди членов императорского дома. Но, как правило, ослушника вскоре прощали, недостойной невесте присваивали подходящий, не слишком громкий титул и позволяли участвовать в придворной жизни. Так что демонстративный отказ государя принять двоюродного брата был случаем из ряда вон выходящим.

Почему же государь столь отрицательно воспринял желание своих двух родичей сочетаться браком?

Причиной была государыня, столь далекая от просвещенной светской жизни Петербурга. Едва ли будет преувеличением назвать ее затворницей.

Дело в том, что тот немецкий герцог, с которым Виктория Мелита развелась ради Кирилла, приходился русской царице родным братом.

Разногласия между двумя дамами начались в бытность Виктории Мелиты великой герцогиней Гессенской. Еще не государыня всея Руси, а гессенская принцесса, Александра была первой дамой герцогства до тех пор, пока Виктория Мелита не вышла замуж за ее брата и не отняла у нее это почетное положение. Тогда Александра в одночасье превратилась из первой дамы Гессена в ничто, в незамужнюю младшую сестренку герцога, и ситуация изначально была чревата конфликтами.

Теперь положение стало обратным. Младшая сестренка герцога стала русской царицей, а супруга герцога — разведенной герцогиней. Все понимали, что суровое наказание Кириллу исходило от Александры, сам Николай не решился бы на подобный шаг, хотя его и тревожила новопробетенная привычка родни жениться против многовековых правил и государственных интересов.

Владимир, отец Кирилла, был вне себя от ярости, что племянник так обращается с его старшим сыном. Он рвал и метал, без особого результата, и в конце концов подал в отставку со своего поста главнокомандующего Петербургским военным округом.

Последующие годы Кирилл провел в изгнании. Ему было позволено приехать в Россию лишь на похороны отца и дяди, что стало первой попыткой примирения. На самом деле Николаю было вовсе не по душе то, что он натворил под влиянием своей волевой супруги. В 1910 году Кириллу было дозволено вернуться в Россию.

Во время первой мировой войны Кирилл служил начальником военно-морской части Петербургского гарнизона, Гвардейского экипажа, — назначение было выбрано с тактом, учитывая психическую травму, не позволяющую ему выйти в море.

Его положение было довольно-таки щекотливым, поскольку он был

Кирилл Владимирович и Виктория Федоровна отправляются на автомобиле в поездку по Швеции, организованную Первым Балтийским автоаэроклубом, при участии шведского Королевского автоклуба, здание которого видно на заднем плане. Поездка была затем названа в честь Виктории Федоровны «пробегом великой княгини Виктории». Несомненно, большая фара сослужила им большую службу

третьим в иерархии престолонаследия. Первым был смертельно больной мальчик: по всей видимости, гемофилия царевича Алексея была значительно серьезнее, нежели у его дальних родственников, страдавших тем же недугом, однако доживших до зрелого возраста.

Второй брат государя Михаил определенно не интересовался престолом, а поскольку он, как мы помним, был женат на разведенной женщине не княжеских кровей, его дети не имели права на престолонаследие.

После них ближе всех к престолу стоял Кирилл. Пока Михаил Алек-

сандрович находился в изгнании из-за своего неравного брака, Кирилл занимал его место во время церемоний, непосредственно за государем или рядом с ним, в паре с вдовствующей царицей. Трон, можно сказать, принадлежал Кириллу, ему оставалось только пережить Николая, который был старше его на восемь лет; в любом случае трон перешел бы к сыну Кирилла, если бы у него был сын. И если бы империя сохранилась.

Стоит отметить, что мать Кирилла, Мария Павловна-старшая, поначалу не пожелала принять русскую православную веру, а оставалась протестанткой, что в свое время вызывало сильную досаду ее свекра Александра III. Но в 1911 году, тридцать шесть лет спустя после свадьбы, она приняла православие. Можно допустить, что она ударилась в набожность после смерти супруга — великий князь Владимир скончался в 1909 году. Вероятнее же, что переход в православную веру был обусловлен положением ее старшего сына. Его шансы взойти на русский престол необычайно возросли, а мать русского царя непременно должна была исповедовать истинную русскую веру.

К концу 1916 года стало ясно, что положение Николая II более чем критическое. Нервы его сдавали, здоровье тоже, пока государь находился вдали от столицы в Ставке, в Петрограде правила царица. У государыни были весьма своеобразные представления о своих полномочиях и о той России, где она направо и налево назначала министров по указанию Распутина. Она была крайне непопулярна, и никто не верил, что государь в состоянии спасти войну или Россию.

Петроград того времени бурлил от заговоров и сплетен. Было точно известно, какой полк должен выступить в каком месте, государя рассчитывали заставить отречься, а государыню уйти в монастырь. Почему же не произошло дворцового переворота, в результате которого трон почти наверняка достался бы Кириллу?

На этот вопрос ответил не кто иной, как Троцкий. «Когда о заговоре знают все, это уже не заговор», — говорит он со знанием дела.

Между прочим, царская полиция располагала всеми сведениями, но не вмешивалась. «И все разрешилось само собой, — продолжает Троцкий. — Единственным результатом всех заговоров стало убийство Распутина».

Не прошло и трех месяцев после убийства, как в Петрограде вспыхнула неожиданная и бурная Февральская революция. Николай отрекся от престола за себя и за сына в пользу брата Михаила. Напомним, что дошлые законники неоднократно отмечали: государь не имел права отречься за сына.

Внезапно став царем, Михаил отказался от этой чести — но не отрекся от престола. Попросив время на размышление у делегации Думы,

Торжественное фотографирование после монархической манифестации в Париже. Слева направо: принцесса Элизабет, ее родители принц Греции Николай и его жена великая княгиня Елена Владимировна, великий князь Кирилл Владимирович с женой Викторией Федоровной, их сын Владимир Кириллович, зять принц Карл Лейнинген и брат великий князь Андрей Владимирович. Около 1930 года

большая часть которой убеждала его отречься, он примерно через час объявил не то, что отрекается, а что «может принять корону только от избранного народом Учредительного собрания».

Это были тревожные дни. Все Романовы с полным на то основанием беспокоились за свою жизнь, никто не мог гарантировать Михаилу безопасности. Историков больше всего занимало, почему Михаил не согласился быть царем и каковы были его шансы. Но, кажется, никто не зада-

вался вопросом, почему он отказался от престола именно с такой формулировкой.

Между тем, если бы он сказал: «Я отрекаюсь!», трон автоматически перешел бы к Кириллу.

Не довольствуясь простым отречением и передав вопрос на усмотрение Учредительного собрания, Михаил выбил корону вон под самым носом у Кирилла. Кирилл не мог предъявить никаких законных прав на престол до тех пор, пока Учредительное собрание не признает отречение Михаила.

Совет революционного Петрограда не хотел видеть на троне Романова и вообще не хотел никакого царя. Но в разных концах России народ мечтал лишь избавиться от Николая и его царицы. Многие стремились к конституционной монархии. С отречением Михаила возникла ситуация, при которой у монархистов и консерваторов не оказалось общей платформы.

Своим поступком Михаил лишил Кирилла всех притязаний на престол. Очевидно, Михаил был возмущен недавним поведением Кирилла. Дело в том, что, по мнению многих, Кирилл предал Николая II в эти последние для него дни в качестве государя всея Руси.

В начале Февральской революции государь распустил непокорную Думу. Тогда мятежные полки отправились к зданию Думы в Таврическом дворце, чтобы принести ей присягу. Многим полкам для этого было достаточно пересечь улицу.

Тогда и великий князь Кирилл нацепил на форму красный бант и повел своих гвардейцев к Думе, чтобы присягнуть ей! Неважно, что часть пути он проехал в автомобиле. Его поступок вызвал горячие разнотолки. Все офицеры рода Романовых в юности в торжественной обстановке приносили присягу государю в присутствии всей фамилии и военной верхушки. Теперь Кирилл первым из Романовых публично нарушил присягу своему государю.

Он предложил свои услуги председателю Думы Родзянко, но тот отверг их, дав понять, что присутствие великого князя крайне неуместно.

Затем Кирилл сделал заявление для прессы по поводу государыни, также вызвавшее недоумение. Собственно, это было очень мягкое высказывание по сравнению с тем, что о ней говорилось в народе, но в устах ближайшего к престолу человека это было недопустимо: «Я неоднократно спрашивал себя, не шпионит ли государыня в пользу Германии, но всякий раз с ужасом отгонял сию мысль».

Двадцать лет спустя Кирилл объяснил свое участие в походе к Таврическому дворцу как попытку поддержать дисциплину в рядах своих подчиненных. Но современники говорили о его «позорном поведении».

Потому-то значительная часть эмиграции отвернулась от Кирилла, когда он впоследствии стал претендентом на престол.

В июне 1917 года Кирилл благоразумно покинул Россию и сбежал в Финляндию. Политический климат в Петрограде уже тогда был более чем нездоровым для людей с фамилией Романовы. Сохранились драматические описания того, как он на руках уносил свою беременную жену от большевиков. На самом деле они ехали поездом.

Немаловажно отметить, что Кирилл сбежал первым. Ближайшее будущее показало, насколько верно было его предвидение. И все же почему? Вероятно, он чувствовал над собой особую угрозу, будучи законным обладателем несуществующего престола.

У супругов уже было две дочери. В Финляндии в августе 1917 года родился долгожданный сын, великий князь Владимир, с неопределенным будущим и второй по очереди претендент на российский престол после своего отца. Нынешний претендент, таким образом, никогда не бывал в России, как и почти все ныне живущие члены семейства Романовых. Он родился в городе Борго.

Великокняжеская семья в сопровождении четырнадцати слуг часто переезжала с места на место. Владимир родился в усадьбе Хортлинга на углу улиц Александерсгатан и Огагатан, роды принимал доктор Гуннар Нюстрём, в свое время очень известный врач в Борго.

Великий князь Кирилл оставался в Финляндии на удивление долго, несколько лет, и жил с семьей в легендарном поместье Хайко. Здесь он был вблизи от Петрограда — на тот случай, *если бы* что-то произошло, *если бы* белые победили в гражданской войне в России, *если бы* какому-нибудь белому генералу удалось преодолеть хаос, навести порядок и реставрировать монархию, что случилось после многих революций. Кирилл видел, что в Финляндии победили белые, а победитель, старый царский генерал Маннергейм, навещал великого князя в Хайко и обсуждал с ним политические вопросы.

После окончательной победы красных в России Кирилл перебрался во Францию. В 1922 году он принял титул «блюститель российского престола». Долгое время о судьбе царской семьи поступали противоречивые сведения. Но в 1924 году, когда не осталось сомнений в том, что троих, стоявших между Кириллом и троном, нет в живых, он принял все подобающие русскому царю титулы, в том числе «великий государь всероссийский».

Однако его поведение в дни Февральской революции не прошло ему даром: вдовствующая царица Мария Федоровна, жившая, как мы помним, в Дании и до самой смерти в 1928 году не верившая сообщениям о смерти

Главы свергнутых династий России и Германии, Романовых и Гогенцоллернов, снятые во время помолвки сестры нынешнего претендента Владимира Кирилловича, Кире Кирилловны, с принцем Луи-Фердинандом Прусским. Стоят: Кира Кирилловна, бывший кайзер Вильгельм II, принц Луи-Фердинанд, Владимир Кириллович. Сидят: вторая жена Вильгельма Гермина и кронпринцесса Сесилия

сыновей и внуков, не поддерживала Кирилла. Впрочем, даже и поверив в их участь, она едва бы его поддержала. Великий князь Николай Николаевич, популярный в народе главнокомандующий, ставший ведущей фигурой эмиграции, был военным старой закалки и не простил измены Кирилла.

Как уже отмечалось, некоторые специалисты по вопросам русского престолонаследия утверждают, будто великий князь Михаил Александрович, брат государя Николая, утратил право на престол, женившись на дважды разведенной женщине. Государь не обратил на это внимания и после своего отречения считал царем брата. Но если Михаил был дисквалифицирован, то это касалось и Кирилла, не говоря уже о его сыне Владимире, мать которого состояла в разводе до брака с его отцом.

Оказывается, супружеские узы Виктории Мелиты с герцогом Гессенским не принимаются в расчет в вопросах русского престолонаследия,

поскольку брак не был благословлен Русской церковью, — таких браков Русская церковь и русское престолонаследие вообще не признают.

Противники Кирилла, разумеется, обращались к этим фактам. Проблема для Кирилла заключалась в том, что самодержец, подлинный государь, единолично решает, как ему поступать, почему не возникает потребности толковать темные места в законах. Но когда «решает» претендент и к его решению не прислушиваются, он, как ни парадоксально, гораздо в большей мере зависит от свода законов, и для него смутные формулировки могут обернуться большой неприятностью.

Кирилл поселился с семьей в Бретани, поддерживал связи с русскими эмигрантами по всему миру и при удобных случаях издавал высочайшие манифесты. Сама идея манифестов, назначений и раздачи всяческих титулов заключалась в том, чтобы поддерживать жизнь российской монархии до того момента, когда отечеству вновь потребуются государь. Во всяком случае, такова официальная версия. Кирилл написал мемуары, по времени доходящие до революции.

На снимках рядом с женой Викторией Мелитой, по-семейному именуемой Дакки, великий князь со своими аккуратно подстриженными усами более всего походит на изысканного английского лорда, в нем всегда было что-то англосаксонское, включая бриджи и любовь к гольфу.

Как и многие русские в изгнании, Кирилл был убежден, что падение власти большевиков — вопрос времени. По мнению русских эмигрантов, эта фантазмагория не могла продолжаться долго.

Великий князь был большим поклонником физических упражнений и разработал собственную, весьма оригинальную теорию падения империи. По его мнению, всему виной было то, что, в отличие от студенчества Англии, российская интеллигентная молодежь не занималась спортом. Русские студенты, справедливо отмечал Кирилл, только протирали штаны за учением или читали стихи и вольнодумную прозу, то есть вели столь нездоровый образ жизни, что это не могло не привести к беде.

Как ни странно, на старости лет Кирилл также утверждал, будто старый кайзер Вильгельм был лучшим другом России. Почти все члены династии Романовых женились на немках, которые обычно становились пламенными русскими патриотками. Многое можно поставить в укор царице Александре, но постоянные обвинения в прогерманских симпатиях были необоснованны. Во-первых, сама она считала себя англичанкой, а во-вторых, ее германские симпатии никоим образом не касались кайзера, которого все немецкие герцогства, естественно, рассматривали как презренного надсмотрщика над другими, более мелкими правителями. Почему же претендент Кирилл объявил Вильгельма II истинным другом России?

Оба оказались правителями в изгнании, так сказать, товарищами по несчастью, хотя Вильгельм, в отличие от Кирилла, в прошлом был настоящим властителем. К тому же Кирилл со временем выдал замуж обеих своих дочерей за двух немецких герцогов, один из которых приходился внуком Вильгельму и стал впоследствии главой династии Гогенцоллернов.

Кирилл скончался во Франции в 1938 году, и все его титулы и привилегии унаследовал его сын, двадцати одного года. Юному главе фамилии засвидетельствовало свое почтение внушительное собрание великих князей и князей императорской крови. Позднее вновь начались разногласия по поводу престолонаследия — распри из-за права на престол, в возрождение которого верили все меньше.

А великий князь Российский Кирилл, который однажды был так близок к российской короне, так и остался не более чем сноской в истории. В грандиозной эпопее Солженицына он описан правдиво и с пониманием.

В 1988 году и в Советском Союзе, и среди русского зарубежья отмечалось тысячелетие крещения Руси, но мало кто вспоминал, что оно совпало с пятидесятилетием смерти Кирилла. Кстати, он умер в тот год, когда Гитлер устроил по всей Германии колоссальный еврейский погром, известный как «Хрустальная ночь»; в год, когда Чемберлен, вернувшись из Мюнхена, утверждал, что достиг «мира для нашего поколения»; в год, когда Сталин казнил своего главного противника Бухарина и тем самым продемонстрировал, что власть принадлежит исключительно ему одному — так, по сути, и было уже не один год.

Великий князь Кирилл умер спокойно, ему не пустили пулю в затылок после месяцев неизвестности и моральных пыток, как Бухарину и многим другим революционерам, свергавшим царизм. Сына Кирилла, Владимира, не швыряли по жутким сталинским детским приютам с короткими передышками у престарелых родственников, как сына Бухарина, Юрия Ларина. После лихолетья революции, полного жестокости и насильственных смертей не только для Романовых, но для сотен тысяч невинных по обе стороны баррикад, для Романовых наступил благоприятный период, с более здоровым образом жизни царских потомков, чем в течение трехсот лет их правления.

ДВОЕ СИРОТ: МАРИЯ И ДМИТРИЙ

Как мы помним, у младшего из сыновей Александра II, великого князя Павла Александровича, было две семьи. Ради второй он был вы-

нужден оставить первую. Женившись вторично против воли государя, вдовец Павел Александрович потерял право на воспитание детей от первого брака — они принадлежали династии, и их у него забрали.

Мать их, греческая принцесса, умерла вторыми родами. Детей звали Мария и Дмитрий, и, как часто случается с сиротами, они были очень привязаны друг к другу. К тому же разница в возрасте между ними не составляла и полутора лет.

Дмитрий Павлович был живым и приятным мальчиком, а позже стал всеобщим любимцем. Он как нельзя более отвечает нашему представлению о великом князе: офицер гвардии, стройный и осанистый, море по колено, член сборной команды страны по конному спорту, участник громкого скандала, сделавшего его народным героем; непрактичный, он не сумел приспособиться в эмиграции, промотав свои богатства; женился на американской миллионерше и безвременно умер в Швейцарии; его самое дерзкое предприятие заключалось в попытке наладить торговлю шампанским под девизом: «Я его так усердно пил, что сумею сделать ему рекламу» — об этом с добродушной усмешкой свидетельствует великий князь Александр Михайлович.

Если Дмитрий был строен, элегантен и остроумен, то Мария Павловна описывает себя в детстве неуклюжей и не по годам разумной. Родня считала ее жизнерадостной и веселой, но капризной, своенравной, эгоистичной и трудной в общении: все это объясняется ее тяжелым детством. Брат Дмитрий был проще, и его во всех кругах больше любили.

Мария Павловна не укладывается в привычные рамки представлений об особе княжеской крови на чужбине. Вся ее судьба, десятилетие за десятилетием, причудлива и удивительна. Выданная замуж за безобидного, но скучного человека, безнадёжного с точки зрения жизнерадостной двадцатилетней русской девушки, она решительно с ним разводится. Даже священный союз между грозной русской династией и чопорным шведским двором не может ее остановить; она, судя по всему, не таит ни на кого зла, кроме доктора Акселя Мунте, и не без причины. Она отправляется на войну сестрой милосердия и проводит несколько лет в полевом госпитале. В эмиграции она вторично выходит замуж и вновь разводится, ибо муж не принимает участия в материальном обеспечении семьи. Зато Мария Павловна прекрасно обеспечивает себя сама, не ожидая, пока деньги придут к концу, а решительно действует, еще имея ресурсы для капиталовложений. Всякий раз, когда источник существования иссякает, она находит новый. Во время совершенно безнадёжных периодов ей помогает не кто иной, как отец ее первого мужа, король Швеции, искренне привязанный к своей взбалмошной бывшей невестке из России.

Многие современные книги о королевских особах дышат восхищени-

ем и стереотипными восторгами, при этом все князья оказываются на одно лицо. Но негибкость и находчивость Марии Павловны поистине уникальны. Едва ли найдется много особ королевской крови, которые, будучи выброшены в суровую повседневную жизнь, всякий раз находят выход — притом имея так мало подготовки и образования. Разумеется, Мария Павловна была не так наивна, чтобы пренебречь преимуществами великой княгини, когда они пригождались ей, чтобы прокормиться. Под старость в ней было что-то от потрепанной бывшей примадонны. Но благородной русской примадонны, которая приохотила своего шведского сына и его шведскую семью к прекрасным старым русским обычаям — например, присаживаться перед дальней дорогой. Вместе с тем эта исконно русская великая княгиня свободно говорила по-шведски со своими внуками.

БЕЗ ОТЦА И МАТЕРИ

Маленькие сиротки Мария и Дмитрий видели своего отца дважды в день. Высокий, стройный и широкоплечий гвардейский офицер читал им и целовал на сон грядущий. Летом они жили у дяди Сергея в его усадьбе Ильинское, где родился Дмитрий и где умерла их мать, ее комната долго оставалась нетронутой.

До шести лет Мария Павловна не знала почти ни слова по-русски; в семье с детьми говорили по-английски, их няни были англичанками. Но когда дело дошло до настоящего воспитания, кто-то обратил внимание, что дети говорят на вульгарном английском, перенятом у нянь, опуская звук «h» в начале слов.

Позже Мария Павловна неоднократно жаловалась на полученное ею поверхностное и непродуманное образование, хотя детей и стали обучать более подобающему в королевских гостиных английскому. Ее учение состояло в основном из традиционного нравоучительного и религиозного чтения. Настоящему образованию придавалось меньше значения. Впоследствии она категорически описала привычки и обычаи при европейских королевских дворах конца прошлого века как «отупляющие и вздорные».

Когда она доросла до собственной гувернантки, к ней приставили некую мадемуазель Элен, которая любила ее и наказывала в течение двенадцати лет, до самого замужества. Отношения между мадемуазель Элен и юной великой княжной напоминали страстный любовный роман, полный ревности и ссор. Гувернантка требовала от своей великокняжеской воспитанницы беспрекословного повиновения, а кроме того, настаи-

Великий князь Сергей Александрович со своими племянниками, сиротами Марией и Дмитрием

вала, чтобы та признавалась ей в своих сокровенных мыслях. Немало конфликтов и примирений предшествовало приезду Марии Павловны в Стокгольм замужней женщиной, свободной от гувернанток.

Первое путешествие за границу Мария Павловна совершила в возрасте семи лет. Путь лежал в Германию и Францию, в собственном железнодорожном вагоне и с целым багажным вагоном в придачу; ее сопровождали мадемуазель Элен, три няни, врач, три горничные и множество камердинеров и слуг. Стоит вспомнить Ольгу Александровну, которая на старости лет в Торонто с гордостью вспоминала, как в бытность великой княгиней при царствующем дворе всегда путешествовала с маленькой свитой — не более двадцати пяти человек.

Так же бывало, когда великокняжеские сиротки Мария и Дмитрий выходили погулять на набережную в Петербурге: кучер ставил повозку возле тротуара и шел за ними в своей роскошной ливрее. Английским няням была по душе вся эта помпа, когда вокруг собиралась толпа и офицеры отдавали честь, но мадемуазель Элен положила конец этим прогулкам.

Дмитрий, которому предстояло стать офицером, в 1901 году получил в наставники полковника Лайминга, и брат с сестрой стали часто бывать в доме у Лаймингов. Впервые они столкнулись с нормальной семейной жизнью. Иногда по воскресеньям им разрешалось играть со специально приглашенными детьми из благородных семей, которым строго-настрого запрещалось обращаться к Марии и Дмитрию на «ты» и по имени.

Мария никогда не интересовалась куклами и другими забавами для девочек, зато вплоть до замужества охотно играла в оловянных солдатиков. Сама она говорила о своем воспитании, что хотя она была послушной, но относилась к поколению, в котором зрело зерно протеста.

Ветер перемен, веявший надо всеми, от бедных крестьян до богатых великих князей, коснулся и отца Марии и Дмитрия. Ранее считалось в порядке вещей, что великие князья заводили себе кратковременных или постоянных любовниц незнатного происхождения. В результате новых взглядов на положение женщины в обществе великие князья один за другим стремились узаконить свои отношения с любовницами.

Так случилось и с Павлом Александровичем, проходившим во вдовцах с 1891 года. Как мы уже рассказывали, он влюбился в разведенную жену офицера, Ольгу Пистолькорс, и увлечение перешло в длительную связь. В один прекрасный день Мария Павловна обнаружила на столе у отца фотографию прелестного мальчика четырех или пяти лет. Ей тогда было около одиннадцати.

И вот осенью Мария и Дмитрий получили по письму от отца, в котором он уведомлял их, что любит женщину и собирается на ней жениться.

Марии было двенадцать лет, а Дмитрию одиннадцать. Мария пришла в ужас и наговорила гадостей про мачеху. Но речь вовсе не шла о том, чтобы папочкина новая жена и сводный братец вошли в их семью и внесли в нее свои привычки и уклад. Ибо Павла Александровича не просто отправили в изгнание, у него к тому же отобрали детей.

Теперь они навсегда поселились у дяди Сергея и тети Эллы, великокняжеской пары Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. Пара представляла собой романовский вариант сказки «Красавица и чудовище»: Элла была красивей всех при дворе, и многие Романовы преклонялись перед ней за красоту и мягкость характера, а Сергей Александрович был в роду паршивой овцой, если не хуже, он срамил семейство неприкрытым развратом того сорта, который по тем временам был недопустим; а если все, что рассказывается о нем, правда, то и сегодня в большинстве стран его действия были бы подсудны.

Но «позорное пятно» Сергей оказался для двух брошенных детей лучше заботливой матери, несмотря на холодность и твердость в других случаях. Он был счастлив безраздельно владеть Марией и Дмитрием и объявил, что отныне он их отец, а они его дети. Любовь великого князя к племянникам заходила так далеко, что он стремился оградить их от всех и ревновал даже к мадемуазель Элен. Разумеется, обожаемые племянники боялись его — его все боялись. Он осуждал женитьбу своего брата, и, когда они в присутствии детей встретились в Баварии, между ними произошла ссора: Сергей Александрович считал, что дети теперь принадлежат ему.

Таким образом, Мария Павловна рисует своеобразный портрет реакционного и всеми ненавидимого генерал-губернатора Москвы. Также своеобразно она рисует и портрет очаровательной Эллы, старшей сестры государыни, которую столь боготворили все мужчины семейства Романовых. Проявления нежности со стороны детей она холодно отталкивала. Когда они ее спрашивали о чем-нибудь, она резко отвечала, что это их не касается, «go and play»¹ и не суйте нос не в свое дело.

Это каждый раз больно задевало маленькую Марию, которая также боготворила тетю и могла бесконечно любоваться, как по утрам красавица великая княгиня медленно и обстоятельно одевается в окружении многочисленной челяди. Что хорошего сделала тетя Элла в жизни? Она была великой княгиней, она немного занималась живописью, брала уроки пения, хотя никто никогда не слышал, чтобы она пела. Сергей Александрович и она встречались большей частью за едой, похоже было, что

¹ Идите играть (англ.).

Двое сирот: Мария Павловна и Дмитрий Павлович

они избегают встречаться наедине — хотя, как уже говорилось, у них была общая спальня с огромной кроватью. Видимо, за этим странным фасадом разыгрывалась настоящая викторианская супружеская драма. Бездеятельность великой княгини не улучшала ее положения. Впоследствии, найдя себе занятие по душе, она стала совсем другим человеком.

Однажды, когда государь приехал в Москву на пасхальную службу в древней русской столице, ему пришлось в голову прогуляться по стенам Кремля. Он взял с собой Марию и Дмитрия. Народ увидел маленькую группку на стене, и вскоре внизу собралась большая толпа, которая с криками восторга следила, как государь прожакивается по мощным стенам.

По окончании прогулки благородное общество должно было спуститься по лестнице внутри одной из башен, чтобы выйти на площадь

внутри Кремля и вернуться во дворец. Тогда народ огромной массой ввалился в Кремль, чтобы приветствовать своего правителя. Марию и Дмитрия оттеснили и чуть не затоптали в возбужденной толпе; Марии разорвали жакет и истолкали до синяков. И все же великий князь Сергей был доволен, что подопечные ему москвичи столь живо проявили свою любовь к государю; так же оценили происшествие и другие. В душах же детей, а может быть, и не только их, остались неприятные воспоминания от этого пасхального дня, когда идиллическая прогулка сменилась непосредственным столкновением с русским народом, безотчетным и свирепым как в проявлении преданности, так и во всем остальном.

«Остальное» не заставило себя ждать. Всего несколько лет спустя началась революция 1905 года. Дядя Сергей ушел с поста генерал-губернатора, оставаясь командующим войсками Московского военного округа. Семья жила в Нескучном дворце у Москвы-реки, но как-то ночью кружным путем снова вернулась в Кремль, чтобы не попасть в руки революционеров. Экипаж и эскорт неслись галопом. В Кремле они чувствовали себя в безопасности. Но света не зажигали, чтобы не выдать своего присутствия.

18 февраля Сергей Александрович собирался ехать во дворец генерал-губернатора. Внезапно послышался громкий взрыв. Набросив пальто, тетя Элла выбежала на улицу. Когда она вернулась, руки у нее были в крови. Ей пришлось своими руками собирать останки супруга, разметанные по снегу.

После убийства мужа тетя Элла стала человечнее. Шок не прошел ей даром. С другой стороны, она освободилась от брака, который был ей в тягость. В жизни ее наступили перемены. В течение двадцати лет она не смела дать в доме ни одного распоряжения или самостоятельно решить любой мелочи. Теперь она стала генеральным директором колоссальной фирмы, каковую представляло собой великокняжеское хозяйство.

Через несколько лет Мария поняла из письма, которое тетя Элла забыла на видном месте, что близится помолвка. В доме ожидался гость, молодой принц Вильгельм, второй сын тогдашнего шведского кронпринца Густава и его жены Виктории, которая в юности дружила с тетей Эллой.

Двадцатилетний принц появился и надлежащим образом представился Марии. Тетя Элла и прочие родственницы объявили шестнадцатилетней девушке, что это ее судьба, и она приняла это столь же покорно, как стеснительный и замкнутый швед. Ее руки он попросил в следующей форме: «Не угодно ли вам будет поехать со мной в Швецию?»

Тетя Элла и прочие родственники постоянно твердили Марии об ее «счастье» и заставляли ее писать в Стокгольм письма, рассказывая, как

она «безумно влюблена». Какое-то время она сама в это верила. Что могла знать выросшая в изоляции шестнадцатилетняя девочка из рода Романовых о любви, если в ее жизни было исключено любое самое невинное подростковое увлечение?

Весть о помолвке привела отца Марии в негодование, а ее дед по материнской линии, король Греции, тоже считал, что все произошло слишком поспешно. Разумеется, с политической точки зрения для Петербурга это был блестящий ход — наконец-то породниться с королевским домом Швеции, страны хоть и небольшой, но расположенной близко к России и обладающей сравнительно сильной армией, что делало ее немаловажным фактором на политической арене.

Как бы то ни было, свадьбу отложили до восемнадцатилетия юной невесты. За это время ей предстояло выучить шведский язык: в Петербурге было нетрудно найти учителя, поскольку там существовала и большая колония финляндских шведов, и шведов из метрополии. По мере приближения свадьбы и с началом приготовлений и хлопот юную невесту Марию охватили вполне понятные сомнения и беспокойство, и она написала жениху, что хочет расторгнуть помолвку. Но шведский и русский двор объединились в твердом намерении заключить этот брак, пусть даже и против воли молодых; приготовления продолжались, и в конце концов состоялось венчание. По случаю свадьбы отец Марии Павловны получил высочайшее прощение и позволение вернуться в Россию со своей новой семьей. Он тут же разругался с тетей Эллой, заметив, что она раздражает его полным отсутствием разума и сочувствия. Разумеется, он был совершенно прав, но, с другой стороны, нельзя винить ее одну — могла ли она стать иной при своем воспитании? Во всяком случае, рядом со своей сестрой, царицей, она предстает в более выгодном свете.

Свадьба вылилась в мероприятие государственного значения, а свадебное облачение невесты напоминало оснащение тяжелой кавалерии. Она едва передвигалась под тяжестью всего, что было на ней надето, и от увесистых подвенечных уборов у нее остались синяки. Николай II, сидевший слева от нее на банкете, искренне веселился, когда она, не выдержав большие тяжести массивных серег, сняла их и повесила на край стакана.

Молодожены отправились в свадебное путешествие через Германию, Италию и Францию и под конец прибыли в Париж, где жил отец новоиспеченной шведской принцессы и ее брат Дмитрий, приехавший, чтобы сделать ей сюрприз. Целую ночь они просидели на лестнице, разговаривая. Можно себе представить, что по этому поводу думал одинокий принц Вильгельм в своей постели.

Прибытие в Стокгольм было обставлено очень торжественно, новобрачные приплыли на военном корабле, весь город был украшен швед-

скими и русскими флагами, по городу их провезли кортежем в сопровождении шведской гвардейской кавалерии в голубых формах и блестящих шлемах, с военной музыкой и национальными гимнами в портале королевского дворца. На Марии Павловне было боа шведских цветов, синее с желтым, которое она заказала в Париже.

О ее недолгом пребывании в Стокгольме ходит немало анекдотов. Она сама дала тому хорошее объяснение. В России жизнь была легкой, но людей понимать было трудно, в Швеции же люди были простыми, а жизнь сложной.

В России государь был безраздельным владыкой, почти Богом (по словам его двоюродной сестры Марии Павловны), но за официальным фасадом семейство вело сравнительно свободное существование и никогда не отклонялось от естественной преданности и дружбы, как в Швеции. В России газетам было запрещено писать о государе и его семействе — в Швеции существовала свободная пресса, которая писала, по сути, что хотела, в том числе о дорогих украшениях молодых принцесс.

Мария Павловна, шведская принцесса Мария и герцогиня Сёдерманландская, прославилась своими проказами. В герцогском дворце Оук Хилл на острове Юргорден в центральном Стокгольме, дворце, построенном специально для молодой четы, она скатывалась с лестницы на серебряном подносе. Об ее эскападах по Стокгольму ходили легенды — ведь никто не знал, что, когда русский императорский поезд останавливался среди чиста поля, великие князья и княжны любили съезжать с насыпи на серебряных подносах.

Король Густав V, к тому времени процарствовавший всего несколько лет, с недоумением наблюдал веселые развлечения невестки и вел серьезные беседы с сыном. Сын же подолгу отсутствовал, поскольку был морским офицером. В сложной дипломатической игре на беспокойных Балканах были планы сделать его королем, а Марию Павловну королевой Албании, но, на их счастье, эти планы не осуществились.

Свекровь Марии Павловны, талантливая, но крайне строгая королева Виктория, воплощение энергичной немки, недовольная расхлябанными шведами, призывала именовать принцессу Марию «ваше императорское высочество», что едва ли было приятно принцу Вильгельму, который сам был всего лишь «королевское высочество». В отсутствие королевы Виктории окружение тактично избегало щекотливой проблемы, называя Марию Павловну «герцогиней».

В своем одиночестве Мария Павловна часто сопровождала короля в его железнодорожном вагоне на лосиную охоту, а также играла с ним в теннис. Обычно она была единственной дамой в компании и придумывала всякие невинные проделки, которые в ее пересказе не кажутся особо

Роскошная свадебная фотография: великая княжна Российская Мария Павловна и шведский принц Вильгельм, 3 мая 1908 года. Глядя на эту фотографию, нетрудно поверить, что у Марии Павловны остались на плечах синяки от платья

остроумными, но которые, по всей видимости, развлекали мужчин, а может быть, в тот момент и были довольно веселыми. Вероятно, им придавало пикантность ее девическое обаяние — в начале ее стокгольмской жизни ей не исполнилось еще двадцати лет. Король даже не обиделся, когда она, катая его в пролетке, не смогла сдержать лошадь, и его величество король свеев, гётов и вендов на всем скаку пронесся со своей русской невесткой по шведской столице.

Про Марию Павловну говорилось, что она настоящая сорвиголова, и она ничего не имела против этого. Но, как обычно, ее славе сопутствовали менее лестные сплетни. В бешеных скачках юную герцогиню сопровождали молодые офицеры-кавалеристы, которые в последнюю очередь видели в ней русскую великую княгиню или шведскую герцогиню.

В Стокгольме она, ко всеобщему недоумению, училась в Академии прикладных искусств. Она также играла в хоккей с мячом в команде кронпринцессы Маргареты. Несмотря на долгие служебные отлучки принца Вильгельма, у супругов в мае 1909 года родился сын, принц Ленарт. Но счастья в браке не было, если его вообще можно назвать браком.

Внешне все обстояло хорошо, супруги появлялись вместе на приемах и праздниках и даже вроде бы веселились, но счастливыми их назвать было нельзя. Сорок лет спустя Мария призналась сыну, что его отец был плохим любовником. Якобы после свадьбы прошло несколько месяцев, прежде чем он вообще осмелился к ней прикоснуться, а в дальнейшем избегал ее.

Зимой 1911/12 года молодую чету отправили в длительное путешествие в надежде, что прохладные отношения супругов перерастут в более сердечные. Им поручили представлять Швецию на коронации сиамского короля. Но страсти между супругами не прибавилось: напротив, и в Азии Мария Павловна была предоставлена сама себе. За ней небезуспешно ухаживал охотник на диких зверей герцог Монпансье, а также сам король Сиам, у которого было чересчур много жен, чтобы у Марии Павловны возникло желание стать одной из них. Как бы то ни было, в Таиланде она нашла утешение в объятиях мужчины, а как далеко зашли посягательства сиамского короля, окутано мраком неизвестности. В объятиях французского герцога она поняла, как много потеряла в своем безрадостном браке, и по возвращении домой пропасть между супругами оказалась еще глубже. Марию Павловну отослали к шведской королеве Виктории, кото-

Во время государственного визита Николая II в Швецию в 1909 году его принимает шведский король Густав V; на заднем плане здание Национального музея в строительных лесах

рая по состоянию здоровья почти безвыездно жила на Капри. Вероятно, история с герцогом Монпансье получила широкую огласку: несколько лет спустя, уже после развода, шведская пресса прочила его в мужья Марии Павловны.

Лейб-медик королевы Аксель Мунте был загадочной личностью и вызывал в одних людях отвращение, в других столь же сильный восторг. Его заумная книга о его собственном жилище, Сан Микеле, была в свое время всемирным бестселлером. Доктор Мунте быстро завоевал доверие молодой неприкаянной принцессы своим умом и пониманием. Завоевав

Мария Павловна на бегах в своей пролетке, которая галопом пронеслась по Стокгольму с королем в качестве пассажира. На этой фотографии в пролетке сидит принцесса Ингеборг

доверие, он стал строже и провел с ней несколько серьезных бесед. Прежде всего он определил у нее опасную почечную болезнь, вследствие которой ей предписывалось находиться на Капри осень и зиму. Из диагноза доктора Мунте не делали никакой тайны, наоборот, все шведские газеты писали о почечном недуге принцессы Марии.

Мунте был сильной личностью и обладал обаянием, граничащим с

гипнотической силой, — в сочетании с внешностью, о которой современники писали «неаппетитный старик». Сохранившаяся на всю жизнь неприязнь к нему у Марии Павловны проистекала не только из той роли, которую он играл по приказу шведского королевского двора, чтобы держать ее в узде. Одна из ее фрейлин также поведала миру, что он надругался над ней.

На юбилей Романовых в 1913 году Мария Павловна вернулась в родную Москву и танцевала вальс-бостон на балу в Дворянском собрании, семь танцев подряд... с братом. Государь рассмеялся, покачал головой и через адъютанта передал, чтобы брат с сестрой танцевали и с другими гостями.

Но поездка в Москву стала лишь короткой передышкой в шведских проблемах. В Швеции было решено, что принцесса Мария должна поселиться на Капри. Доктор Мунте снял для нее виллу. Ей предстояло поехать в Европу вместе с принцем Вильгельмом через Берлин, где он должен был остаться.

В Берлине их встретил Дмитрий — ибо Мария Павловна тайком разработала собственный план действий. Ей отнюдь не улыбалось жить на Капри, поэтому, распровавшись с принцем Вильгельмом, она в сопровождении брата отправилась прямехонько к отцу в Париж.

После обязательных попыток примирения заинтересованные стороны согласились, что развод неизбежен, и сама Мария Павловна удивилась, насколько просто все уладилось. Как сказал впоследствии ее сын, вероятно, оба двора испытывали угрызения совести. В декабре 1913 года шведский двор официально объявил о расторжении брака.

Принц Вильгельм так и не женился вторично, но позже сожительствовал с француженкой по имени Жанна Трамкур. Он стал поэтом рода Бернадоттов, писал стихи и путевые заметки — притом вполне профессионально.

Сын остался в Швеции: в своем юношеском безрассудстве мать не учла, что он принадлежал шведской династии, он был процентом с капитала, и его шведская корона отпускать не собиралась. Мать и сын не виделись много лет: между ними пролегла мировая война. Сама Мария Павловна говорила впоследствии, что из-за своего трудного детства не умела обращаться с детьми. От отчаяния и беспокойства у нее начался бронхит, перешедший в воспаление легких, а также нервная глазная болезнь, вероятно, воспаление радужной оболочки. Лучшие врачи Парижа

обследовали ее с головы до ног. Она была, без сомнения, больна, но с почками у нее было все в порядке.

Поправившись, она поступила в школу живописи в Париже. Зимой и весну 1914 года она провела в Италии и Греции. Когда летом 1914 года началась первая мировая война, она вместе с братом слушала обращение государя к русскому народу с балкона Зимнего дворца. Великая княгиня Мария Павловна отправилась на фронт сестрой милосердия.

Здесь она столкнулась с новой, незнакомой ей Россией. Порой никто не знал, что сестра милосердия облечена саном великой княгини и к тому же двоюродная сестра государя, когда же это выяснялось, удивление было огромным и трогательным. Со временем ей пришлось против своей воли делать несложные операции, когда врачи были заняты более тяжелыми ранеными: она извлекала пули, ампутировала пальцы и с трудом выбиралась из операционной, одурманенная хлороформом. Два с половиной года она работала в госпитале в древнем русском городе Пскове.

Среди сестер милосердия была шестидесятилетняя ветеранша Феодосия Ивановна, полуграмотная и полная почтения к великой княгине, в присутствии которой она даже не осмеливалась сидеть. Феодосия Ивановна была низенького роста, толстая, рябая, с умными глазами. Ее любимым занятием было обряжать покойников: с благоговением, будто выполняя религиозный ритуал. Она собственноручно обмывала трупы, одевала, читала над ними молитвы и громко рыдала; закончив работу, она вставала неподалеку от гроба, не без гордости созерцая дело своих рук. Через руки Феодосии Ивановны прошло немало покойников.

Великая княгиня, которая родилась в золотой клетке, а потом еще какое-то время провела в другой позолоченной тюрьме, внезапно оказалась в самой гуще русского народа. Работа в госпитале стала для нее отличной подготовкой к эмиграции. Одно время она жила в монастыре под Псковом, бродила по девственному лесу и в одиночестве купалась в лесном озерке в сопровождении лишь своей собаки. Тут она впервые своими глазами увидела нищету и убогость деревни. Она вспомнила годы в Швеции, где у каждого поденщика был свой велосипед, где земледельцы жили в чистеньких уютных домиках, — ей было трудно свыкнуться с мыслью, что эти здоровые, аккуратно одетые и довольные люди действительно крестьяне.

Значительно более бедные русские крестьяне с верой и надеждой ждали окончания войны, рассчитывая наконец-то получить землю: вечная мечта, так и не исполнившаяся при отмене крепостного права пятьдесят лет назад. Мария Павловна понимала, что, с точки зрения русского крестьянина, справедливо отнять землю у помещика и отдать крестьянину. Иллюзии относительно русского народа, которые она разделяла с

остальными членами династии, исчезли навсегда. «Мы абсолютно не понимали русскую душу, — признавалась она пятнадцать лет спустя, — а теперь уже поздно. Насколько я знаю, положение русского крестьянства ничуть не изменилось».

Тут она ошибалась. В начале тридцатых годов, когда она писала эти слова, русскому крестьянину было так худо, что она и вообразить не могла. После голода и продразверсток во время гражданской войны он получил несколько лет мирной передышки в годы нэпа, но затем Сталин начал планомерное истребление крестьянства России, не только русского, но и всех прочих национальностей, голодом и лагерями уморив большую часть крестьянского населения с целью принудительной коллективизации страны. Если сравнить данные из самых достоверных и исходящих из самых верхов советских источников при горбачевской гласности, то цифры жертв «войны против народа», как сегодня иногда называют коллективизацию, просто чудовищны: не меньше десяти миллионов, может быть, двадцать, может быть, и больше. Ничего подобного не выпадало на долю русского крестьянства при царе, как бы ни ненавидели его в Европе за реакционную политику. И что ни говори об Александре III или Николае II, они подумать не могли о возрождении крепостного права; зато паспортные законы, введенные Сталиным, привели к тому, что советские колхозники оставались крепостными вплоть до семидесятых годов — об этом сегодня можно прочитать в советских газетах.

Мария Павловна более трезво посмотрела на царскую чету. Государыня тоже разъезжала по военным госпиталям, но отталкивала людей своей холодностью и отчужденностью. На раненых она производила превратное впечатление, ее сочувствие не доходило до них из-за ее надменности и отстраненности. Не помогал ни ее безупречный русский язык, ни то, что сочувствие было подлинным: взгляды солдат были полны неприязни и страха.

Государь, наоборот, излучал спокойствие и достоинство, жизненную силу и тепло — по словам Марии Павловны, которая неоднократно присутствовала при его посещениях госпиталя, и у нас нет оснований ей не доверять. Николай II был политически недалек, он не был блестящим оратором, но, по многочисленным свидетельствам, он прекрасно держался на людях, а посещение госпиталя предоставляло ему отличную возможность подать себя с наилучшей стороны.

Эта способность мало помогала ему вне Ставки, военных госпиталей или чаепитий в Царском Селе. Осенью 1916 года Мария Павловна впервые услышала, как народ отзывался о царской чете с неприкрытой озлобленностью и презрением. Невзгоды войны терпеливый русский народ

При желании можно толковать эту фотографию по-разному — одинокая женщина, молодая русская, тоскующая по родине, грусть по странной и холодной Швеции. Проще всего сказать, что это очень красивая фотография, хорошо передающая настроение, портрет молодой женщины, у которой, несмотря ни на что, все жизненные трудности еще впереди

еще мог перенести, но в сочетании с прихотливым правлением государыни в Петрограде и со слухами о похождениях Распутина это было чересчур.

В декабре 1916 года Мария Павловна могла наблюдать, с какой радостью, близкой к истерии, встречалось в провинции известие об убийстве Распутина. Жители Пскова обнимались на улицах, будто в пасху, а женщины плакали от счастья. Сама она считала, что Распутина следовало убить гораздо раньше и без того возбуждения, которое сопровождало убийству. В изгнании у нее по этому вопросу было иное мнение, нежели у ее брата Дмитрия — одного из заговорщиков.

Об участии брата в убийстве Мария Павловна узнала через местного представителя Красного Креста князя Шаховского, который добавил: «Смерть Распутина — большое счастье для России».

Как мы знаем, убийство нечистоплотного шарлатана Распутина не спасло Россию. Меньше чем три месяца спустя Николай отрекся от престола в железнодорожном вагоне в том самом Пскове. Марию Павловну к нему не пропустили. На следующий день она отправилась на службу в самый большой собор города. Ей было двадцать шесть лет. У всех присутствующих были на груди красные банты, кто-то и ей сунул в руку бант (и откуда только брались все эти красные банты в России, не отличавшейся организованностью?). В церкви был зачитан манифест об отречении, и все уставились на великую княгиню. Пропели многая лета новому царю Михаилу Александровичу. Никто не знал, что он не удержит корону и одного дня.

Ситуация в госпитале скоро стала угрожающей, и великая княгиня благоразумно уехала обратно в Петроград. На вокзале в столице императорский зал ожидания оказался на замке. Ей пришлось ехать домой в старом наемном экипаже — пока что великих княгинь не заставляли ходить пешком, но и то время уже было не за горами. Никто не решался заговорить с ней или с другими членами династии, будто с зачумленными.

Размышляя над случившимся, Мария Павловна пришла к выводу, что причиной падения династии стало недостаточное образование и дурное

Первое мая 1917 года. Россия уже практически республика. Судя по плакату, на демонстрацию вышла группа из «психо-невр. института», получившего военное подкрепление. На плакате также призывы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Поддержим Интернационал» и «За восьмичасовой рабочий день!». Романовы перестали быть политическим фактором в течение одного дня, который римляне называли мартовскими идами

воспитание — причем не только императорской фамилии, а всех классов общества.

Как-то она добилась аудиенции у Керенского, пытаясь освободить своего сводного брата Владимира Палея. Его арестовали за злобный стишок о Керенском, и об освобождении его или отца не могло быть и речи.

Среди унижений и невзгод разведенная двадцатисемилетняя великая княгиня испытала первую влюбленность в некоего князя Путятина, сына дворцового коменданта в Царском Селе (кстати, Михаил Александрович отказался от короны именно в квартире княгини Путятиной). Мария Павловна была безмерно счастлива. В сентябре они поженились.

Захват власти большевиками в октябре 1917 года был проведен безупречно — но только в Петрограде. В Москве в силу многих обстоятельств он стоил много горя и крови. Марии Павловне не повезло, она приехала в Москву за своими драгоценностями и попала в самую гущу ожесточенных уличных боев. Новобрачные несколько часов кружили по узким улицам Москвы, прячась от пуль и баррикадных боев, и чудом остались в живых. Мария Павловна ждала своего второго ребенка.

Граждане Романовы кое-как перебились, продали драгоценности, хитро припрятали часть украшений в бутылках с чернилами или в толстых церковных свечах, которые были полными внутри, но все же могли гореть. Среди всех несчастий они получили посылку с продуктами от шведского королевского дома, где прослышали о тяжелом положении бывшей родни. До конца жизни Мария Павловна с малейшими подробностями помнила содержимое этой посылки.

В июне родился ее второй ребенок, сын Роман. Когда они с мужем затем спасались бегством в направлении оккупированной немцами Украины, ребенок оставался с родителями мужа, которым позже удалось, как и было задумано, без приключений последовать за ними.

Мария Павловна и Сергей Путятин не без труда перебрались через границу между красной и белой территорией и некоторое время задержались в Киеве, где царская Россия сделала свой последний отчаянный вздох, а потом продолжили путь в Румынию. На станции Раздельная возникла сложность с поездами. На перроне кипмя кишели белые войска — пестрая толпа, внушавшая не больше доверия, чем красные, с которыми молодая чета столкнулась на пути сквозь хаос гражданской войны.

Но когда поезд тронулся, офицер отдал команду. Оборванные белогвардейцы повернулись вслед поезду и вытянулись по стойке «смирно», отдавая честь великой княгине Российской Марии Павловне. Она выскочила в тамбур, измученная жаром — вероятно, у нее начиналась испанка, — и в одном платье долго махала солдатам, пока они не исчезли вдали. К вечеру поезд прибыл на станцию Бендеры на границе с Бессара-

бий. Там она попрощалась с шестерыми сопровождавшими ее солдатами — они вошли в купе, она подняла свечу и внимательно посмотрела на каждого, чтобы запомнить их в лицо. Она прощалась с Россией. Ей предстояло прожить сорок лет на чужбине и никогда больше не увидеть родной страны.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ В ИЗГНАНИИ

Некоторое время Мария Павловна и ее супруг прогостили у румынской королевской семьи. Оказалось, что из всех королевских фамилий, которые продолжали оставаться на престоле и состояли в родстве с Романовыми, лишь румынская королевская семья встретила их сочувствием и пониманием. Английский двор еще раньше отверг просьбу принять царскую семью — из политических соображений.

В течение целого столетия, предшествовавшего революции, царская Россия была пугалом для Европы. В глазах консерваторов Россия была огромной враждебной державой. Страх перед русскими входил в багаж консервативных патриотов многих стран. Для людей прогрессивных взглядов во всех странах, для либералов и социалистов, царская Россия рисовалась еще хуже их собственных консервативных и реакционных противников. Подобное отношение к России стало определяющим, когда та превратилась в РСФСР, а потом в СССР. Консервативные силы в дальнейшем сочетали страх перед русскими с отвращением к социализму. В среде прогрессивно настроенных людей левые социалисты радостно приветствовали новое «рабоче-крестьянское государство» и десятилетиями сглаживали и замазывали все то, что в старой царской России ими же осуждалось, не говоря уже о тех новых ужасах, соответствия которым можно найти не в царской России, а в гитлеровских лагерях смерти: о массовых убийствах миллионов невинных.

Романовы же внезапно оказались за бортом. Одним взмахом руки они стали отслужившими свой век, изгоями, бывшими. Никакого великодушия к ним никто не проявлял. Мария Павловна обнаружила, что, хотя они никому не были нужны и совершенно безопасны, а их судьба касалась только их самих, отношения к ним это не меняло.

Даже многие служители Русской церкви стремились показать нарочитое безразличие. Ей пришлось также привыкнуть к тому, что радикально настроенные завсегдатаи светских салонов, вроде некоей графини Ноэль, радостно заявляли, что-де большевики имеют полное право на террор после того, что «им пришлось вытерпеть». Должно быть, это резало слух Марии Павловне, у которой от террора погибли двадцатилетний сводный брат и больной, ничем не запятнавший себя отец. Пока ей трудно было с расстояния в несколько лет объяснить себе и другим,

Нет, для великой княгини Марии Павловны шитье — не приятное времяпрепровождение, а хлеб насущный. Обратите внимание на сигарету в пепельнице

что при всех оборотных реакционных сторонах царский режим последних лет медленно, но верно развивался в конституционную монархию; что большевикам не пришлось «вытерпеть», чтобы ее двоюродный брат Николай II без суда и следствия убивал своих противников, а тем более их детей и родственников; или что ее отец, подобно другим великим князьям младшего поколения, напрасно пытался убедить Николая II ускорить конституционное развитие.

Даже королева Румынии не могла приехать в Париж в сопровождении русской великой княгини: Марии Павловне пришлось ехать в Париж самой, а затем в Лондон, где она впервые встретила с братом после убийства Распутина в декабре 1916 года.

В Лондон приехал также шведский кронпринц Густав Адольф с драгоценностями Марии Павловны в их своеобразной упаковке. Их удалось

контрабандой провезти в Стокгольм, и бывшая шведская родня их преданно сохранила, не подвергая сомнению сведения о том, что это бесценные сокровища. Мария Павловна была приятно удивлена. Она не рассчитывала больше увидеть свои украшения.

Она не получила за них подлинную цену, как и все Романовы, она жаловалась, что европейские ювелиры нарочно занижали цены. Теперь бывшие княжеские особы остались одни, без адъютантов и церемониймейстеров, которые вели за них контакты с суровой действительностью. Двадцативосьмилетняя Мария Павловна сразу поняла, что в практических делах она ребенок. Она никогда раньше не носила при себе денег, примерно представляла себе, сколько стоят драгоценности и наряды, но понятия не имела о ценах на хлеб, мясо и молоко. Она даже не знала, как покупают билеты на метро в Париже.

С родины и из других стран приходили печальные вести. Сведения об убийствах в Екатеринбурге, Алапаевске, Петропавловской крепости и Перми подтвердились. В Париже всплыли некоторые личные вещи сводного брата Владимира, в частности заплесневелый и пахнущий затхлой землей бумажник. Попали в Париж и фотографии трупов в Алапаевске. Увидев одну из них, Мария Павловна не смогла заставить себя посмотреть остальные.

Затем пришло письмо из Румынии о том, что ее годовалый сын умер от кишечного заболевания. Горе и сменившая его депрессия затянулись надолго. Но они вынужденно уступили место практическим заботам, когда ее муж и брат Дмитрий решили снова переселиться в Париж. Дмитрий жил не по средствам в гостинице «Ритц», но теперь все вместе сняли квартиру на рю де Курсель.

Все разговоры крутились вокруг прошлого. Круг общения ограничивался русскими. Все были уверены в скором возвращении в Россию, «жизнь проходила мимо, а мы отказывались посмотреть ей в глаза». Никто из русских изгнанников не думал, что изгнание продлится долго, поначалу казалось, что падение власти большевиков — вопрос месяцев.

Уже давно Мария Павловна сама шила себе одежду, халаты и прочее. Она начала вязать и продавать свои изделия, но зарабатывала гроши. Ее супруг получил место в банке. Летом 1921 года Мария Павловна впервые за много лет по уговору с шведским королем Густавом V встретилась со своим сыном Леннартом на нейтральной территории в Копенгагене. За последующие семь лет жизни в Европе она видела сына еще два раза. Один раз они вместе были в Висбадене, откуда ездили на экскурсии, в частности в Дармштадт, где их принимал великий герцог Эрнест Гессен-Дармштадтский, у которого Кирилл в самом начале столетия увел жену, — брат государыни и Елизаветы Федоровны. Он был сам по себе примечательным человеком, покровительствовал изящным искусствам и за это до сих пор чтим в Германии.

Не в состоянии заработать на пропитание в мире моды, великая княгиня Мария Павловна (или «шведская принцесса Мария») занялась фотографией

Во второй раз мать и сын встретились в Брюсселе, когда Леннарту было семнадцать лет. Мария Павловна была очень довольна его няней и результатами его воспитания, хотя и считала его чересчур суровым. Голландский принц-консорт обращался к ней с предложением заключить брак между Леннартом и его дочерью Юлианой, но Мария Павловна имела слишком печальный опыт браков по расчету и не согласилась.

Наконец Марии Павловне удалось продать блузку собственного изготовления Коко Шанель, которая уже имела громкое имя среди законодателей моды. Великая княгиня, обучавшаяся прикладным искусствам в Стокгольме, купила машину для вышивания и не преминула воспользоваться бесплатными уроками, входившими в стоимость машины; когда она по утрам приходила в обшарпанное помещение мастерской, без макияжа и украшений, бедные французские вышивальщицы взирали на нее с недоумением.

Фирма великокняжеских вышивок получила название «Китмир» и пошла в гору сверх всяких ожиданий. Она расширялась, Мария Павловна

наняла работниц, большей частью из русских эмигрантов, — одно время их было пятьдесят. Мир французской моды производил смешанное впечатление на Марию Павловну, не перестававшую удивляться, как элегантны наряды манекенщиц сочетаются с убогим нижним бельем.

Через несколько лет капризная мода отменила вышивки на блузках, и мастерскую пришлось закрыть. Фирма обанкротилась. К этому времени Мария Павловна развелась с Путятиным. Видимо, ей казалось, что он сидит у нее на шее. Она жаловалась, что его энергии хватает лишь на то, чтобы разбивать купленные на ее заработки автомобили. Они расстались без особых страданий. Позже он женился на американке.

После развода Мария Павловна купила дом, куда переехал и брат Дмитрий, до того несколько лет живший отдельно. Но вскоре он женился, и Мария Павловна снова осталась одна.

У нее было много идей, как заработать себе на хлеб. Одно время она собиралась продавать в Париже шведские изделия из стекла. Парфюмерный магазин, который она открыла, давал очень мало прибыли. Положение было бы плачевным, если бы не предприимчивость и практичность, которые она приобрела за годы работы в русском госпитале во время войны. Кто пережил русский военный госпиталь, раненым или персоналом, тому уже ничего в жизни не страшно.

В то время появился спрос на русские мемуары, и в Швеции не забыли бесшабашную русскую, возившую шведского короля в пролетке и катавшуюся — без короля — на серебряном подносе в особняке Оук Хилл. Шведские газеты посылали заманчивые предложения. Наконец она приняла одно из них и поручила писать статьи одной старой соотечественнице. Сама она лишь прочитывала их, возможно вставляя пару фраз (как ни странно, когда в Швеции вышли мемуары, в шведских газетах не упоминалось, что первые статьи были написаны подставным лицом).

К тому времени Мария Павловна общалась не только с соотечественниками в изгнании, но и с многими представителями французской интеллигенции, которые проявили неожиданный интерес к ее рассказам о жизни в России. Она поняла, что ее приключения являются частью единого целого, частью всемирно-исторических событий, и тогда она начала писать сама — по-французски, читая главу за главой своим французским друзьям. Так появились ее мемуары, которые были изданы в двух томах и имели довольно большой успех, сильно поправив материальное положение бывшей владелицы обанкротившейся фирмы «Китмир».

В 1928 году на похоронах Марии Федоровны в Дании Мария Павловна впервые за пятнадцать лет вновь оказалась на торжественном собрании царских особ, последнем в своем роде, когда присутствующие были в старых русских орденах и наградах. После ее отъезда бизнес Марии Пав-

Мария Павловна с сыном Леннартом в Буэнос-Айресе

ловны был предметом разнотолков среди высшего общества, не говоря уже о статьях в шведской прессе. Вероятно, ее книги подвигли и других великих князей на сочинительство: через несколько лет после ее первой книги появились мемуары Александра Михайловича.

Вскоре Мария Павловна захромала, повредила ногу во время поездки на Корсику; иногда она утверждала, что еще раньше, в годы войны, отморозила ногу, простояв целую ночь на снегу.

В сорок лет она взяла пишущую машинку и гитару и отправилась пароходом в США. Ее ждала работа консультанта в фирме модной одежды «Бергдорф и Гудман», где она пробыла несколько лет. Она ездила по стране с лекциями, что в США было обычным способом подработать. Корпорация Херста послала ее корреспондентом в Германию; в 1935 году она неожиданно сделалась фотографом, занимаясь, в частности, цветной фотографией, что по тем временам было редкостью; фотоискусство стало ее страстью.

Мария Павловна также начала собирать русские книги, и в Нью-Йорке ей посчастливилось купить книги, принадлежавшие когда-то ее отцу. Успех мемуаров возбудил в ней интерес к писательству, но художественная литература ей не давалась. В 1937 году она получила шведское подданство по ходатайству своего давнего друга короля Швеции, на которого подействовали рассказы принца Леннарта о ее бедствиях и о состоянии ее нансеновского паспорта, который можно было развернуть на два метра со всеми визами и прочими вклейками. Она даже получила шведский дипломатический паспорт. Раньше, когда она бывала в Биаррице и получала приглашение в Испанию, испанской королеве приходилось присылать за ней личный автомобиль, дабы избавить ее от паспортного контроля на границе.

Время от времени шведские журналисты брали интервью у бывшей шведской принцессы, которая читала наизусть Альмара Седерберга и Августа Стриндберга и жадно расспрашивала о своем сыне.

Когда сын женился на женщине недворянского происхождения, утратил титул и завел детей, она изредка приезжала его навестить. Поскольку она никогда не писала писем и не отвечала на письма, она просто заявлялась без предупреждения, неизменно со швейной машинкой в багаже. Ей не нравилось, что сын женился гражданским браком. Она увлеченно фотографировала. Маленьких детей она не любила.

Через двенадцать лет она перебралась в Аргентину под предлогом, что не может жить в стране, официально признавшей Советский Союз. В Буэнос-Айресе у нее была небольшая квартирка с садом, откуда она прогоняла соседских мопсов сочной русской бранью. Теперь она посвящала все время живописи. В разные периоды своей жизни она получила

художественное образование. В России она занималась реставрацией храмов, а в Париже участвовала в убранстве новой русской церкви. Несколько картин ей удалось продать, иногда она писала в газетах об искусстве и домашнем дизайне. Ее материальное положение было далеко не блестящим.

Когда стало совсем худо, она получила помощь — от короля Швеции. В 1947—1948 годах принц Леннарт провел несколько месяцев в Буэнос-Айресе и наконец-то как следует с ней познакомился, узнав, как того хочет любой человек, все о своем детстве и предках. В 1949 году Мария Павловна впервые за тридцать пять лет встретилась со своим первым мужем, принцем Вильгельмом, в доме сына в Майнау. Встреча не была запланирована и явилась неожиданностью для обоих, но после первых неловких минут оба поняли, что вполне могут разговаривать. Они общались как старые друзья и даже поцеловались в щеку.

После войны Мария Павловна большей частью жила у разных знакомых в Европе почетной гостьей, которая свободно говорила на нескольких языках и представляла собой нечто выдающееся: настоящая русская великая княгиня. Визиты к сыну доставляли не только радость: к этому времени в ней развилась специфическая бестактность, свойственная пожилым дамам разных национальностей, но особо присущая зрелым русским дамам. В Марии Павловне эта черта сочеталась с великокняжеским воспитанием в традициях самодержавия, и семью сына она воспринимала как свою вотчину; столкновения с сыном, который собственной судьбой продемонстрировал не меньшее упрямство, были, надо думать, внушительными. У принца Леннарта хватало проблем с родней: поместье принца Вильгельма его сожительница Жанна Трамкур населила своими детьми, оттеснив Леннарта; а в Майнау то и дело появлялась мамаша и пыталась взять командование в свои руки.

Ее багаж заполнял целый автомобиль, он состоял не только из обескураживающей швейной машинки, но также пишущей машинки, фотоаппаратов с разнообразной оптикой, мольбертов и обычного барахла. Комната ее была так же набита, как автомобиль.

В последние годы Мария Павловна была замученной и усталой, у нее развился склероз, и шведская невестка ухаживала за ней. В декабре 1958 года она умерла от воспаления легких в пограничном городе Констанц, у самого Майнау. Сын распорядился поместить ее гроб в отдельный придел крипты в дворцовой церкви Майнау, рядом с прахом брата Дмитрия, скончавшегося в годы войны, по ее просьбе перенесенным сюда из Давоса.

Принц Вильгельм, ее первый муж, умер в июне 1965 года в своем поместье Стенхамар в Сёдерманланде. Князь Сергей Путятин, ее второй муж, умер в феврале 1966 года в Чарльстоне, штат Южная Каролина, в США.

Трое русских в эмиграции в Париже в 1953 году: Матильда Кшесинская, в прошлом любовница государя, ее муж великий князь Андрей Владимирович, двоюродный брат государя, и его двоюродная сестра — великая княгиня Мария Павловна

Как заметил читатель, пипущий эти строки не смог заставить себя называть Марию Павловну на шведский манер «принцесса Мария»; кстати, сын называл ее Мари. Среди студентов, изучавших русский язык и пользовавшихся библиотекой кафедры славянских языков в Стокгольме, Мария Павловна была особым понятием — ее бесценное собрание книг было после ее смерти передано в дар кафедре и многие годы приносило пользу и радость шведским славистам. Когда библиотека кафедры слилась с университетской библиотекой, собрание Марии Павловны перешло в библиотеку Бернадоттов в Королевском дворце в Стокгольме.

А что случилось с особняком Оук Хилл, который блестящий архитектор Фердинанд Буберг построил на царские деньги? Уже много десятилетий в нем размещается итальянское посольство, и когда-то вокруг виллы шло конечное кольцо седьмого трамвая. Сам я никогда не бывал внутри этого здания, кроме как в сопровождении моей русской жены, получавшей визу — ибо и в наши дни русским за рубежом приходится ходить по инстанциям с нансеновскими паспортами и визами, совсем как Марии Павловне в 30-е годы. Между прочим, залив перед особняком Оук Хилл называется Русским заливом. Но это название он получил задолго до приезда Марии Павловны в Швецию.

А как эхо семидесятилетней давности, шведские газеты в начале восьмидесятых годов писали о повторении супружеской драмы между принцем Вильгельмом и Марией Павловной, разыгравшемся вблизи их бывшего жилища: некая русская сбежала от своего шведского супруга и жизни в неволе. Речь шла о волчице из русского зоопарка, удревшей от шведского самца в стокгольмском зоопарке Скансен. Судьба Марии Павловны сложилась счастливее, чем ее четвероногой соотечественницы.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ

Любимый брат Марии Павловны Дмитрий родился хилым, но выжил. Мать его, будучи на сносях, внезапно тяжело заболела в гостях у деверя Сергея Александровича, в его усадьбе Ильинское под Москвой. Когда подросел врач, она была без сознания и уже в сознание не пришла. Через шесть дней она родила сына и умерла, не дожив недели до двадцати одного года.

В главе о Марии Павловне мы не остановились подробно на предках брата и сестры. Из предшествующего ясно лишь, что они доводились внуками царю Александру II. С материнской стороны их происхождение было запутано.

Их бабка, «Ольга, королева эллинов», как она официально именовалась,

лась в России, приходилась сестрой полоумному великому князю в Ташкенте, то есть сама была великой княгиней и внучкой Николая I. Каждый раз, когда в Грецию приходили русские военные корабли, а благодаря ей это случалось нередко, она стояла на берегу и встречала дорогих соотечественников в надежде увидеть среди офицеров кого-нибудь из родни.

Королева эллинов Ольга была женой греческого короля Георга I, в прошлом датского принца, брата супруги Александра III Марии Федоровны (Дагмар). Когда великий князь Павел Александрович женился на Александре, дочери короля Георга и королевы Ольги, он тем самым женился на племяннице своей невестки. Или на внучке своего дяди.

Подобные запутанные семейные отношения часто приводятся как пример кровосмешательства и вырождения. Это было не так. Ничто в судьбе великого князя Павла, его детей или внуков не указывает на признаки вырождения.

Новорожденный великий князь Дмитрий был таким хилым и слабым, что никто не думал, что он выживет. В суете вокруг умирающей матери о младенце вообще забыли, няня-англичанка нашла его на стуле, завернутого в одеяло. Его укутали ватой и положили в колыбельку, обогреваемую грелками. По рекомендации врачей великий князь Сергей собственноручно купал его в бульоне. Дмитрий пробыл в Ильинском несколько месяцев, пока его можно было перевезти в Петербург.

К тому времени он окреп. Двое сироток, лишившиеся, кроме матери, еще и отца, когда того выслали за границу, выглядят трогательно на фотографиях, где угадывается скорбь фотографа по их плачевной судьбе. По свидетельству многих, Мария и Дмитрий были любимцами царской четы. Приходясь государю двоюродными, они были не намного старше его дочерей (как помним, 1895, 1897, 1899 и 1901 года рождения). Для царской четы, с нетерпением ждавшей сына, Дмитрий был очаровательным мальчуганом, глядя на него, они мечтали, что таким же будет и их собственный сын. Со временем Дмитрий стал высоким и стройным, как многие Романовы, хотя он и унаследовал от отца слабое здоровье. У Дмитрия были «слабые легкие», частое выражение во многих странах в прежние времена, означавшее риск заболеть туберкулезом. Однако молодому великому князю ничего не стоило обеспечить себе благоприятные условия: качественную, питательную еду и сухое, теплое жилище.

Проблема возникала, когда юным князьям предстояло получить военное образование — по тем временам единственное доступное. Дмитрий Павлович действительно захворал в кавалерийской школе, совсем как его племянник принц Леннарт двадцать лет спустя подхватил

*Великий князь Дмитрий Павлович, Мария Павловна, шведский принц Вильгельм —
Дмитрий Павлович был милее ее сердцу*

воспаление легких во время осенних маневров со смоландскими гусарами. Однако великий князь Дмитрий выздоровел, как и его племянник (хотя в крупнейшей шведской утренней газете «Дагенс Нюхетер» уже написали некролог принцу Леннарту, настолько серьезно он был болен). Небезопасно отправляться из оранжерейного детства сразу на военную службу.

Что касается Дмитрия Павловича, эта часть его образования всерьез заботила его сестру, ибо он кочевал между офицерским клубом и светской жизнью столь интенсивно, что это также ставило под угрозу его деликатное здоровье.

После смерти великого князя Сергея Александровича Дмитрий получил от его вдовы Елизаветы Федоровны дворец на Невском проспекте, у самого Аничкова моста. Во время первой мировой войны он отдал верхний этаж под госпиталь для раненых с фронта.

В 1912 году Дмитрий вошел в русскую сборную по конному спорту на Олимпийских играх в Стокгольме и вместе с товарищами по команде и с лошадьми гостил у сестры в Оук Хилл. Побед команда не добилась: шведская пресса отмечала, что у русских хорошие лошади, но тренируются они по устаревшей методе.

Дмитрий был также президентом и движущей силой многих других спортивных обществ. Когда началась первая мировая война, он как раз должен был ехать в Ригу открывать Вторую Русскую олимпиаду — грандиозные спортивные состязания, которые из-за выстрелов в Сараеве закончились, не успев начаться.

Высокий, ладно сложенный Дмитрий отличался тонкими чертами и был очень красив. Он дружил с другим красавцем, князем Феликсом Юсуповым, одним из самых богатых молодых людей России, который был женат на племяннице государя Ирине, тоже красавице, хоть не столь бойкой и активной.

Феликс Юсупов был и активен и беспокоен, даже суетлив. Ему нравилось наряжаться в женское платье, и он часто с гордостью рассказывал, как однажды сам принц Уэльский принялся ухаживать за переодетым русским князем. Ни у кого не вызывали сомнения гомосексуальные наклонности Юсупова. Когда Дмитрий Павлович сдружился с Юсуповым, подобные слухи стали ходить и про него. Упоминавшаяся выше писательница-эмигрантка Нина Берберова даже утверждает, будто он состоял в связи со своим старшим родственником, историком Николаем Михайловичем: информация довольно-таки неожиданная. Нина Берберова рассказала мне лично, что этот факт был в то время «известен всем»; она эмигрировала уже взрослой в 1922 году и сегодня остается одним из последних живых свидетелей событий 1917 года. Ее сведения

полностью достоверны, и совершенно в другой связи она писала о гомосексуализме в роду Романовых; статистически ее сведения не исключены.

Восемьдесят лет спустя довольно трудно решить, где правда, а где сплетни в вопросе, который редко обсуждается в открытую. Известно, что гомосексуализм был широко распространен в русских военных училищах, включая знаменитый Пажеский корпус: об этом, в частности, поведал Лермонтов; судя по всему, в закрытых однополых учебных заведениях гомосексуализм был неизбежен; для одних он проходил бесследно, а на других накладывал отпечаток на всю жизнь. О Дмитрие Павловиче достоверно известно, что у него были любовные связи с дамами и что в эмиграции он женился. Какие у него были увлечения помимо того, покрыто мраком неизвестности. Можно дружить с гомосексуалистом, таковым не являясь; общение с Феликсом Юсуповым, возможно, дискредитировало Дмитрия, но в двадцать лет интересно шокировать окружение вызывающими друзьями.

Началась война. 2 августа 1914 года Дмитрий отвез свою вернувшуюся домой разведенную сестру в Зимний дворец, на торжественный молебен перед обращением государя к народу по поводу объявления войны. Вокруг Зимнего дворца было полным-полно народа, и паре серых кобыл Дмитрия пришлось идти шагом. Юному кавалерийскому офицеру минуло 23 года. 4 августа его полк покинул Петроград; брат с сестрой поехали в одном экипаже в казармы, и Мария Павловна в том же экипаже последовала за полком на вокзал.

Погрузка людей и лошадей была долгим и хлопотным делом, наконец наступила тишина, и в ней протрубили отправку. Жены, матери и сестры плакали. Эта сцена, которую русский народ переживал чересчур часто, как нельзя лучше отражена в знаменитом русском марше «Прощание славянки» Василия Агапкина, написанном всего несколькими годами раньше.

Дмитрий Павлович принимал участие в боях в Восточной Пруссии. Потери были чудовищны. Русские офицеры почитали за честь подставлять себя под вражеские пули и не прятаться в укрытия при обстреле. Их поведение было обусловлено военным воспитанием в стране с жесткой классовой системой: они не были равноправными товарищами своих солдат, между ними, командирами, и рядовыми пролегла глубокая пропасть, и они должны были поддерживать уважение к себе. Их бахвальное презрение к смерти были оправдано в прошлых войнах против азиатских племен и турецких солдат, вооруженных примитивным оружием и плохо обученных стрельбе: тогда русские офицеры могли гордо стоять во весь рост под градом пуль. Но в войне против германских снайперов это было

Великий князь Дмитрий Павлович, красавец, гвардейский офицер, остроумный и живой, украшение светских салонов

безумием. Последствия оказались роковыми для дальнейшей русской истории: когда наступил 1917 год, на фронте находился уже даже не второй, а третий и четвертый резерв офицеров, потому что прежние профессиональные офицеры были почти полностью истреблены в результате своей привычки не бояться вражеского огня.

Однако подобное отношение не умерло вместе с ними. Правозащитник генерал Петро Григоренко рассказывает в своих записках, как трудно было во время второй мировой войны приучить солдат Красной Армии носить каски. Это считалось признаком трусости и слабости.

Для членов императорской фамилии было небезопасно идти на войну. В конце сентября 1914 года был тяжело ранен двадцатитрехлетний князь Олег Константинович и через два дня скончался в госпитале в Вильно. Его отец, поэт и инспектор военных училищ великий князь Константин Константинович, К. Р., скоропостижно скончался год спустя, по словам многих, из-за ранней смерти сына на поле боевой славы. Зять великого князя Константина, майор Константин Багратион-Мухранский, погиб в мае 1915 года.

Создается впечатление, что после этих инцидентов командование либо получило приказ щадить великих князей и князей императорской крови, либо поступало так по собственному разумению. Война больше не потребовала жертв среди членов императорского дома.

Дмитрий Павлович был рад и взволнован, встретив на фронте сестру. Его командир, генерал Ренненкампф, распорядился отослать высокородную сестру милосердия подальше с линии фронта, когда положение сделалось чересчур угрожающим; без сомнения, она приносила больше пользы в псковском госпитале, далеко в тылу.

Осенью 1915 года Дмитрий Павлович находился в Ставке главнокомандующего, генералиссимуса Николая Николаевича, но заказал специальный поезд и отправился в Петроград. Он узнал о намерении Николая II взять на себя верховное командование и решил попытаться уговорить кузена изменить решение. Николай Николаевич он не извещал о своих планах.

Государь по-прежнему относился к Дмитрию как к сыну, часто приглашал его в гости и охотно подолгу беседовал. Но на этот раз потребовалось немало времени и телефонных звонков, пока Николай II согласился его принять. Наконец его пригласили к обеду, и после трапезы он остался наедине с государем у бильярдного стола. Он воспользовался ситуацией, чтобы объяснить государю, что не только он, Дмитрий, но практически вся армия умоляет государя не брать на себя командование.

Государь был тронут, было видно, что он готов заново продумать свое решение, казалось, он понял, на какой риск идет, принимая на себя верховное командование армией и покидая Петроград. Дмитрий, не без оснований опасавшийся реакции государя, выслушал множество благодарностей, и прежде чем оба вернулись в покои государыни, они обнялись, растроганные до слез. Дмитрий покинул царскую чету с чувством глубокого удовлетворения. Он был уверен, что добился успеха.

Два дня спустя он прочел в газетах, что Николай II принял верховное командование от великого князя Николая Николаевича. У многих осталось подобное впечатление от государя: он всегда соглашался с тем, с кем говорил последним. Объяснить эти повторяющиеся недоразумения можно тем, что на самом деле государь чересчур вежливо благодарил каждого собеседника за совет, а потом взвешивал все советы. С другой стороны, он в конечном счете обсуждал все проблемы со своей супругой.

Как бы то ни было, Дмитрий Павлович в дальнейшем служил личным адъютантом государя в Ставке. В этом качестве он однажды позволил себе не передать провокационную телеграмму государя земскому собранию и другим общественным организациям, призывавшим государя вновь созвать Думу. За самоуправство Дмитрий Павлович был отстранен от службы в Ставке вместе с еще одним государевым адъютантом, с которым он советовался.

В Думе заседал некий исключительно консервативный депутат по имени Пуришкевич. Он публично нападал на Распутина, притом столь агрессивно, что это вызывало большие толки. Феликс Юсупов обратился к Пуришкевичу и предложил ему вместе убить Распутина. Друг Феликса Юсупова великий князь Дмитрий Павлович был посвящен в эти планы и обещал помочь. Помощь заключалась прежде всего в том, что он предоставил свой автомобиль, чтобы увезти тело Распутина после убийства. Автомобиль был закрытый, к тому же автомобиль с великокняжеским флажком не подвергался риску быть остановленным и обысканным на любой самой странной дороге и сколь угодно поздно ночью. Дмитрию Павловичу также было поручено найти место, где сбросить тело Распутина в реку.

Юсупов в это время учился в высшем военном училище на офицера. Трудно сказать, было ли это вызвано патристическими соображениями или просто было поводом не ехать на фронт. Он был на четыре года старше Дмитрия Павловича. Юсупов был знаком с Распутиным, который «пользовал» его от всяких недомоганий и всячески стремился угождать мужу царской племянницы. Распутин раздражал Юсупова своей гипнотической силой, но он продолжал поддерживать отношения, чтобы завоевать доверие Распутина. Распутин был разборчив в знакомствах: на

него уже было несколько покушений. В юсуповский дворец в Петрограде Распутина заманили обещанием познакомить его со знаменитой красавицей, женой Юсупова Ириной, племянницей государя. На самом деле она в это время была в Крыму.

Распутин ждало отравленное сладкое вино и отравленные пирожные. Он спокойно съел пирожные и выпил мадеры — он питал слабость к десертным винам. Ничего не произошло, к отчаянию врача, который раздобыл яд и находился тут же. Была ли причиной нехватка всего на свете из-за войны, почему и яд оказался бездействующим и плохим, или это врач в ажиотаже перепутал дозу — неизвестно. В дальней угловой комнате граммофон играл танцевальную музыку, чтобы убедить Распутина, будто в доме гости. Заговорщики беспомощно совещались, а тем временем становилось поздно, и Распутин начинал спрашивать, когда же его представят красавице Ирине Александровне. Он без конца пил отравленную мадеру, засыпал и снова просыпался, предлагал Феликсу ехать к цыганам — что было обычным для русских гуляк ночным времяпрепровождением. Наконец Феликс Юсупов пристрелил Распутина из револьвера Дмитрия Павловича. Оставив тело в комнате, заговорщики вышли обсудить дальнейшие действия. Смятение было полным, а степень опьянения достаточной. Когда Юсупов вернулся в комнату, оказалось, что «труп» жив. Распутин попытался убежать от своих убийц, и во дворе Пуришкевич еще раз выстрелил в него. Всего Пуришкевич сделал четыре выстрела, что, разумеется, вызвало в округе большой переполох. Появившегося полицейского удалось отправить восвояси с уверениями, что стреляли по пьянке (что соответствовало действительности). Однако полицейский вернулся, и Пуришкевич внезапно рассказал о содеянном, что полицейскому в общем-то пришлось по душе. Он обещал молчать, но добавил, что не станет лгать под присягой. Когда полицейский и другие любопытные удалились, тело было увезено, этим занялись великий князь Дмитрий Павлович, некий лейтенант Сухотин, посвященный в заговор, и врач, предоставивший бесполезный яд. Труп Распутина был сброшен в прорубь с моста на одном из отдаленных островов. Но к телу забыли привязать груз, и к тому же вслед за Распутиным бросили его шубу и галоши. Ходит упорный слух, будто половой член Распутина в забальзамированном виде долго демонстрировался среди парижских эмигрантов. Эта деталь не нашла отражения в рассказах очевидцев; возможно, мужское достоинство Распутина было отсечено после того, как труп обнаружила полиция.

Как заговор убийство Распутина было проведено на самом дилетантском уровне. Юсупов поступил бы умнее, наняв пару революционеров с

Убийца Распутина Феликс Юсупов и его жена Ирина, дочь великого князя Александра Михайловича

обещанием пополнить партийную казну. В тех кругах хорошо знали, как по-тихому ликвидировать неудобных.

Вместо этого в очевидном алкогольном угаре был убит человек, которого тщательно оберегала тайная полиция Петрограда; кстати, та же тайная полиция охотно собирала компрометирующий материал на Распутина — такого материала было больше, чем надо, — на случай, если бы Высочайший вдруг соизволил выслушать.

Внезапное исчезновение Распутина утром 17 декабря 1916 года вызвало большой переполох. Государыня и ее фаворитка Анна Вырубова знали, что Распутин накануне ночью собирался к Юсупову, и удивлялись странному часу. Более того, множество людей, от членов Думы до прислуги, слышали намеки на предстоящее убийство. Часть слуг Юсупова помогали заговорщикам, в курсе был и шофер Дмитрия Павловича. Скоро весь Петроград знал о случившемся. Через три дня был найден труп Распутина; вскрытие показало, что он умер не от яда и не от пуль, а в конце концов захлебнулся.

Вся Россия торжествовала: мягко говоря, малопоучительное зрелище. Радовались даже полицейские, но самодержец всея Руси и его супруга приказали им найти виновных. Собственно, государыня сразу поняла, что произошло. Она велела арестовать преступников, включая великого князя Дмитрия Павловича, на что не имела права. Дело, впрочем, ограничилось домашним арестом. До этого Дмитрий Павлович был в театре, где его встретили бурными овациями. По всей России зажигались свечи перед иконой святого Димитрия. Участие члена династии в убийстве придавало поступку еще большее величие.

Взбешенная самодержица на самом деле была бессильна. Убийство считалось и в России тяжким преступлением, но что можно было поделать с убийцами, которым вся Россия рукоплескала, как героям? Существуют свидетельства, будто государь во время пребывания в могилевской Ставке отреагировал улыбкой и приподнятым настроением на весть о смерти Распутина. Как бы то ни было, он немедленно вернулся в Петроград и остался там на целый месяц, чтобы быть рядом с супругой.

Мало кто из убийц так легко отделялся, особенно учитывая реакцию царской четы. Пуришкевич уехал на фронт с санитарным поездом. Феликса Юсупова сослали в его имение под Курском. Дмитрий Павлович был отправлен на персидский фронт под начало генерала Баградова.

Его отец Павел Александрович потребовал, чтобы ему рассказали всю правду, и Дмитрий Павлович по призыву отца поклялся, что его руки не запятнаны кровью. Это было правдой; он только перевозил окровавленный труп. Отец и сын в последний раз поговорили по телефону перед отъездом Дмитрия Павловича; больше им не суждено было встретиться.

Семейство Романовых (за исключением царской четы) собралось на семейный совет и написало письмо государю в защиту Дмитрия Павловича. Государь немедленно ответил коротким письмом, суть которого сводилась к тому, что убийству нет оправдания. Еще раньше пропасть меж-

ду царской четой и прочими Романовыми неуклонно росла, теперь она стала непреодолимой.

Переносить домашний арест было необременительно. Дмитрия навещали и Юсупов и родственники, в частности Николай Михайлович. Юсупов еще раньше посвятил свою жену Ирину в планы убийства и после убийства отправился во дворец Александра Михайловича; есть основания предположить, что и другие члены фамилии были в курсе заговора, на что намекал государь в своем послании семейству.

Дмитрия Павловича сопровождал на персидский фронт некий граф Кутайсов, полковые товарищи которого впоследствии отказались иметь дело с беднягой-конвоиром, который лишь выполнял приказ. Когда Дмитрий Павлович поздно ночью покидал Петроград под усиленной охраной, попрощаться на вокзал все же пришла его сестра, а также великие князья Николай и Александр Михайловичи. Начальник станции дал Дмитрию Павловичу понять, что может отвести поезд на запасной путь, откуда легко будет сбежать.

Но Дмитрий Павлович не сбежал, и ссылка на персидский фронт спасла ему жизнь. После Февральской революции Временное правительство Керенского предложило ему вернуться в Петроград. Ему было всего двадцать пять лет. Он еще сохранил популярность, приобретенную после убийства Распутина, и единственный из Романовых не считался скомпрометированным. Однако он остался на персидском фронте, а когда настроения в войсках стали угрожающими, он просто-напросто перешел границу и отправился в Тегеран, где поселился в семье английского посла Марлинга; там он прожил два года. Потом он вместе с хозяевами вернулся в Англию.

Путь лежал через Бомбей, и на корабле по дороге в Англию Дмитрий заболел тифом. За ним ухаживал его старый русский денщик. Добравшись наконец до Англии, Дмитрий оказался материально обеспеченным, поскольку его дом в Петрограде был продан, а Временное правительство позволило вывезти капиталы популярного великого князя. Дмитрий Павлович жил в отеле «Ритц», не печалась из-за дороговизны. Как все эмигранты, он был уверен, что скоро большевики падут и тогда все будет, как прежде.

Последовала праздная жизнь в эмиграции. Дмитрий разделял любовь своего зятя Путятина к буйной езде на мотоциклах и автомобилях, так что машины быстро разваливались. Но деньги кончились. У юного красавца с тонкими чертами лица появились морщины, он стал уставать, на нем сказались невзгоды, начались угрызения совести. Одно время кто-то из соотечественников в эмиграции пытался предложить его в качестве претендента на престол вместо Кирилла Владимировича: если

Великий князь Дмитрий Павлович с новорожденным сыном Полом и красавицей Одри Эмери, 1928 год. Сколько гордых отцов снимались со своими первенцами, одетые в элегантный утренний костюм!

мать-протестантка делала последнего непригодным для престола, то это касалось и его братьев Андрея и Бориса, а в таком случае Дмитрий Павлович действительно стоял следующим по очереди на несуществующий русский трон. Споры зашли так далеко, что какой-то период существовало три лагеря: третий рьяно отстаивал великого князя Николая Николаевича; как-то декабрьским утром оказалось, что отколовшаяся от одной из групп фракция выдвигает кандидатом третьего сына великого

князя Александра Михайловича Никиту, то есть появился четвертый претендент, но тут запротестовал его отец.

В Париже Дмитрий Павлович имел любовную связь с главной покупательницей продукции его сестры, королевой моды Коко Шанель. В Биаррице он познакомился с красивой американской наследницей Одри Эмери, младше его на двенадцать лет, и в 1926 году женился на ней; ей было тогда двадцать два, а ему тридцать четыре. Богатейшая красавица американка приняла православную веру, хотя не без проблем, ибо русский священник, которому было поручено ее обращение, не говорил по-английски, и ее религиозное воспитание происходило через переводчика. В результате обращения она, разумеется, стала великой княгиней или, во всяком случае, княгиней. Разные лагеря эмиграции имели разные точки зрения на толкование старых русских законов по этому вопросу после падения царской России. В 1928 году у супругов родился сын. Супружество продолжалось недолго, но формально было расторгнуто лишь в 1937 году. Поистине они были далеки друг от друга, как жители разных планет.

Другие два главных заговорщика, Пуришкевич и Феликс Юсупов, охотно рассказывали о своем участии в убийстве Распутина и написали об этом книги. Дмитрий Павлович был этим возмущен и сам в течение всей жизни никому, даже сестре, словом не обмолвился о том, что произошло в ту ночь во дворце Юсупова на набережной Мойки в Петрограде. Он сожалел о своем участии, и его молчание вызывает известное уважение. Он не хвастался своей причастностью, несмотря на всеобщее торжество по случаю убийства, но и не пытался оправдать его на том основании, что не участвовал непосредственно в акте убийства.

В тридцатые годы великий князь Дмитрий Павлович, внук Александра II, некоторое время был виноторговцем в США, но дела шли не особенно хорошо. К концу десятилетия он серьезно заболел туберкулезом: слабые легкие, давшие о себе знать еще тридцать лет тому назад, стали причиной его смерти. Он поехал в Швейцарию, где были хорошие санатории, и умер в 1942 году в Давосе, по некоторым сведениям, не от туберкулеза, пошедшего на поправку, а от уремии. Ему к тому времени исполнилось пятьдесят лет.

Сын Дмитрия Павловича и Одри Эмери, Павел Дмитриевич, родившийся в Лондоне в 1928 году, называет себя Пол Р. (Романов) Ильинский, и о нем будет подробнее рассказано в главе «Романовы сегодня».

Константиновичи

Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) был сыном Николая I и один из инициаторов отмены крепостного права. Сам он освободил своих крестьян задолго до решения на государственном уровне. У него было две дочери и четверо сыновей. Поразительно, что вся эта многочисленная некогда ветвь сегодня практически угасла.

Одна из дочерей стала королевой Греции — это бабушка Марии Павловны и Дмитрия Павловича, о которой упоминалось в предыдущих главах; она умерла в Риме в 1926 году. Вторая дочь была замужем за герцогом Вюртембургским и умерла до революции.

Старший сын был великий князь из Ташкента, Николай Константинович, потомки которого погибли или бесследно исчезли во время революции. Второй сын, литератор Константин Константинович, наплодивший так много детей, умер в 1915 году. Третий сын, Дмитрий Константинович, был расстрелян в 1919 году в Петропавловской крепости и детей не оставил. Младший, Вячеслав, умер еще в 1879 году в возрасте шестнадцати лет.

Итак, лишь двое сыновей женились и заимели детей, а о потомках Николая Константиновича мы уже рассказали. Из многочисленных детей поэта один, как мы помним, Олег, погиб на поле боя в начале войны. Трое сыновей были убиты в Алапаевске: Иоанн, Константин и Игорь. После революции в живых оставались вдова поэта, дочери Татьяна и Вера и сыновья Гавриил и Георгий.

Вдове поэта, Елизавете Маврикиевне (урожденной Элизабет фон Саксен-Альтенбург), было во время революции пятьдесят два года. Она жила в Мраморном дворце до самого большевистского переворота в октябре 1917 года, когда она переехала в дом Жеребцова на Дворцовой набережной, неподалеку, а потом получила разрешение покинуть страну. В ноябре 1918 года она морем отправилась в Стокгольм вместе с младшими детьми Георгием и Верой, пятнадцати и двенадцати лет, а кроме того, с двумя внуками, детьми Иоанна Константиновича, Всеволодом и Екатериной.

Елизавета Маврикиевна умерла в марте 1927 года в Альтенбурге, пригороде Лейпцига. Ее сын Георгий был очень высокого роста, но хилый и болезненный. Он умер в 1938 году в Нью-Йорке после операции, в возрасте тридцати пяти лет, не оставив детей. О дочери Вере Константиновне мы расскажем особо в разделе «Романовы сегодня».

Муж дочери Татьяны Константиновны, грузинский князь Константин Багратион-Мухранский, как помним, погиб во время войны. Он похоронен

в огромном соборе в священной столице Грузии Мцхета; надгробный камень можно увидеть и по сей день. Татьяна Константиновна, которой во время революции было тридцать шесть лет, последовала за своим дядей великим князем Дмитрием Константиновичем, поначалу сосланным в Вологду. С ней были дети, Теймураз и Наталья Багратион-Мухранские. С этим грузинским княжеским родом мы вновь встретимся в послевоенной истории Романовых, причем в неожиданной связи.

Когда Дмитрий Константинович был возвращен в Петроград и арестован, Татьяна Константиновна поехала за ним и поселилась в обычной квартире в Петрограде. Осенью 1918 года она уехала из Петрограда в Киев и дальше через Одессу в Румынию, откуда в конечном счете переехала в Швейцарию. Там она оставалась до 1946 года. В 1921 году вышла замуж за полковника Александра Короченцова, который вел дела Дмитрия Константиновича и был подле нее все беспокойные годы и первое время в изгнании. Брак продолжался недолго, ибо в 1922 году, всего через три месяца после свадьбы, он умер от дифтерии.

В 1946 году Татьяна Константиновна приняла монашеский обет под именем сестры Тамары и поселилась в Иерусалиме настоятельницей женского монастыря. Она умерла в Иерусалиме в 1970 году. Ее сын Теймураз живет в США, в прошлом бизнесмен, а ныне председатель Толстовского фонда, который содержит русский дом для престарелых в окрестностях Нью-Йорка. Его сестра Наталья в 1944 году вышла в Лондоне замуж за англичанина, сэра Чарльза Джонсона, и у нее также нет детей.

Иоанн Константинович, убитый в Алапаевске, оставил вдову, Елену Петровну, урожденную сербскую принцессу, и детей Всеволода и Екатерину. Елена Петровна, которой во время революции было тридцать два года, поехала вслед за мужем в ссылку. Через несколько дней после убийства в Алапаевске она отправилась в Петроград, чтобы забрать своих детей у бабушки. По дороге ее арестовали, и до 1919 года она просидела в тюрьме в Перми. Затем ей с большим трудом удалось добраться до Швеции, где ее ждала свекровь и дети. Она увезла детей в Сербию, потом во Францию и, наконец, в Англию, где дети получили образование. Она умерла в 1972 году в Ницце.

После всего, что с ней случилось, Елена Петровна не желала, чтобы ее дети учили русский язык, и Всеволод Иоаннович всю жизнь сокрушался, что он, русский князь, не говорит по-русски. А его появление на свет было поистине русским! Ибо его дядя обожал дразнить своего брата Иоанна за набожность, говоря, что из-за его религиозности ребенок родится с кадилом в руках. В конце концов они заказали крошечное кадило и подговорили акушерку, так что, когда Иоанн после родов вошел посмотреть на сына, младенец действительно держал в руке кадило.

Князь Российский Всеволод Иоаннович, русский князь императорской крови, который всю жизнь сожалел, что не говорит по-русски. На фотографии вместе с леди Мэри Лайгон, впоследствии его первой женой

Всеволод Иоаннович жил в Англии и работал по винодельной части, три раза был женат, но детей не завел. Он умер в Лондоне в 1973 году.

Его сестра Екатерина Иоанновна вышла замуж за итальянского маркиза, дипломата Фараче ди Виллафореста и от него родила детей Николетту, Фиаметту и Ивана (Джованни).

В этом обзоре мы отложили на конец предпоследнего сына поэта, Гавриила, которому во время революции было двадцать девять лет. Он не хватал звезд с неба. Не совершал ратных подвигов и ничем не блеснул в политике. Ничем не досадил ни самому себе, ни фамилии. Хотя он и происходил из «интеллектуальной ветви» дома Романовых, сам талантами не блистал. Зато был добрым и приветливым человеком, о котором никто не сказал ничего дурного. Единственной его особенностью был огромный рост, 197 сантиметров, кроме того, он единственный в современной русской истории родился князем императорской крови, а умер великим князем (в принципе такое же превращение пережил и нынешний претендент Владимир Кириллович, когда в его юные года его отец принял титул императора всея Руси, но Владимир Кириллович родился после падения царизма).

А Гавриил Константинович вполне заслуживает отдельного места в истории благодаря своим мемуарам — непосредственным, очевидно правдивым, достаточно непритязательным, можно сказать наивным и тем самым особенно интересным. Из них можно узнать многое о быте династии Романовых.

КНЯЗЬ ГАВРИИЛ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОМАНОВЫХ

Литературно одаренный отец Гавриила, великий князь Константин Константинович, владел великолепным Мраморным дворцом на берегу Невы, рядом с Зимним дворцом. У брата Константина, великого князя Дмитрия Константиновича, тоже были апартаменты в Мраморном дворце. Дворцы у Константиновичей были роскошные, зато денег мало. В молодости великие князья Константин и Дмитрий хотели учиться в Московском университете, но это не пристало великим князьям. Константин Константинович сначала служил во флоте, но его слабые легкие и в целом хилое здоровье вынудили его покинуть морскую жизнь и перейти в армию, что привело в ярость его отца Константина Николаевича.

В детстве Гавриила на стене утренней столовой висела знаменитая картина шведского художника Седерстрёма «Похоронная процессия Карла XII» (в настоящее время она находится в картинной галерее Гётеборга). История дворца богата событиями и разнообразна. Мраморный

дворец строился по заказу Екатерины Великой для ее фаворита графа Григория Орлова, но строительство закончилось уже после его смерти. Ненадолго Екатерина поселила там своего внука, великого князя Константина Павловича — того самого, который не хотел быть царем, но, после того как он в коридорах стрелял из пушек, а его несчастная жена была вынуждена прятаться в вазу от его артиллерийских игр, Екатерина отобрала у него дворец (впоследствии Константин получил его назад). Какое-то время в нем жил Станислав Понятовский, в нем содержался под стражей польский повстанец, народный герой Костюшко. Во время церемоний в большом зале военному караулу было велено не ходить в ногу, чтобы не обрушились потолки. Колонны в зале не поддерживали потолок, как казалось, а были подвешены с потолка на крюках, что, вероятно, было более надежно. Сегодня в Мраморном дворце расположен Музей Ленина, что в каком-то смысле продолжает традицию артиллерийских маневров Константина Павловича.

Гавриила не должны были звать Гавриилом. Отец хотел крестить его Андреем, но выбор имени для каждого нового члена династии должен был утвердить государь. Александр III рассудил, что одного Андрея достаточно — Андрея Владимировича, поэтому ребенка назвали Гавриилом.

Каждый раз, когда великой княгине приходил срок рожать, великий князь Константин надевал белый китель; в конце концов китель этот порядком изнашивался. Гавриил и его брат Иоанн первыми пострадали от реформы Александра III, согласно которой только дети и внуки царствующего государя могли носить титул великих князей. Гавриил и его многочисленные братья стали «просто» князьями, хотя и «князьями императорской крови». Это задевало их самолюбие всю жизнь. Речь шла не только о том, что великие князья получали ежегодное жалованье в размере 280 000 рублей, что по тем временам составляло 28 000 английских фунтов золотом, между тем как князь императорской крови вынужден был довольствоваться единовременным пособием в миллион рублей и больше не мог рассчитывать получить ни гроша из государственной казны. Нет, вопрос упирался не только в деньги. Титулы, должности, ордена и назначения играли не последнюю роль в повседневной жизни.

Мемуары Гавриила изобилуют подробностями: какая на нем и на других была форма, на какой лошади он выезжал на тот или иной парад, когда он стал корнетом в том или ином полку, какие получил ордена и как был назначен флигель-адъютантом (государя). Кто не умел вести себя подобающим образом, наград не получал.

Отец Гавриила был строг и воспитывал детей в религиозном духе. Дети знали свои молитвы наизусть. Он также уделял большое внимание

Ленинградский филиал Центрального музея Ленина, Мраморный дворец, бывшее жилище великого князя Константина Константиновича в Петербурге, хотя большей частью он жил за городом, в Стрельне. В Мраморном дворце жили зимой, и там хватало места для всей большой семьи и для брата Константина Дмитрия Константиновича

их языку. Все должны были чисто говорить по-русски, не примешивая иностранных слов. В семье Константина Константиновича русский был первым языком для детей. По-русски говорили с отцом, а по-немецки с матерью.

Заходя в комнаты к детям, великий князь Константин целовал их, но не здоровался за руку, кроме тех дней, когда ходили причащаться. Тогда целоваться не полагалось: перед причастием не целуются. В такие дни он здоровался с ними за руку. Пока дети были маленькими, у них было расписание часов, когда они могли утром прийти к отцу. Когда они подросли и приходили сами, случалось, что камердинер не допускал их,

объясняя, что отец погружен в молитву. После молитвы он сам выходил к ним. За утренним кофе он читал газету.

Великий князь Константин с увлечением играл на фортепиано, и раз в неделю к нему приходил педагог Рудольф Кюндингер и давал урок взрослому великому князю, генералу пехоты. Константин был командиром Преображенского полка (почетного полка русской армии), что было традиционной должностью в семействе Романовых, но затем его интересы приобрели менее привычные формы. Он стал генерал-инспектором военных училищ, а также активным членом государственного Комитета трезвости и Комитета по борьбе с неграмотностью, где он вел непрестанную войну против Победоносцева, злого гения Александра III и Николая II, ибо великий князь хотел повсеместно учредить народные школы для простого населения, а Победоносцев был против. Константин был также учредителем и фактическим начальником Высших женских курсов в Петербурге — это в те времена, когда права женщин на высшее образование еще ставились под сомнение. Константин пытался защищать интересы студентов в период, когда те подвергались гонениям, он также много лет был президентом Академии наук и основал в ней отделение изящной словесности; он переписывался с рядом музыкантов, в частности с Чайковским; был председателем Русского музыкального общества. Одновременно он успевал заниматься переводами и собственным творчеством.

Гавриил был крайне удивлен, увидев однажды, как челядь великого князя Андрея Владимировича целует его в плечо. Этот обычай Андрей Владимирович перенял от своего отца, Владимира Александровича. В той семье так было принято. В семье Гавриила ничего подобного не наблюдалось, он даже не знал, отец его или дед отменил этот крепостнический порядок.

Но когда сам Гавриил получил от Николая II Георгиевский крест, он, по его собственным словам, поцеловал государя в плечо в знак благодарности, как во времена Александра II. Принимая во внимание разницу в их росте, это было, должно быть, трогательное зрелище и, пожалуй, более естественное, чем может показаться поначалу.

Дети великого князя Константина Константиновича не разделяли его литературных интересов, за исключением Олега. Олег вел дневник, который семья сохранила после революции. Однако Константин редко разговаривал с детьми о собственной литературной деятельности.

Гавриил присутствовал на коронации Николая II в 1896 году, и его внимание привлекла особая форма для коронации. Чтобы Николай мог стать помазанником божьим, ему следовало помазать миром грудь. Разумеется, не могло идти речи о каком-либо императорском стриптизе

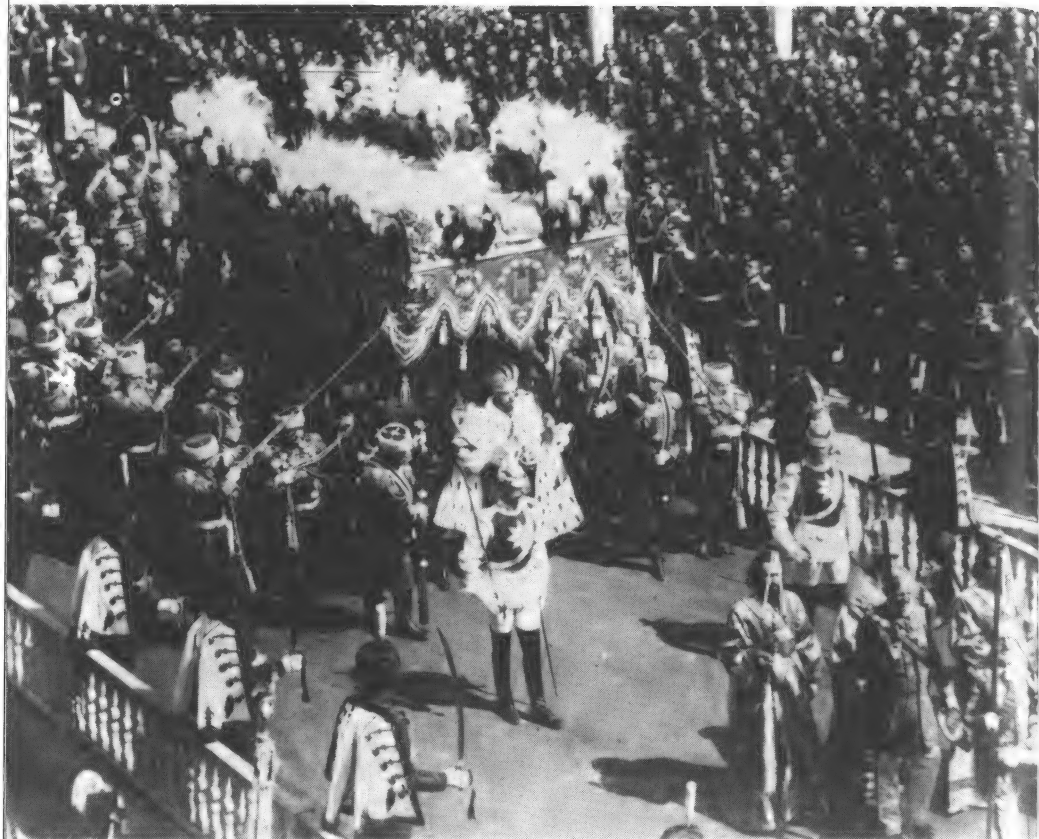
Князь Российский Гавриил Константинович, 197 сантиметров ростом, должен был зваться Андреем

перед алтарем, поэтому на специальной коронационной форме был на груди клапан на крючке. На следующий день форма была выставлена в Оружейной палате, и все великокняжеские дети ходили на нее смотреть. Однако она произвела не столь сильное впечатление, как форма, сохранившаяся от коронации Александра III. Практичный Александр в свое время не пожелал отправить в музей свою форму с клапаном после одного раза; он еще долго носил ее и порядком истер.

Военная жизнь была неизбежной, а для юных князей любимой частью существования. Они знакомились и с бытом солдат, но в то же время участвовали во многом другом, и жизнь их была не столь монотонной, как порой у военных. За исключением представительских обязанностей при дворе их привилегированная военная служба была довольно приятной: свежий воздух вместо затхлых дворцовых покоев, суровая мужская жизнь вместо болтовни в салонах, и никакого риска столкнуться с оборотными сторонами военной службы, вроде сварливого начальства или несправедливых приказов.

Пятьдесят лет спустя Гавриил во всех подробностях рассказывал о парадах, на которых он присутствовал, об униформах и знаменах, лошадях и оружии. В 1897 году с визитом приезжал австрийский император, и в его честь был устроен парад, завершившийся кавалерийской атакой. В одной стороне гигантского Марсова поля в Петербурге выстроились кавалерийские части, принимавшие участие в параде: две дивизии, во всю ширину Марсова поля. Государь и австрийский император вдвоем стояли посреди поля. Государь велел горнисту протрубить сигнал, и по знаку великого князя Николая Николаевича обе дивизии, с самим Николаем Николаевичем во главе, понеслись галопом к двум императорам. Это было внушительное и немного жуткое зрелище. По новому приказу Николая Николаевича лошади остановились всего в нескольких шагах от Николая II и Франца-Иосифа. Русская кавалерия подравнялась, Николай Николаевич скомандовал: «Палаша, шашка, сабля вон, пики в руку, слушай! Господа офицеры!», русская кавалерия обнажила сабли, и офицеры отдали честь австрийскому императору. Тот подъехал к Николаю Николаевичу и пожал ему руку. Можно понять, что и маленькие князья, и австрийский император обожали парады.

Когда Гавриилу было четырнадцать лет, врачи объявили, что ему нужно провести зиму вдали от нездорового петербургского климата. В детстве он подхватил тиф и болел почти целый год, после чего здоровье его так и не поправилось. Большая компания отправилась в Крым: Гавриил, его брат Иоанн, учитель с женой, лакей с прислужником, повар, поваренок и камеристка. В поместье государя Ливадия им был выделен дом, где обычно жил начальник лейб-гвардии.

В 1896 году состоялась последняя коронация русского царя. Николай II идет под роскошным балдахин, в горностаевой мантии и в священной короне Российской империи. Гвардейский офицер с оголенной саблей справа перед государем — Густав Маннергейм, впоследствии маршал Финляндии и ее президент

Учитель Бородин отличался радикальными взглядами, что не могло не отразиться на братьях. Дошло до того, что Иоанн написал в письме сестре Татьяне, что она просто обязана пойти на специальные университетские курсы для женщин. Когда дядя Дмитрий Константинович услышал о столь дерзких взглядах племянника, сей старый кавалерист был глубоко возмущен. Пусть его брат Константин проповедует высшее образование для женского пола, но это не означает, что великие княжны могут предаваться подобным порокам!

Год в Ялте завершился торжественным экзаменом, который принимала целая комиссия, куда входил даже один генерал, а председателем была Анастасия Николаевна, в то время жена герцога Лейхтенберга (одного из «полусоверенов», см. календарь в конце книги); впоследствии она развелась с ним и вышла замуж за Николая Николаевича — того, что несся галопом на двух императоров, а во время войны был верховным главнокомандующим. Позже дядя Гавриила, Дмитрий, не раз предотвращал подобные пышные экзаменационные зрелища.

В 1904 году пришла весть о рождении долгожданного престолонаследника. Здесь уже так много говорилось об интригах и расприх внутри династии, что нелишне будет отметить, как шестнадцатилетний Гавриил чуть не расплакался от счастья, узнав о появлении на свет маленького Алексея Николаевича. Его воспитали верующим христианином и преданным монархистом, готовым умереть за Россию и царя.

Гавриил все принимал по-наивному всерьез. Уже стариком в эмиграции он вспоминал, с какой радостью он получал ордена, назначения и почетные поручения. Иоанн и Гавриил содержались в строгости, им едва позволялось самостоятельно выходить из дома или из полка; их братья воспитывались более самостоятельными и тем самым избежали проблем, с которыми столкнулись Гавриил и Иоанн, когда в конце концов были предоставлены сами себе.

В возрасте девятнадцати лет Гавриил стал офицером и получил — к своему удивлению — целый набор орденов, кроме тех, что выдавались членам династии за многолетнюю государственную службу или за доблесть в бою. Братья приняли участие в церемонии, когда все офицерские школы Петербурга сдавали офицерский экзамен и государь произнес речь, в которой среди прочего призвал новоиспеченных офицеров быть суровыми и справедливыми с подчиненными; когда государь закончил речь, пожелав молодым военным успехов на их новых постах, они ответили громогласным «ура!», по русскому обычаю, сохранившемуся и в Советском Союзе.

После этого знаменательного события в жизни молодых князей Гавриил отвез Иоанна в своем автомобиле к вдовствующей царице; они впервые были в Гатчине и встретили там также молодого великого князя Михаила Александровича, который был временно освобожден от военной службы из-за язвы желудка. Он показал им личные апартаменты своего отца Александра III, и они поразились крошечным размерам комнат и низким потолкам: могучий Александр III любил тесные помещения. Новоиспеченные офицеры представились также своему дяде Николаю Николаевичу, главнокомандующему, который был с ними крайне любезен, произнес пламенную речь, заметил, что Гавриил неправильно застег-

нул ремень, причем поставил его перед зеркалом, чтобы показать, как лучше это проделать, а затем собственноручно ремень застегнул. Мужчины в семействе постоянно следили за поведением и одеждой молодежи. Из рассказа о том, как Гавриил и Иоанн приносили присягу государю, мы узнаем, как молодые Романовы становились взрослыми членами династии. Церемония была назначена на 26 ноября, ибо в этот день приносили присяги их отец и дед: и сам Константин Константинович, и его сыновья придавали подобным деталям огромное значение. Но торжество пришлось отменить из-за плохого самочувствия государыни.

Поэтому присяга приносилась 6 января, в церкви в Царском Селе. День был торжественный с самого раннего утра и до поздней ночи; читая этот рассказ восемьдесят лет спустя, с трудом представляешь себе, насколько серьезно все это воспринимал молодой человек в те времена. Собралась вся родня, государь, государыня, вдовствующая царица и прочие. Командовал парадом великий князь Николай Николаевич, который стоял в двери и был в дурном настроении, ибо в эти дни за ним охотились революционеры, грозя его убить. Подразделения гвардии и военных училищ были выстроены под флагами и знаменами. К церковной службе был подготовлен стол с золоченой чернильницей: на нем двое юных князей подписывали свою присягу. Гавриил сильно нервничал. Сначала братья присягали как члены императорского дома, а потом как офицеры. Когда Гавриил зачитывал присягу, с поднятой правой рукой, держа бумагу в левой, вперед было вынесено знамя его полка. Перед присягой он поклонился государю, а после подошел к нему принять поздравления. Министр иностранных дел Извольский держал бумаги и, конечно, перепутал их, так что молодые офицеры подписали бумаги друг друга, и через несколько дней им прислали домой новые документы на подпись.

После подписания присяги церемония продолжалась под открытым небом, но Гавриил с разрешения государя не принимал в ней участия, поскольку был простужен. Затем государь и все семейство обратились к напиткам и закускам, и государь поздравил Гавриила и Иоанна со званиями флигель-адъютантов: теперь они принадлежали к огромной когорте личных адъютантов государя. Николай Николаевич поздравил их очень коротко. Отец велел им немедленно отправиться к министру двора барону Фридриксу и сообщить о новых постах.

Можно подумать, что большевистский переворот десять лет спустя покончил с подобными ритуалами, но и сегодня в Советском Союзе проводятся такие же церемонии, для простых солдат или для новоиспеченных милиционеров, которые торжественно приносят присягу и, колена преклоненные, целуют знамя.

Когда братья вернулись домой, Иоанн преподнес брату подарок:

эполеты со знаками отличия флигель-адъютанта, которые он заказал заранее, предполагая, что государь одарит их этой милостью. Узнав об этом, их отец был крайне недоволен и отругал Иоанна. Это было задумано как сюрприз. Заранее ничего не полагалось знать. Как мы уже видели, у великого князя Константина Константиновича были свои принципы.

Читая сегодня описание этой сложной церемонии присяги, не говоря уже о предписаниях за подписью министра двора, можно с улыбкой подумать: как они могли принимать все это всерьез? Но это было так, ибо присяги и церемонии составляли существенную часть структуры высшей власти. И мы знаем, как осудили великого князя Кирилла Владимировича, когда он во время Февральской революции нарушил присягу; не говоря уже о том, как много от этих церемоний осталось и по сей день.

У государя было столько личных адъютантов, что службу приходилось нести не чаще одного раза в месяц. Во времена Александра III свита была значительно меньше, и тогда отец и дед Гавриила служили гораздо добросовестнее.

В день службы адъютанта встречала на вокзале придворная тройка, доставлявшая его к одиннадцати часам к воротам номер 4 в Александровском дворце. Служба чаще всего состояла в том, чтобы принимать министров и других посетителей, ожидавших аудиенции. В приемной висели акварели, изображавшие Петра I во время поездки во Францию, а также большой портрет государыни. В углу стояло знамя Его Величества Сводного пехотного полка.

После аудиенций адъютанты обедали с государем. Перед обедом господам по русскому обычаю подавали за маленьким столиком водку и закуски. Гавриил не скоро приучился пить водку, а когда начал пропускать стаканчик (всего один!), государь заметил, что это ему вредно. Гавриил был всегда столь умерен в спиртных напитках, что интендант офицерского клуба его полка выражал недовольство маленькими счетами: князю императорской крови пристало быть щедрее.

Зимой государь охотно ел черноморских устриц, которые почитал больше импортных. Он вообще любил подчеркивать свое предпочтение русского иностранному — в те времена это был долг любого монарха в любой стране. Кофе пили в знаменитом лиловом будуаре государыни, где она всегда с помощью записочки, вложенной в журнал «Новое время», знала, как зовут дежурного адъютанта, чтобы не ошибиться.

По возвращении в комнату адъютантов в обязанности Гавриила входило принять ходоков, ждавших за дворцовыми воротами. Как правило, их было пять-шесть. Он собирал прошения и возвращался в кабинет прочесть послания, занести их в реестр, запечатать и передать камер-

динеру. Затем государь смотрел в реестр, делал пометки и отсылал в походную канцелярию. В пять часов пили чай.

Ужин, как правило, проходил в будуаре государыни. Несчастливая царица большей частью хворала и ела лежа. Гавриил всегда пишет в своих мемуарах «несчастливая государыня». Это примечательно, поскольку к концу первой мировой войны он наверняка столь же осуждал ее роковое влияние на судьбу семьи, как и остальные Романовы. Но ее собственная жуткая участь привела к тому, что отношение к ней изменилось, и не только у Гавриила Константиновича.

За обедом присутствовали и дочери царской четы. В раннем детстве царевич Алексей ужинал в своей комнате, а потом приходил к остальным в столовую. Между его комнатой и будуаром матери был проведен телефон, и, бывало, он звонил ей во время ужина.

Однажды Гавриил нес службу во время Пасхи. Государь обменивался традиционными пасхальными поцелуями с теми подданными, которые были удостоены этой чести, что продолжалось много часов подряд в течение трех дней. Один день был закреплен за офицерами избранных полков, коим позволялось обнять государя, трижды поцеловать его и сказать: «Христос воскрес!»

Рядом стояла государыня, ей целовали руку; после утомительных часов христосования рука у нее опухала. Когда государь всея Руси умывался после этой процедуры, вода становилась черной, хотя в приказах по частям, представители которых являлись на Пасху, писалось, чтобы низшие чины не фабрили усов и бороды.

Изнурительные пасхальные торжества завершились обедом с большим числом гостей, которых будуар государыни не вмещал. Среди гостей была сестра государыни Елизавета Федоровна, а также Мария Павловна и Дмитрий Павлович. После обеда в кабинете государя затеяли игру, которая заключалась в том, чтобы дуть в трубочки и гонять шарики по зеленому полю. Игра сопровождалась криками и шумом, и государь всея Руси принимал в ней самое живое участие.

После таких рассказов начинаешь лучше понимать замечание Марии Павловны, что в России люди были сложными, а жизнь простой, в то время как в Швеции все было наоборот. Иногда Николай II и его семья выступали на фоне всей Российской империи и представляли власть со всеми соответствующими правилами игры; но они вели и другую, частную жизнь. Там они чаще всего вели себя раскованно, без этикета, как при Александре III. Но со временем под влиянием государыни и Николай стал все реже веселиться в кругу семьи.

Гавриил не говорит ни одного дурного слова о своих родственниках, даже о Сергее Александровиче. Со временем он осудил лишь участие

Дмитрия Павловича в убийстве Распутина, потому что «это был не христианский поступок». Судя по всему, к такому же мнению пришел и сам великий князь Дмитрий.

Разумеется, князь Гавриил был в числе гостей на свадьбе Марии Павловны и принца Вильгельма в апреле 1908 года — это было важное событие, вероятно, самая важная придворная свадьба, на которой ему довелось присутствовать. Молодые венчались и по русскому православному, и по протестантскому обряду. Очевидно, Гавриил считал, что шведский обряд совершал архиепископ, но на самом деле это был лундский епископ Готтфрид Биллинг, популярный при шведском дворе. За обедом отец Гавриила сидел рядом с епископом, который «не говорил ни на каком языке».

Как же решилась проблема общения? Для образованного К. Р. никакой проблемы и не было. Он понял, что есть один язык, которым владеет даже шведский епископ, не получивший светского воспитания. Во время обеда господа без каких-либо затруднений беседовали по-латыни.

Сведущий в латыни великий князь надел шведский орден святого Серафима, как и государь. Позже брат Гавриила Иоанн получил выговор от отца за то, что не снял пенсне, разговаривая с шведским королем Густавом V, — это *непременно* полагалось сделать при беседе с королем.

В 1912 году Гавриил приятно провел время на Ривьере. Его любовница ехала вместе с Матильдой Кшесинской, сам же он путешествовал в одном купе с великим князем Андреем Владимировичем. На Ривьере было множество княжеских особ, в том числе и шведский король Густав V, который играл по маленькой в рулетку, сидя на специальной высокой табуретке из-за своих исключительно длинных ног.

Гавриил и Андрей Владимирович посетили сиятельную даму, княгиню Юрьевскую, вдову Александра II. Гавриилу она показалась малосимпатичной старушкой с острым носиком и резким, пронзительным голосом.

Благодаря своему сану Гавриил мог рассчитывать на аудиенцию у папы римского и визит к кайзеру Вильгельму в Берлине. Папа подарил ему свою фотографию. Вильгельм, по словам Гавриила, был плохо и безвкусно одет, в нем не было ничего похожего на спокойное и приветливое достоинство Николая II, и он больше всего напоминал заносчивого фельдфебеля.

Путешествуя по Египту с родителями, Гавриил надевал свою гусарскую форму и наносил визит местным военным — в данном случае английскому драгунскому полку. Разрешение на визит дал лорд Китченер. Гавриилу одолжили английского пони, и он признается, что никогда

в жизни не ездил на столь отлично выученной лошади. Правда, русскому князю пришлось сменить свой гусарский кивер на тропический шлем, чтобы не получить солнечный удар.

Перед войной Гавриил три года учился в университете и сдал «экзамен за лицей», поскольку опасался, что слабое здоровье заставит его уйти с военной службы, и хотел подготовиться к какому-нибудь государственному посту.

29 июля 1914 года князю Гавриилу Константиновичу было приказано в половине четвертого прибыть на молебен в Зимний дворец. Собралась вся фамилия. Николай Николаевич был только что назначен главнокомандующим. В конце молебна государь громко и четко объявил, что Россия вступила в войну. В своей речи он также благословил свои любимые войска из гвардии и Петербургского военного округа. При этих словах Николай Николаевич упал на колени, и весь зал последовал его примеру. Жена Иоанна Константиновича Елена Петровна бросилась к государю, целуя ему руки за участие в судьбе ее родной Сербии.

Когда государь вышел на балкон над Дворцовой площадью, вся собравшаяся толпа тоже упала на колени. Понятно, что Гавриил Константинович не забыл этих трогательных сцен. Он мог бы добавить, что все оказалось впустую, что на руководителях государства лежит тяжелая вина, ибо за этими сценами последовали чудовищные многомиллионные потери человеческих жизней с обеих сторон; кроме того, четыре года спустя три императора были свергнуты, государь и его семья убиты, и уже приближался самый трагический период в истории страны.

Великая княгиня Мария Павловна-старшая подошла к Гавриилу и его двум братьям и благословила их взамен отсутствующих родителей: она думала, что братья отправятся прямо на фронт. На самом деле родители успели вернуться домой и сами благословить детей перед уходом на войну, как в свое время отец Константина Константиновича благословил его в 1877 году на войну с турками. Но в этом прощании 1914 года было что-то новое: родители долго стояли на крыльце и смотрели вслед Гавриилу, пока его автомобиль не скрылся в липовой аллее. Раньше сыновья династии Романовых никогда не уезжали на войну в собственных автомобилях.

Иоанн заказал раннюю службу в дворцовой церкви в Павловске, чтобы братья успели причаститься. Церковь была пуста, пришла только жена Иоанна Елена Петровна, подруга Гавриила Антонина и «одна простая женщина, пока мы причащались, она плакала навзрыд и бормотала молитвы».

Гавриил участвовал в первом наступлении русской армии на германскую территорию и в отступлении на русские земли. Он был в бою и

принимал участие в операциях, где его подразделение попало в окружение и спаслось только чудовищным броском через канавы и болота, где многие его полковые друзья утонули в воде и иле, не говоря уже о лошадях. В конце октября князь Гавриил был отозван домой в Петроград, потому что здоровье его совсем пошатнулось от перенесенных лишений.

В июне 1915 года после долгой болезни умер великий князь Константин Константинович. При нем была его дочь Вера, которой в то время было девять лет.

Даже в смерти Романов не был свободен от всевидящего ока государя. Дядя Дмитрий Константинович послал Гавриила к государю выяснить, надлежит ли хоронить покойника в полной парадной форме или в легком мундире. Государь распорядился: в легком мундире. Великий князь Константин Константинович оставил пожелание похоронить себя в форме 15-го гренадерского полка — по крайней мере, полк ему было позволено выбрать самому. От государя Гавриил поехал к гофмаршалу графу Бенкендорфу спросить, также по поручению дяди, хоронить ли покойника при Георгиевском кресте или без. Бенкендорф ответил, что Георгиевский крест можно не надевать.

Осенью 1916 года Гавриил поступил учиться в Военную академию. За время обучения он получил звание полковника, в возрасте двадцати девяти лет. Продвижение по военной службе шло быстрее во время войны — его отец и дед дослужились до полковника в тридцать два года.

Как многие другие члены династии, Гавриил влюбился в даму, на которой не мог жениться, — простую танцовщицу. Ее звали Антонина Нестеровская, и она была крошечного роста рядом с огромным князем. Они познакомились 19 августа 1911 года на дне рождения Матильды Кшесинской, где давалось представление, пародирующее известных оперных артистов, включая саму Кшесинскую: ее партии танцевал некий барон Гоч. Антонина Нестеровская изображала пародию на знаменитую тогда балерину Катю Гельцер.

Гавриил и Антонина (Нина) Нестеровская долгое время жили вместе, это с ней он ездил на Ривьеру, а военной зимой 1916 года государыня обещала помочь им обвенчаться. Им предстояло символическое наказание: уехать ненадолго, а затем получить прощение.

Но тут произошло убийство Распутина. Россия торжествовала, как и вся династия Романовых. Тем самым отношения с государыней окончательно испортились. Гавриил целиком и полностью поддерживал своего доброго друга Дмитрия Павловича, и свадьба с Антониной не состоялась.

Гавриил присутствовал на собрании 29 декабря 1916 года у Марии Павловны-старшей, когда было написано письмо государю с просьбой простить Дмитрия Павловича и, принимая во внимание его слабое здо-

Николай II и австрийский император Франц-Иосиф во время государственного визита последнего в Петербург в 1897 году. Возможно, они возвращаются с парада на Марсовом поле

ровье, не посылать его на персидский фронт (как помним, попав туда, он остался в живых). Под письмом стояло шестнадцать подписей, почти всех Романовых, находившихся в Петрограде. Первой подписалась Ольга, королева Греции, королевское звание обязывало ее возглавить список; дальше подписи располагались в порядке престолонаследия: Мария Павловна-старшая, Кирилл Владимирович, его жена Виктория и братья Борис и Андрей, отец Дмитрия Павел и сестра Мария Павловна-младшая, мать Гавриила Елизавета Маврикиевна и его брат и невестка, Иоанн и Елена, сам Гавриил и его братья Константин и Игорь, Николай Михайлович и Сергей Михайлович.

Через два дня от государя пришел короткий ответ: «Никто не имеет право на убийство, я знаю, что у многих из вас нечиста совесть, поскольку

в деле замешан не только Дмитрий Павлович. Удивлен, что вы обращаетесь ко мне. Николай». И письмо родни, и ответ Николая стали медленно известны всему Петрограду.

Потом наступила Февральская революция, и все это уже не имело значения для матримониальных планов Гавриила. Он был в Петрограде во время революции. 26 февраля (11 марта по новому стилю) его возлюбленная Антонина позвонила в Военную академию и попросила его приехать домой пораньше, потому что на улице царили беспорядки. И она и шофер умоляли его снять княжеские знаки с автомобиля, дабы не привлекать внимания толпы, но князь Гавриил не послушался.

Не прошло и нескольких дней, как министр обороны Временного правительства Гучков реквизиовал автомобиль Гавриила, чтобы поехать в Псков и заставить государя отречься; но дороги оказались в столь плачевном состоянии, что ему пришлось вернуться и ехать поездом. Когда Гавриил получил обратно автомобиль, тот был изгажен и полон вшей.

Гавриил и Антонина поженились 9 апреля, родня отнеслась к этому событию со смешанными чувствами. Старый кавалерист, дядя Дмитрий Константинович, был недоволен поступком Гавриила, но это уже не имело значения.

Впрочем, и старику Дмитрию Константиновичу пришлось приспособиться к новым веяниям. Поскольку по тем временам нельзя было надеть подобающие его званию офицерские эполеты, он переоделся в штатское платье довольно своеобразного образца. Старый генерал-лейтенант не желал носить обычный костюм, коих терпеть не мог, и поэтому сам соорудил себе наряд, похожий на униформу шофера, по словам Гавриила, строгий и сугубо индивидуальный.

Осенью, после большевистского переворота, Гавриил в ноябре праздновал день своего полка, надев форму полковника, — но все же из благоразумной осторожности не вышел в ней на улицу.

На какое-то время он был помещен в ту же тюрьму, что и прочие великие князья: дядя Дмитрий Константинович, Павел Александрович и братья Николай и Георгий Михайловичи, но его энергичная жена вскоре сумела добиться для больного Гавриила разрешения уехать за границу. Это спасло ему жизнь. В январе 1919 года никто не посмотрел бы на его хвори.

Высокого, морщинистого Гавриила часто можно увидеть на фотографиях из эмигрантских кругов в Париже. Ему приходилось трудно, часто он жил в бедности. Зарабатывал он, в частности, устраивая партии в бридж, а его жена шила. Бедным, неприкаянным эмигрантом Гавриил пережил то, что было ему недоступно в царские времена: он наконец стал великим князем. Двадцатидвухлетний претендент Владимир, новый

глава династии, рассудил, что, когда в живых осталось всего пятеро великих князей, едва ли существует риск, что титул потеряет вес. Гавриил получил все великокняжеские почести и прожил великим князем шестнадцать лет. Судя по всему, это доставило ему большое удовлетворение. Он вырос в мире, где титулы имели решающее значение. А что он уже двадцать лет как жил в совершенно ином мире, роли не играло.

Его жена умерла в 1950 году. Год спустя он женился вторично, на дочери русского князя в изгнании Ирине Куракиной. Великий князь Гавриил Константинович скончался 28 февраля 1955 года. Он не оставил наследников.

Николаевичи

Из четверых сыновей Николая I только у великого князя Николая Николаевича не было множества детей.

Среди его братьев Александр II произвел на свет восьмерых со своей несчастной женой, прежде чем врачи запретили ей рожать. У Константина Николаевича было в браке шестеро детей, а у Михаила Николаевича семеро.

Но у великого князя Николая Николаевича-старшего было всего два законных сына: Николай, родившийся в 1856 году, и Петр, 1865 года рождения. Вдвоем они составляют ветвь Николаевичей (зато вне брака их отец неплохо позаботился о продолжении рода в Российской империи).

НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ ВОЯКА — ПОЛНЫЙ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Великому князю Николаю Николаевичу-младшему было, таким образом, во время революции шестьдесят лет. Мы уже не раз сталкивались с ним в ходе нашего повествования, то как с генерал-инспектором кавалерии, ведущим две кавалерийские дивизии в атаку на Марсовом поле, то как с верховным главнокомандующим во время первой мировой войны.

Поначалу ставку на него сделал еще Александр III, и не без причины. Сделавшись государем, Александр III избавился от советников и ровесников отца, невзирая на великокняжеские титулы, и посадил на их место людей своего поколения, которым доверял. Многие из этих назначений имели катастрофические последствия, например, когда он сделал своего брата Алексея Александровича генерал-адмиралом; как мы помним, за это по сей день расплачивается советский флот. С другой сто-

роны, брата Александра III Владимира никак нельзя назвать некомпетентным. В следующем поколении, моложе себя, Александр обнаружил долгового и статного двоюродного брата Николая Николаевича. Александр III дал ему основательный разбег. Когда Николай II сменил отца на престоле, ошибкой с его стороны было то, что он, в отличие от отца, не избавился от прежнего поколения советников и не раздал ответственные посты родственникам одного с ним поколения. В его поколении оказалось множество праздных Романовых с высокими, но лишь номинальными должностями, на которых нечего было делать. Сама идея династии заключалась в том, чтобы поддерживать государя.

Великого князя Николая Николаевича-младшего все — и современники, и позднейшие военные историки — изображают как компетентного военачальника. У него была роскошная внешность, как у русского воина из народных сказок. Поэтому его легко оценить неверно.

Да, он был строг и суров с подчиненными, от рядовых до генералов. Да, он мог одним залпом выпить бутылку шампанского из горлышка, да, его голос разносился по всему Марсову полю. Да, он был лояльным офицером, который никогда не стал бы участвовать в заговоре против своего сюзерена, а лишь дал ему откровенный ответ на вопрос, как поступить в марте 1917 года. Таким откровенным ответом было: «Отречься!»

Для самого Николая Николаевича, а также для государя и государства было бы лучше, если бы он участвовал в заговоре. Многие хотели видеть его во главе государственного переворота: диктатором или даже царем Николаем III. В таком случае у царской империи оказалось бы больше шансов выжить, возможно, в форме конституционной монархии. Но, поскольку в заговоре он не участвовал, было бы разумнее не советовать государю отречься, а сменить его на посту главы государства. Но и этого Николай Николаевич не смог.

Ибо внешность высоких военачальников часто обманчива: это не люди из стали и железа, как на старых военных агитационных плакатах, но и не кровожадные чудовища, какими их представляют радикальные противники. Это люди из плоти и крови, которые во время войны призваны играть невозможную роль. Николай Николаевич был нетерпелив, имел склонность к тому, что среди посвященных называлось «ольденбургской истерией», полученной в наследство от матери. Его мучила мысль о необходимости посылать на смерть десятки тысяч солдат, а именно это было основным занятием русских генералов во время всех войн.

Великий князь Николай Николаевич, рослый и видный за версту — когда он стоял спиной к стене в императорском манеже в Петербурге, плюмаж его каски достигал зрительской трибуны, — мог до смерти напу-

Великий полководец Николай Николаевич в костюме на знаменитом маскараде в Зимнем дворце 11 февраля 1903 года. В семье Николая Николаевича называли Николаша, а Николая II — Никки

гать любого младшего офицера. При желании он легко придавал себе ужасающий вид, а подобное желание появлялось у него нередко. Но он был полон внутренних противоречий.

Он был генерал-инспектором русской кавалерии, вероятно, самой многочисленной в мире, он сам был, по всеобщему признанию, неплохим наездником, но не любил лошадей. Он был горячим русским патриотом и монархистом и при этом преобразовал русскую кавалерию по примеру американской с ее опытом гражданской войны. Во время революции 1905 года он был на грани нервного срыва, грозил всем и каждому, в том числе государю, что застрелится (держа при этом револьвер в руке), если государь не пойдет на уступки. Позже он без тени сомнения перекинулся от этой левой точки зрения к крайне правым взглядам. Он был настоящим опытным воякой и любил простую походную жизнь, а его излюбленным досугом были прогулки на свежем воздухе и охота, но в то же время он был гурманом и держал у себя во дворце отличных поваров; не говоря уже о том, что он собирал китайский фарфор и постепенно обзавелся изысканнейшей коллекцией. Он желал бы быть только военным и не вмешиваться в политику (на беду своей родне, в 1917 году он так и поступил), но во время беспорядков он приказал своим племянникам Иоанну и Олегу оставить свои полки и служить в его собственном штабе, ибо полки должны были участвовать в разгоне демонстрантов, а членам династии не пристало участвовать в таких действиях: мало у какого «простого солдата» найдется столько политического чутья.

К началу войны, когда государь 12 июля 1914 года был растерян и подавлен неизбежностью грядущего, новоиспеченный генералиссимус Николай Николаевич пребывал в отличном настроении; можно вспомнить рассказ Черчилля о том, что после объявления войны в 1939 году он наконец-то стал спокойно спать. Оба — и Николай Николаевич, и Черчилль — были раздвоенными и противоречивыми личностями, которые наконец-то получили выход для своей энергии и жажды деятельности. К началу первой мировой войны все европейские княжеские особы, способные передвигаться на своих двоих, были почетными полковниками своих и иностранных полков — такова была дипломатическая практика, доходившая до нелепости (посмотрите, например, на снимки шведской королевы Виктории в форме штеттинских стрелков и полковничьих эполетах или последней русской царицы в полковничьей

Николай II и главнокомандующий Николай Николаевич в Ставке. Глядя на эту фотографию, понимаешь, почему царица хотела, чтобы царь сам взял на себя верховное командование и отправил Николая Николаевича на Кавказ

форме, верхом в дамском седле!). В связи с этим враждебно настроенный к Германии Николай Николаевич в начале войны с радостью дал приказ денщику сжечь свою форму прусского гусара. Уинстону Черчиллю подобного удовольствия не перепало.

Простой закаленный вояка (хотя и получивший самое лучшее военное образование по тому времени) должен был бы в молодые годы жениться на простой и здоровой девушке, русской богатырке, которая родила бы русскому воину могучих сыновей и красивых дочерей.

Но нет, даже в браке Николай Николаевич был противоречив. Его брат Петр, судя по всем источникам спокойным и гармоничный человек, но застенчивый, робкий и художественно одаренный, был много лет женат на Милице, одной из многочисленных дочерей черногорского короля Николаса. Сестра Милицы Анастасия Николаевна (полная тезка младшей дочери Николая II) была замужем за Георгием Максимилиановичем Романовским, шестым герцогом Лейхтенбергским, одним из «полусоверенов» в конце русского придворного календаря. Он был старше ее на шестнадцать лет, у них было двое детей. В возрасте тридцати восьми лет Анастасия развелась с герцогом и вышла замуж за Николая Николаевича. Ему было тогда пятьдесят один, поистине не тот возраст, когда существуют опасения безрассудно расстаться с холостяцкой жизнью. К этому времени брачные отношения семейства Романовых начали сильно напоминать (а то и превосходить) ситуацию в артистических кругах Москвы и Петербурга. С нашей стороны было бы глупостью и ханжеством осудить это.

Николай Николаевич ранее сожительствовал с простой русской женщиной, С. И. Бурениной, бывшей женой купца и дочерью мелкого лавочника, матерью двоих детей. В 1887 году Николай Николаевич пытался на ней жениться, и любивший его Александр III чуть не дал разрешение на брак. Отец Николая Николаевича, великий князь Николай Николаевич-старший, который открыто жил с балериной Екатериной Числовой, якобы сказал сыну: «Я бы сам так поступил, если бы не твоя мать». Разрешения на брак Александр III все-таки не дал, но Николай Николаевич-младший продолжал жить со своей любовницей. Порвав с нею, он много лет жил с актрисой Александринского театра Марией Потоцкой.

Когда государь и Русская церковь, главой которой он был, должны были определить свое отношение к тому, что дядя Николай (строго говоря, двоюродный дядя, кузен отца) распрощался с холостяцкой жизнью и связал свою судьбу с разведенной женщиной, к тому же дочерью короля Черногории, страны, лежащей в сфере политических интересов России, Русская церковь после долгих сомнений пришла к единственно-

му выводу, что негоже двум братьям быть женатыми на двух сестрах. Но и это можно было уладить, главное, чтобы они поженились тихо и без особой помпы, вдали от столицы; парочка, конечно, охотно согласилась на такие условия. Они обвенчались в Ялте весной 1907 года.

Здесь уместно будет рассказать о жене и о свояченице, а одновременно невестке Николая Николаевича. Сестры Анастасия и Милица Черногорские, замужем за братьями Николаем и Петром Николаевичами, принцессы и великие княгини, которым во время революции было сорок девять и пятьдесят, были в роду Романовых залетными птицами. Все остальные невесты происходили из западноевропейских княжеских домов и имели более или менее одинаковое культурное наследие, почти все были немки.

Анастасия (или Стана) и Милица были темнокожими балканками. Они были исключительно начитанны и очень талантливы, как считала родня, образование они получили в пансионе для русских благородных девиц, Смольном институте — здании, которое, как известно, было в 1917 году реквизовано большевиками и превращено в их штаб-квартиру, откуда они руководили октябрьским переворотом и управляли первыми днями Советского государства.

Черногорок не любили, но они были полны благих намерений. Родня почтительно называла их Сциллой и Харибдой. Многие помнят их за то, что они постоянно просили за Сербию и хотели, чтобы Россия еще больше принимала участие в расовых и религиозных распрях на территории нынешней Югославии; их помнят за их спиритические увлечения и прежде всего за то, что они интересовались не только вызыванием духов, но и всевозможными целителями и знахарями. Это они представили ко двору Распутина.

Распутин, по свидетельству потомков, сестры воспринимали по-разному. Великая княгиня Стана больше всего интересовалась его сверхъестественной силой. Ее сестре Милице это было чуждо, но она уважала его за прямоту; она питала слабость к «простому, неиспорченному народу» и видела в Распутине представителя одного.

Какое-то время сестры-черногорки сблизились с государыней и тогда познакомили ее с Распутиным. Вскоре они поссорились и с ним, и с царицей.

Интерес к спиритизму, столоверчению и прочему разделяли все члены династии Романовых. Примечательно, что только принципиальным Константиновичам это было чуждо. По всей Европе те десятилетия были пронизаны духом оккультизма и спиритизма. Кирилл Владимирович и государыня проявляли одинаковое любопытство, го-

Великая княгиня Анастасия Николаевна, черногорка, начитанная, умная, но недолюбливаемая в семье

ворят, что даже государь присутствовал на одном сеансе. В природе вещей заложено, что любознательные люди редко становятся адептами; речь идет именно о любопытстве, оккультизм не более чем предохранительный клапан, со временем интерес проходит, а если бы за ним стояло серьезное отношение, интерес бы вовсе не возник.

Великий князь Николай Николаевич был популярным главнокомандующим, настолько эффективным, насколько мог им быть русский главнокомандующий в 1914 году. Он в сравнение не идет с генералиссимусом Сталиным, который привел страну к катастрофе в 1941 году.

Экономически отсталая царская Россия проводила мобилизацию значительно медленнее, чем Германия, Австрия, Англия или Франция, и в начале войны солдаты самым безобразным манером посылались на фронт без оружия. На Западе дисциплинированные и хорошо организованные германские войска угрожали прорвать французскую оборону. Франция и Англия призывали свою союзницу Россию ускорить военные действия на Восточном фронте, и государь из солидарности с союзниками согласился; наступление получило название «русского кат-

ка» и стоило множества русских жизней (которые никогда не принимались всерьез ни реакционными русскими правителями, ни реакционными или прогрессивными кругами на Западе), но Германия была вынуждена перебросить войска с Западного фронта, чтобы остановить русское наступление, и Париж был спасен. Так, по крайней мере, представляют картину русские источники, что вполне достоверно.

Летом 1915 года русская армия терпела крупные поражения, и в августе Николай II сам принял верховное командование. Николай Николаевич с горечью отправился на Кавказ, где получил должность наместника. Год спустя в Грузии местные политики, занимавшиеся, как многие в то время, заговорами, спросили его, могут ли они на него рассчитывать. Верный своему государю вояка отказался — но не сообщил государю о происходящем.

Во время Февральской революции Николай Николаевич выразил поддержку новому порядку. Этим он отличался от прочей родни, пришедшей в ужас, поняв, до чего их довел глава рода со своей супругой. Следует отметить, что большая часть фамилии, невзирая на опасность, чересчур долго задержалась в России, ибо считалось, что массовый отъезд Романовых повредит арестованной царской семье. В качестве одной из последних мер перед отречением государь вновь назначил шестидесятилетнего Николая Николаевича главнокомандующим. Николай Николаевич принял это как должное и не без труда приехал через охваченную революцией Россию в Петроград. К его приезду Временное правительство уже успело прийти к выводу, что Романов не может быть главнокомандующим. Ему пришлось вернуться на Кавказ, а потом в свое имение в Крыму. Там мы уже встречались с ним в компании вдовствующей царицы Марии Федоровны, вместе с которой он навсегда покинул Россию.

МИРНЫЙ БРАТ ВЕЛИКОГО ВОЯКИ

Брат Николая Николаевича, Петр Николаевич, муж Милицы Николаевны, которому к моменту революции было пятьдесят два года, страдал туберкулезом и подолгу жил в южных странах, в частности полтора года в Египте. У него были художественные интересы, и поэтому он служил в инженерных войсках. Он занимался живописью и архитектурой. Благодаря увлечению великого князя Петра сегодня в мире сохранилось так много Романовых: если бы он не интересовался фортификацией, едва ли

Брат полководца, великий князь Петр Николаевич — молчаливый любитель архитектуры

его имение Дутьбер было бы построено в виде крепости, и матрос Задорожный не смог бы оборонять его против кровожадных революционеров, которые хотели расстрелять Романовых на месте.

По характеру Петр Николаевич был замкнут, даже застенчив, и молчалив. Разговаривать он предоставлял супруге. Во время войны он был возле брата, в виде моральной поддержки, и в этом качестве принес немало пользы, был своего рода «громоотводом». Александр Солженицын в своей грандиозной эпопее о первой мировой войне так точно описывает двух великокняжеских братьев, что их потомки говорят о фотোগрафической достоверности.

ВОЯКА В ИЗГНАНИИ

Великий князь Николай Николаевич покинул Россию в 1919 году стариком. Сначала он поселился в Италии, переехал в Антиб на юге Франции, а также жил в Шуаньи под Парижем. Многие русские эмигранты ожидали, что он возьмет на себя центральную роль в изгнании, но этого не произошло, или произошло не в той мере, в какой они надеялись. Однако он в резких (а порой и непечатных) выражениях отверг притязания Кирилла Владимировича на право называться главой династии и претендентом на престол. Николай Николаевич собрал вокруг себя остатки белой армии, проигравшей гражданскую войну, — наиболее реакционную часть белогвардейцев. Многие из тех, кто сражался против большевиков, были вовсе не реакционерами, а носителями либеральных идей — об этом часто забывают. Эта существенная часть русской эмиграции *не примкнула* к Николаю Николаевичу.

Мария Павловна однажды навестила его в Шуаньи и нашла, что он остается идеальным представителем старого поколения Романовых в их отношении к молодым родственникам: высокомерным и заботливым, надменным и убежденным в том, что молодежь не может сказать ничего достойного внимания.

Николай Николаевич умер в 1929 году в Антибе. Его жена, Стана Черногорская, пережила его почти на семь лет. Петр Николаевич умер в 1931 году там же, в Антибе. Милица Черногорская дожила до 1951 года и умерла в Александрии, в Египте. У Николая Николаевича детей не было. У Петра Николаевича и Милицы Николаевны было две дочери и сын. Старшая дочь, Марина, 1892 года рождения, в возрасте тридцати пяти лет вышла замуж в эмиграции за русского князя и умерла бездетной в 1981 году. Младшая дочь, Надежда Петровна, 1898 года рождения, была поначалу помолвлена с сыном поэта Константина, Олегом, который погиб в

начале войны. Позже она вышла замуж за некоего князя Орлова и родила ему двух дочерей, Ксению и Ирину. Надежда Петровна и князь Орлов разошлись в начале сороковых годов. Когда Надежда Петровна весной 1988 года умерла в возрасте девяноста лет, она была самой старшей в семье Романовых; ей исполнилось девятнадцать лет как раз в тот день, когда Николай II отрекся от престола.

Сын Петра Николаевича князь Роман Петрович служил, как и его отец, в инженерных войсках и, как и отец, отличался болезненностью. Это не помешало ему дожить до восьмидесяти четырех лет, возраст для Романова почтенный — как правило, те из них, кто пережил отрочество, не достигали преклонных лет, но и не умирали безвременно.

У Романа Петровича, в свою очередь, появились сыновья Николай и Дмитрий, личности весьма примечательные, которым посвящена каждому своя глава в разделе «Романовы сегодня». Здесь можно лишь упомянуть, что у Дмитрия Романовича Романова детей нет, а у Николая Романовича Романова три прелестные дочери, но нет сыновей. На Николае и Дмитрие Романовичах тем самым обрывается мужская линия ветви Николаевичей.

Михайловичи

У младшего сына Николая I, великого князя Михаила Николаевича, была дочь и шестеро сыновей.

Дочь, Анастасия Михайловна, которой во время революции было пятьдесят шесть лет, была вдовой великого герцога Мекленбург-Шверинского. Она жила на Ривьере, где и окончила свои дни в 1922 году. У нее было трое детей; старшая дочь Александрина стала королевой Дании, супругой короля Христиана X.

Из шестерых сыновей Михаила Николаевича младший, Алексей Михайлович, умер бездетным в 1895 году, в возрасте всего двадцати лет.

Старший сын, историк Николай Михайлович, как мы помним, был расстрелян в 1919 году в Петропавловской крепости и детей не оставил; одновременно был убит и третий сын, Георгий Михайлович. Он был женат на греческой принцессе. Мы уже рассказывали, что к началу первой мировой войны эта пара находилась на грани развода. В 1922 году Мария Георгиевна вышла замуж за греческого офицера, Перикла Иоаннидеса. Она умерла в Афинах в 1940 году. Ее две дочери с Георгием Михайловичем, Нина и Ксения, жили в США и умерли первая в 1974-м, вторая — в 1965 году. Нина Георгиевна была замужем за грузинским князем Павлом Чавчавадзе, их сын Давид Чавчавадзе в прошлом капитан

армии США и работал в ЦРУ. Он говорит по-русски. Давид Чавчавадзе был трижды женат, у него три дочери и сын.

Ксения Георгиевна была замужем дважды и родила дочь.

Второму сыну Михаила Николаевича, великому князю Михаилу Михайловичу, было во время революции пятьдесят пять лет. В юности он весело развлекался в гвардейском стрелковом полку. Он имел приятную внешность и пользовался успехом в обществе. На свою беду, он был твердо настроен жениться. Стоило ему при достижении двадцатилетнего возраста получить право распоряжаться своим имуществом, он тут же начал строить роскошный дворец. «Нам же надо где-то жить», — сказал он архитектору, имея в виду под словом «нам» себя самого и свою еще не существующую супругу.

В погоне за девушкой своих грез он неоднократно пытался жениться против воли родителей. Наконец он-таки женился в 1891 году в Сан-Ремо на морганатической дочери герцога Нассау. Тем самым он первым из великих князей был отправлен в изгнание из-за неравного брака и не смог воспользоваться дворцом, который построил для себя и молодой невесты. Впоследствии она получила титул графини Торби, и их дети Анастасия, Надежда и Михаил также получили титулы.

Великий князь Михаил Михайлович поселился в Англии, а также подолгу жил на Ривьере, где был старейшиной Русской церкви в Каннах и собственноручно собирал пожертвования с прихожан. В 1909 году он получил высочайшее прощение и в возрасте сорока восьми лет вновь был произведен во флигель-адъютанты, однако продолжал жить за границей. В связи с юбилеем Бородинской битвы он стал почетным полковником 49-го Брестского полка, чему был искренне рад. Он умер в 1929 году в Лондоне. Дети его были, скорее, англичанами, чем русскими. Сын умер бездетным в 1959 году. Анастасия Михайловна вышла замуж за английского майора и умерла в 1977 году; Надежда Михайловна вышла замуж за некоего лорда Джорджа Маунтбаттена и умерла в 1963 году. У обеих дочерей остались дети.

Пятый сын Михаила, близкий друг Матильды Кшесинской Сергей Михайлович, был в числе жертв Алапаевска. Он не оставил детей.

ОТЕЦ РУССКОГО ВОЕННО-ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

Четвертый сын Михаила Николаевича, Александр, родился в 1866 году в Тифлисе, где отец был наместником и жил во дворце, который до сих пор сохранился в центре города. Александр Михайлович, которого в семье называли Сандро, двадцати четырех часов от роду был произведен

Великий князь Михаил Николаевич, младший сын Николая I. От него ведут происхождение почти все сегодняшние Романовы

в полковники 73-го пехотного Крымского полка, в офицеры его императорского величества личного 4-го стрелкового батальона, в офицеры гвардейских гусар, гвардейской артиллерийской бригады и Кавказской гренадерской дивизии. Но мы помним его отнюдь не за эти качества, а больше всего как самого большого неудачника династии (а конкуренция у него была приличная), как отца русского военно-воздушного флота, друга детства Николая II — и как отличного рассказчика.

Его мемуары «Once a Grand Duke» («Кто однажды был великим князем») представляют собой увлекательнейшее чтение, но опасный материал для историка. Продолжение «Always a Grand Duke» («Тот всегда будет великим князем») тоже представляет интерес, но именно в первом томе Александр Михайлович выложился до конца. Сочинял он мемуары уже пожилым господином, в шестьдесят лет, и не затруднял себя проверкой фактов. В целом нарисованная им картина, безусловно, правдива, особенно в силу того, что он не скрывает своего субъективного мнения. Это откровенное и незавуалированное повествование, автор которого пытается по возможности быть беспристрастным. Самого себя он приукрашивает, что не так уж редко среди мемуаристов. Вместе с тем он рассказывает о себе немало нелестных подробностей; не говоря уже о том, что нам в точности известно, где он потерял девственность и с кем и что стало с его пассией.

Но разные мелкие факты прошлого он безбожно перевирает. По его словам выходит, будто шведская королева Виктория вышла замуж за собственного сына, да и вообще он путает своих родственников, что ободряет сегодняшнего читателя, которому тоже нелегко держать в памяти всю родню.

Поэтому как источнику мемуарам великого князя Александра доверять не следует. И все же трудно удержаться от ссылок на его опусы. К ним обращались почти все, кто писал об этой эпохе, могло ли быть иначе?

О своей спиритической деятельности он мало рассказывает в мемуарах, поскольку об этом предмете написал отдельные книги. Он считал себя принадлежащим к секте розенкрейцеров (мистически-религиозного направления), а также масоном: последние приносят священный обет молчания и не имеют права рассказывать о своей деятельности, и в те времена масоны действительно держали свои клятвы.

Итак, Александр вырос вдали от холодного Петербурга, его отчим домом был дворец наместника в горбатом Тифлисе, как называл столицу Грузии Мандельштам. Отец муштровал детей, словно они жили в военном интернате: они спали на неперменной жесткой солдатской постели, получали строго регламентированное домашнее образование, перемежаемое артиллерийскими упражнениями с настоящей пушкой, которая стояла во

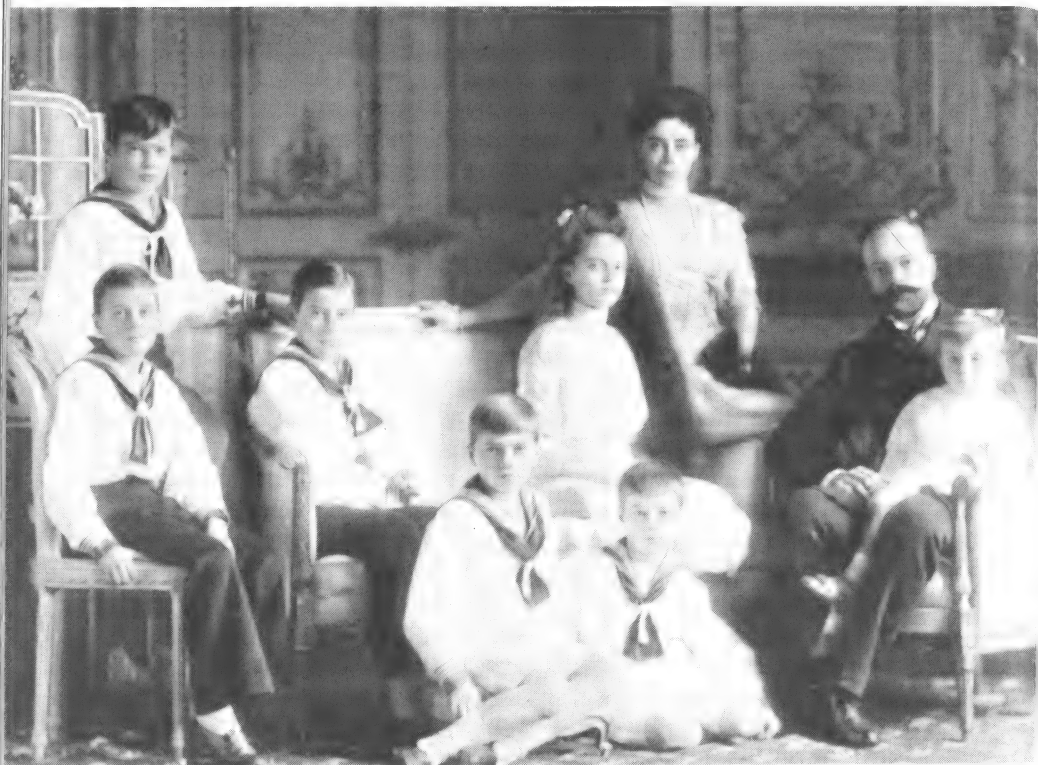
дворе, — отец, великий князь Михаил Николаевич, был генерал-инспектором русской артиллерии. В течение восьми лет сыновья великого князя обучались закону божьему: Ветхому и Новому завету, обрядам, русской и общей церковной истории, а также русской грамматике и русской литературе, всемирной литературе, русской, европейской, американской и азиатской истории, географии, математике, естественной истории, французскому, английскому, немецкому, чистописанию и музыке. Кроме того, мальчиков учили обращаться с личным огнестрельным оружием, ездить верхом, фехтовать шпагой и штыком. Двое старших, Николай и Михаил, также учили латынь и греческий, но трое младших этого избежали.

Детей держали в черном теле, а их мать-немка в юности заразилась педагогическими идеями, предписывающими не показывать детям ни тени нежности или преданности. Еще меньше мальчики знали о том, откуда берутся дети: предполагалось, что доскональное знание артиллерийской науки вполне сочетается с верой в аиста.

Самое счастливое лето в детстве юный Александр провел, когда заболел scarlatinой и не смог поехать со всей семьей в Петербург, а остался один в отцовском поместье Боржоми под Тифлисом. Там все развлекали сына наместника сладостями, игрушками и книгами про индейцев. Два врача, наблюдавшие за больным великим князем, охотно играли с ним в индейцев, и он раз за разом освобождал свою фрейлину от двух воинственных краснокожих. Когда он стал поправляться, ему позволили совершать далекие прогулки по лесам Кавказа; и что самое прекрасное — его учитель уехал со всей семьей в Петербург.

Сидя во Франции и вспоминая свое счастливое лето в Боржоми, старый великий князь невысоко отзывается о той морали, которая прививалась ему и его братьям. «Не наша вина, — заключает он, — что мы в этом возрасте ненавидели евреев, поляков, шведов, немцев, англичан и французов».

Александр Михайлович сумел освободиться от большей части предубеждений, но во многом сохранил великорусские шовинистские убеждения. Его взгляды представляют собой удивительную смесь просвещенной современной культуры и чистосердечной веры в царизм, хотя и не в виде империи Николая II. Современным западным советологам стоит почитать его книги, ибо советские руководители в точности следовали царям в области внешней политики, а из мемуаров Александра Михайловича можно понять ход их рассуждений. Он без стеснения выражает презрение к «нелепым прибалтийским государствам», которые получили независимость после русской революции. Если даже после такого высказывания мы все же не можем думать о нем плохо, это, безусловно, делает честь его обаянию и таланту рассказчика.

Великий князь Александр Михайлович, сын Михаила Николаевича, с женой Ксенией и детьми. На коленях у великого князя сидит его сын Василий, последний мужчина рода Романовых, родившийся до революции

Можно привести один эпизод, дающий представление о мировоззрении той России, где он вырос. Когда однажды братья вошли в классную комнату, учителя столпились у окон. Вместо того чтобы выгнать мальчиков обратно в спальни, учителя поманили их. За окном происходила казнь двух убийц, о злодеяниях которых много говорилось в городе. Когда казнь была окончена и в воздухе повисли две пары ног без ботинок, маленький Александр закричал и отвернулся.

— Великий князь Александр никогда не станет хорошим солдатом, — сказал учитель военного дела.

Маленький Александр еще много дней не мог забыть повешенных грузинских бандитов.

Пока отец был на войне с Турцией в 1877—1878 годах, контроль за молодыми великими князьями немного ослаб, и они вышли на улицы Тифлиса, где увидели своих ровесников не в шелковых рубашках и нарядных башмаках, а в рваной одежде и босиком; мальчишки жаловались, что война забрала у них отцов, а самих их заставила голодать. Молодые князья спросили своих учителей, правда ли это, и в результате прогулки были запрещены.

Позже они задавали совсем другие вопросы и тоже не получали толковых ответов, когда отец объяснил им, что его брат Александр только что вторично женился и у них появилось трое маленьких кузенов.

— Тогда, должно быть, он давно женился на их маме? — спрашивали тифлиские великие князья, кстати уже переехавшие с отцом в Петербург.

Но вместо ответа они получили приглашение на роскошный воскресный обед в Зимнем дворце, где Александр II представил родне свою морганатическую супругу, княгиню Юрьевскую, урожденную Долгорукову. Если верить Александру Михайловичу, Александр II намеревался короновать ее царицей и тем самым дать детям великокняжеские титулы.

Первого марта 1881 года раздался взрыв бомбы; вбежавший слуга доложил, что государь убит, а с ним и отец Александра Михайловича (сопровождавший государя на парад). Мать вместе с мальчиками немедленно ринулась в Зимний дворец в своем экипаже, бросилась вверх по лестнице — ей не нужно было спрашивать дорогу, потому что она бежала по кровавому следу — в кабинет государя, где ее целый и невредимый супруг стоял в дверях и раздавал приказания. Она упала в обморок у него на руках.

Описывая в двадцатые годы сорок пять минут, проведенных в комнате, где Александр II скончался, истекая кровью, в окружении своего семейства, Александр Михайлович добавляет: «Из всех присутствовавших в живых остался один я, остальные умерли, а девять из них тридцать семь лет спустя были убиты большевиками».

Когда Александру Михайловичу пришло время выбрать полк для службы, он удивил отца, сказав, что не хочет ни в какой полк, а хочет во флот. Старый артиллерист пришел в ужас, но Александру III мысль понравилась, и так и было сделано.

Пройдя обучение морского офицера, молодой великий князь отправился в дальнее плавание на боевом корабле «Рында». Ему было немного жаль капитана, который на борту был его начальником, а на берегу был обязан отдавать честь и к тому же не имел права подходить ближе, чем на пять шагов. Куда бы ни приходил корабль, всюду молодого младшего лейтенанта встречали коронованные и некоронованные главы государств, ведь он был как-никак двоюродным братом русского царя! В Сингапуре юный лейтенант с ужасом наблюдал, как девятилетние проститутки сидят на коленях у прокаженных клиентов, а в притонах валяются в опийном дурмане полутолые

Великий князь Александр Михайлович на склоне дней — так должен держаться русский великий князь. В семье его называли Сандро

наркоманы. Для контраста приятели, русские офицеры, повели его в небольшой уютный бордель в Гонконге, который, по его словам, оказался далеко не таким вульгарным, как он ожидал. Он получил строгое воспитание, и товарищей по офицерскому клубу тревожила его невинность. Вот почему великий князь оказался в этом азиатском заведении. «И вот я остался наедине с самой прелестной из всех троих. Она предложила показать мне свою комнату. Последовало неизбежное». Дело было весной 1887 года, и ему только что исполнился двадцать один год.

Он водил девушку по ресторанам и развлекался с ней и вне ее рабочего места; она была родом из Сан-Франциско и рассказала ему свою историю, судя по всему, без излишней сентиментальности. Александр привязался к ней, они стали переписываться, и всякий раз, когда «Рында» заходила в Гонконг, он ехал на рикше в заведение. Когда в 1890 году он приехал в Гонконг после большого перерыва, подруги девушки рассказали ему, что она умерла от туберкулеза.

Она была не единственной его приятельницей в Азии. В Нагасаки корабли русского флота часто подолгу задерживались в порту, и среди офицеров было принято иметь «портовую жену». Александру Михайловичу тоже посчастливилось завести «портовую жену», которая с большим трудом втискивала рослого великого князя — в нем было 188 сантиметров — в кимоно. Зато ей удалось немного научить его японскому языку, простым фразам, с помощью которых он мог вести несложную беседу.

Этим он собирался блеснуть при дворе японского императора, когда его туда пригласят. Ибо его, разумеется, пригласили ко двору, что вызвало переполох в портовом квартале, где он проводил ночи у своей «женушки». Она так разволновалась, что потребовалось пятьдесят метров зеленого и розового шелка, чтобы ее успокоить.

На официальном приеме через переводчика произносились короткие речи. Но, оказавшись на банкете рядом с японской императрицей, долговязый русский великий князь набрался мужества, улыбнулся и заговорил с ней по-японски. Она посмотрела на него с недоумением. Он повторил сказанное. Тогда она улыбнулась широкой улыбкой. Почувствовав поддержку, великий князь начал рассказывать, какое впечатление на него произвели успехи Японии. Императрица перестала есть, издавая странные звуки, кусая губы, дрожа всем телом, и, наконец, зашлась в истерическом хохоте. Японский принц, сидевший рядом и слышавший разговор, со слезами на щеках опустил голову. Вскоре все присутствующие разразились криками и восторженными восклицаниями. Когда шум стих, императрица подала знак

юному принцу, который говорил по-английски. Тот вежливо осведомился, где великий князь научился говорить по-японски.

Александр Михайлович, разумеется, спросил, чем нехорош его японский.

— Нет, что вы, — ответил принц, — наоборот, очень хорош, но это как бы особый японский, не знаю даже, как вам сказать... просто не знаю... Как давно вы живете в Нагасаки? Не случилось ли вам посещать некий квартал? Квартал Инасса? Вот как? Я не знал, что можно научить жаргону Инасса. Передайте вашей даме мои поздравления. Сколько уроков она успела вам дать?

После дальнего плавания великий князь вернулся домой и влюбился, в возрасте двадцати трех лет, ни больше ни меньше как в дочь государя Ксению, которой было тогда четырнадцать; он ей тоже нравился. Он служил в Черноморском и Балтийском флоте и в январе 1893 года обратился к государю с двумя просьбами: назначить его на корабль «Дмитрий Донской», идущий в США, и отдать ему в жены Ксению — ей исполнялось восемнадцать лет. На первую просьбу он получил утвердительный ответ, на вторую же услышал: «Подождем — увидим»; Александр III ничего не имел против такого брака, возражала государыня.

Итак, молодой великий князь Александр Михайлович отправился на корабле в США, и его впечатления на редкость совпадают с рассказами советских путешественников, как официальных туристов, так и эмигрантов: вот страна, по величине равная России, почему Россия не пошла по тому же пути? Почему Россия постоянно вмешивается в дела Европы, это только задерживает ее развитие? Александр Михайлович решил разработать план американизации России — не последний в своем роде. Он не прислушивался к советам своих новых американских друзей, которые, выслушав биржевые новости, приходили в панику и предсказывали полный развал США (от этого он только навсегда выработал иммунитет к катастрофическим биржевым сводкам). Прежде всего, по его мнению, у США следовало перенять полное смешение сословий.

Александр Михайлович вернулся из Америки, и его отец отправился к государю, своему племяннику, поведать о серьезных намерениях сына в отношении Ксении, достигшей брачного возраста. Двое русских бородачей были весьма довольны этим союзом и вынудили государыню уступить. Брату Александра Сергею пришлось проглотить разочарование — он тоже рассчитывал на руку Ксении.

Накануне свадьбы Александра Михайловича пригласили осмотреть приданое, занимавшее целый зал в царском дворце. К своему удивлению, он обнаружил, что приданое состоит не только из многочисленных роскошных платьев Ксении (его описание звучит как инвентарный список обмундирования для целой пехотной бригады), но и запаса одежды

для жениха: по четыре дюжины белья, рубашек и так далее. Такова была традиция. По традиции жениху также полагался серебряный халат и серебряные тапочки.

Молодой жених поинтересовался весом необычного халата и узнал, что тот весит полпуда. Оказалось, что жених в царской семье должен облачиться в этот чудовищный халат и тапочки, входя в брачную ночь в покои к невесте.

Свадьбу между старшей дочерью Александра III Ксенией (правнучкой Николая I) и кузеном ее отца Александром Михайловичем (внуком Николая I) трудно забыть хотя бы потому, что, когда свадебная церемония, приемы и обед закончились и новобрачные в одиннадцать часов вечера наконец смогли переодеться из неудобных свадебных нарядов в более нормальную одежду (в ожидании серебряного халата) и поехали из Петергофа, где проходила свадьба, в Ропшу, где им предстояло провести брачную ночь, — кучер завез карету вместе с лошадьми и новобрачными в глубокую канаву; карета опрокинулась, и все оказались в канаве. Когда царская дочь и зять въехали в ворота дворца в Ропше в другой карете из свадебного кортежа, пальто невесты было заляпано ингерманландской грязью, а у жениха было в грязи и лицо и руки. Генерал Вяземский, встречавший их в воротах, сделал вид, будто это новая традиция в романовских свадебных церемониях.

Несмотря на серебряный халат или благодаря ему, меньше чем через год (но не намного меньше, так что все приличия были соблюдены) родилась дочь Ирина, а затем один за другим шестеро сыновей, которые все получили честные русские имена, словно подобранные для уроков патриотизма (не сразу заметишь, что все они, кроме Ростислава, греческого происхождения): князя Андрей (1897), Федор (1898), Никита (1900), Дмитрий (1901), Ростислав (1902) и Василий (1907).

В начале супружеской жизни Александр Михайлович и Ксения дружили с также недавно обвенчавшейся царской четой. Ксения и Николай всегда были близки друг другу. Александр и Ксения поженились незадолго до смерти Александра III, Николай и Александра были вынуждены из-за траура пожениться без всякой помпы сразу после вступления Николая на престол.

Вскоре возник конфликт между молодым морским офицером, великим князем Александром Михайловичем, и главнокомандующим русским флотом, великим князем Алексеем Александровичем. Молодой офицер хотел провести реформу флота, а генерал-адмирал обиделся. Планы реформы были представлены таким образом, что в семействе разразился настоящий скандал. Но неизвестно, помогли бы реформы тому бедствен-

ному положению, до которого генерал-адмирал довел флот, и хватило бы у Александра Михайловича энергии их осуществить?

Новобрачному офицеру предложили командование боевым кораблем «Царь Николай I», расположенным в китайских водах. Он предпочел временно уйти из флота и провел несколько счастливых лет с женой и первыми детьми.

В начале нового столетия Александр вернулся к службе во флоте. Его попросили стать президентом лесообрабатывающей компании, расположенной между русской границей и рекой Ялу на Дальнем Востоке. Разумеется, именно наличие этой компании привело к началу русско-японской войны. В передаче Александра Михайловича он оказался жертвой, но, к счастью, успел выйти из предприятия еще в 1902 году. Возможно, так оно и было. Но способность все время попадать в переплет его не оставила. Александр Михайлович и его брат историк Николай Михайлович относились к числу наиболее одаренных членов фамилии. Но их одаренность не принесла им удачи.

В 1902 году Александр Михайлович получил звание контр-адмирала и должность министра торгового флота. Его полные энтузиазма проекты и реформы приводили лишь к несчастьям и конфликтам: когда читаешь его рассказы о происходившем, создается впечатление, что идеи у него действительно были блестящие, и отнюдь не в силу его самовосхваления, а скорее несмотря на него; но, очевидно, воспитание в великокняжеской семье не дало ему необходимых навыков для успешной политической деятельности. Видимо, великокняжеское воспитание столь же губительно для будущего государственного деятеля, как «оранжерейное» и прогрессивное. С иллюзиями дело обстоит так же, как с музыкальными данными, только наоборот. Чтобы стать великим музыкантом, нужно начинать в раннем детстве, а чтобы стать выдающимся политиком, нужно как можно раньше лишиться иллюзий.

Начиная с ссоры с дядей Алексеем Александровичем, генерал-адмиралом русского флота, и до Февральской революции Александр Михайлович (если верить его словам) был по отношению к своему шурина Николаю II единственным, кто безуспешно предупреждал благородного, но чересчур доброго и наивного самодержца о тех бедах, которые действительно на него обрушились. Тем самым Александр элегантно демонстрирует либо оправдание несчастного наследника Кассандры, либо великокняжескую мудрость задним числом. Разумнее всего будет принять его рассуждения как наглядный урок истории: так рассуждал Николай II (ибо это, вероятно, соответствует истине), а так он должен был бы рассуждать, ибо я его предупреждал (а если не предупреждал, то должен был бы предупредить). Выводы, к которым приходит Александр Михайлович, не

всегда совпадают с выводами современных историков. Но что из того? Если бы государь последовал советам, которые Александр ему якобы давал, без сомнения, это было бы лучше для государя (и для России).

Рассказ о постоянных дельных советах Николаю II — это собственная субъективная версия Александра Михайловича, созданная более десяти лет спустя после смерти несчастного Николая в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Но какое это имеет значение! Николай все равно не стал бы слушать ничьих советов, разве что тень своего отца.

Не зря Александр Михайлович порой ссылается на Пруста или опирается на умные цитаты из Гете. Он был начитан и знаком с классикой. Лучшие исторические истины заключаются не в таблицах, статистике и химических анализах археологических находок (как бы последние ни были необходимы). Лучшая историческая истина есть истина художественная. Именно таковую последующие поколения получили от прихотливого, импульсивного, безрассудного и потому несравненно правдивого Сандро, великого князя Александра Михайловича; если только последующие поколения поймут одну хитрость: иногда нужно сказать множество маленьких неправд, чтобы высказать одну большую неприятную истину.

Во время русско-японской войны энергия Александра Михайловича нашла выражение в том, что он создал специальный небольшой флот, к неудовольствию великих держав, не участвовавших в войне. Его пророческие способности раз за разом останавливали планы Николая II послать слабый русский Балтийский флот через половину земного шара в японские воды, где все потом полетело в тартарары (это очень мягкое выражение для случившегося). Позволю себе повторить, насколько примечательно, что все эти замечания задним числом все же превращаются под пером Александра Михайловича в занимательное и поучительное чтение. Выводы делают ему честь не как политику, но как писателю.

По окончании русско-японской войны и революции 1905 года Александр Михайлович получил командование торпедной дивизией Балтийского флота. В его отсутствие поднялся мятеж, и он еще раз покинул флот: в печали и отчаянии он бежал из России.

В 1906 году в вилле Эспуар в Биаррице поселилось большое семейство: великокняжеская пара с шестью детьми, три няни, учительницы английского и французского, гувернантка, фрейлина великой княгини, адъютант, пять камеристок и четыре лакея. К ним присоединилась сестра Ксении, Ольга Александровна, счастливая избавиться от мужа-игрока, не заинтересованного в супружеской жизни. Целый год семейство не ездило в Россию. Весной прибыла теща, вдовствующая царица, в собственном железнодорожном вагоне и с колоссальной свитой, и Александр Михайлович еще раз убедился, что теща у него свой парень и с ней можно весело

провести время. Он купил огромный автомобиль, и южная Франция привыкла созерцать великого князя, который разъезжал на машине, битком набитой русскими женщинами и детьми. Все это существенно поправило нервы великого князя. Он вернулся в Россию, и осенью 1907 года родился его младший сын, Василий Александрович. Вскоре после этого Александр Михайлович вновь покинул Россию. На юге Европы его ждали — женщина, с которой он познакомился в Биаррице и которая заставила его забыть свою юношескую любовь Ксению. Предмет новой страсти и великий князь встретились в Риме и вместе отправились в Венецию. Затем он вернулся в Рим забрать семью и отвезти в Биарриц. Один из сыновей, Дмитрий, заболел, и отец с сыном задержались в Риме, в то время как вся семья уехала в Биарриц. Вчерашняя любовница в Венеции стала няней в Риме. Воссоединившись в конце концов с семьей в Биаррице, великий князь совершил ошибку многих супругов и во всем признался своей верной жене.

Она молча и с плачем выслушала, а затем великокняжеская чета обсудила положение и договорилась ничего не менять. Если верить словам Александра Михайловича, и жена и любовница были благороднейшими и умнейшими женщинами, а сам он вел себя как последний идиот. Трогательно и печально.

Что же делает теперь наш морской офицер, последовательно загубивший свою карьеру, а теперь и семейную жизнь?

Если его зовут Александр Михайлович и он русский великий князь, то он начинает заниматься воздухоплаванием. Только что состоялся перелет Блерио через Ла-Манш, и Александр Михайлович понял, что это дело заманчивое; он связался с Блерио, послал отборных русских офицеров учиться у него, а затем импортировал авиацию, вместе с машинами и всем прочим, в Россию. В Севастополе открылась школа авиаторов, где преподавали обученные офицеры.

Рассказ о том, как контр-адмирал Александр Михайлович основал русский военно-воздушный флот, трудно опровергнуть. Это действительно его заслуга. Когда он рассказывает, сколько возражений и насмешек ему пришлось выслушать от военного руководства, можно предположить, что противодействие ему на самом деле было куда сильнее. Здесь Александру Михайловичу, без сомнения, можно верить.

Но посреди работы по основанию военно-воздушного флота он провел несколько счастливых недель со своей любовницей и весной 1910 года предложил ей уехать с ним в Австралию и заняться сельским хозяйством.

Едва ли хоть одна женщина, будучи любовницей русского великого князя, обрадуется перспективе стать фермершей на другом конце земно-

го шара. Умная дама объявила, что не желает встречаться с Александром Михайловичем, если он не продолжит свою благородную работу по организации русской авиации. Надо думать, что оба от этого выиграли.

Русский военно-воздушный флот стал первой удачей Александра Михайловича; можно было лишь пожелать ему больше удач при его практических наклонностях.

Наступила мировая война, и наш пророк Александр Михайлович мрачно наблюдал за простодушным энтузиазмом русского народа. Он знал, какие ужасы грядут впереди. Опять-таки не имеет значения, преувеличивает ли он в мемуарах свою прозорливость: картины будущей войны действительно правдивы. Александр Михайлович получил от Николая Николаевича командование русской военной авиацией. По мере того как фронт продвигался вперед и отступал, ему приходилось неоднократно переносить штаб-квартиру. В 1916 году она располагалась в Киеве. Там же находилась его теща и свояченица Ольга, которая наконец-то вышла замуж за своего кирасира Куликовского; командир русского военно-воздушного флота Александр Михайлович присутствовал на их скромной свадьбе. В Петрограде оставалась его жена Ксения с детьми. Сын Андрей должен был вот-вот сдать экзамен на офицера. Великому князю Александру было бы скучно в Киеве, если бы не дамское общество — такового он, как правило, не был лишен.

Вскоре после нового, 1917 года Александр Михайлович был приглашен на обед к Николаю II и Александре Федоровне. Его версия беседы с царской четой великолепна, подобна оперной сцене с грохотом медных тарелок и трагических литавр. Он пытался объяснить им безнадежность их поведения; государь молча курил, государыня прохладно заметила, что когда-нибудь Александр поймет, насколько ее политика была правильной.

Он вернулся в Киев, куда доходили тревожные вести из Петрограда; наконец утром его разбудила телеграмма с сообщением об отречении государя. «С каких пор монарх отрекается от престола из-за нехватки продуктов и беспорядков в столице?» — восклицает Александр Михайлович в своих мемуарах. «У него в распоряжении была пятнадцатимиллионная армия!» Нет, другой царь бы так не поступил. Вероятно, другого царя не бросили бы на произвол судьбы его генералы. «После суток боев на окраинах Петрограда порядок был бы восстановлен», — продолжает Александр Михайлович. Да, это так, но никто не желал сражаться за Николая II.

На долю Александра Михайловича выпало сообщить вдовствующей царице о том, что ее сын больше не является правящим государем. Он сопровождал ее в Могилев на последнюю встречу с Николаем; именно он

поведал нам об этой двухчасовой встрече, когда мать плакала, а сын молчал, смотрел себе под ноги и курил.

Александр Михайлович также присутствовал при прощании бывшего царя со Ставкой. Там разыгралась гротескная сцена: государь произнес короткую, сдержанную речь, призывая всех бороться за счастье России. Что же ответили ему генералы, офицеры, обслуга? Ответили по привычке громогласным «ура!», как пристало отвечать на обращение государя. Когда читаешь об этом семьдесят лет спустя, вспоминаешь, как уходил в отставку президент Никсон, пятясь в вертолет, с ослепительной улыбкой и подняв пальцы в знак победы — американский президент, ушедший в отставку, чтобы его не сместили. Только что отрекшегося Николая II приветствовали раскатистым «ура!». Поистине мы живем в причудливом мире.

Александр Михайлович вернулся в Киев. Что случилось там и потом, в Крыму, в поместьях Ай-Тодор и Дульбер, уже рассказывалось в главе о вдовствующей царице Марии Федоровне, то есть датчанке Дагмар. В 1919 году большая группа Романовых наконец смогла покинуть Крым и укрыться на Западе. Александр Михайлович еще раньше уехал в Париж, чтобы «повлиять на западные державы». Когда он покидал Севастополь на английском военном корабле «Форсайт», весь город был украшен флагами Англии, Франции, Италии и США; он понял, что 11 декабря по его календарю совпадало с западным рождеством: эти страны теперь были хозяевами порта. Русских флагов не было видно.

В России шла гражданская война. В Париже готовилась мирная конференция. В ней должны были принять участие двадцать семь стран. Россия не участвовала. В Париже Александр Михайлович пытался встретиться с главами союзных государств — государств, которые во время первой мировой войны были союзниками его страны.

Клемансо отказался его принять. От остальных правителей он не добился никакого толка. Из всех западных политиков великий князь Александр отзывается хорошо только об Уинстоне Черчилле.

В глазах победоносных западных демократий Александр Михайлович представлял старого антидемократического союзника, политическую обузу, с которой они больше не хотели иметь дела. Для начала в Париже ему не поверили, что он действительно великий князь Александр, — ибо этого известного деятеля большевики якобы расстреляли еще несколько месяцев назад. Как выяснилось, французская пресса перепутала великих князей Михаила Александровича (брата царя) и Александра Михайловича (зятя царя).

У Александра была квартира на rue Anatole de la Forge, от которой он письмом отказался в начале войны, одновременно умоляя домовла-

дельца сохранить его имущество, в том числе бесценную нумизматическую коллекцию — несколько чемоданов редких монет, извлеченных при археологических раскопках в Турции, которыми Александр Михайлович руководил и которые финансировал.

Домовладелец отрицал, что великий князь от квартиры отказался, и потребовал квартплату с первого января 1915 года. Он отказался отдать имущество великого князя, пока не получит свои 124 580 франков. Обуздав романовский темперамент, великий князь отправился в банк, где его разнообразную дорожную валюту после долгих и сложных расчетов обменяли на франки — ее хватило, чтобы заплатить за квартиру, и еще осталось на поездку в Англию, где он надеялся встретиться с сестрой своей тещи, вдовствующей королевой Александрой, и рассказать о судьбе ее родни.

Однако ему не дали визы. Английский посол лорд Дерби, его старый друг, получил распоряжение из соображений внешней политики отказать в визе русскому великому князю.

Какое-то время Александр Михайлович пытался убедить западные державы вмешаться в гражданскую войну, на что западные державы отвечали вежливо, но уклончиво.

Больше он ничего не мог поделать. Пришлось ему поселиться во Франции, где многочисленные русские эмигранты сидели на чемоданах в ожидании, когда падет власть большевиков и они вернутся домой. Великий князь Александр порой выражается покрепче большевиков насчет своих соотечественников в изгнании; он считал, что они только наслаждались плодами царизма, но ничего не сделали, чтобы защитить его, а, наоборот, взрастили революцию, лишившую их родины. Тут он не вполне справедлив. И разумеется, он не может отказать себе в удовольствии пользоваться формулировками типа: «На плодородной почве Калифорнии все быстро растет, и апельсины, и русские титулы». Его мнение очевидно: самые главные пройдохи русской эмиграции уехали в США. Впрочем, он добавляет, что не все русские эмигранты в США были пройдохами.

Двенадцатью годами ранее он предлагал своей любовнице уехать в Австралию и вместе заняться сельским хозяйством. Теперь он написал задержавшейся в Крыму семье и предложил всем вместе переселиться на острова Фиджи и вести там райское существование. Семья не замедлила ответить, беспокоясь за его психическое здоровье и удивляясь, как он не понимает, что через полгода в России наверняка восстановится старый порядок.

Но этого не произошло, и великому князю Александру и его жене Ксении пришлось продать коллекцию монет и картин, а также все драгоценности, чтобы не умереть с голоду. Некий сказочно богатый бель-

гийский бизнесмен, Альфред Ловенштейн, предложил великому князю две тысячи долларов в неделю на пять лет вперед, если тот согласится подписывать его пригласительные билеты, ибо стремился войти в высшее общество и мечтал, что на его приемы будет приходить аристократия. Когда великий князь отказался, бельгиец нанял молодого французского дворянина за четверть гонорара, предложенного Александру Михайловичу.

Великий князь Александр встречался и с шведским «спичечным королем» Иваром Крюгером, которого считал образованным и приятным господином, особенно рядом с Ловенштейном. Крюгер обратился к Александру Михайловичу с просьбой поприсутствовать на его спиритических сеансах. Кстати, Ловенштейна постигла впоследствии та же судьба, что и Крюгера, хотя так и не выяснилось, покончил он с собой, как разорившийся Крюгер, или был убит.

Интерес Александра Михайловича к спиритизму разгорелся во время мучительного плена в Крыму и вновь возник в Монте-Карло. Он написал книги на эту тему и выступал с лекциями в Швейцарии и в США; по его словам, «в последователях женского пола недостатка не было». Его первое выступление в США происходило в баптистской церкви в Гранд-Рапидс. Великому князю было к тому времени шестьдесят два года, и он немного волновался из-за произношения звуков «v» и «w». Когда его представили публике и он проследовал к трибуне, все еще повторяя про себя «v» и «w», вдруг прозвучало вступление к царскому гимну «Боже, царя храни» и вся публика, восемьсот пятьдесят американцев, поднялась с мест. Великий князь побледнел и читал свое выступление в шоковом состоянии. Затем он выступил еще с шестьюдесятью лекциями: в церквях, университетах и женских клубах — но в контракте специально оговаривал один пункт: чтобы до, после и во время лекции не игрался русский национальный гимн. По его собственным словам, не так уж трудно пережить самоубийство империи, но невыносимо одиннадцать лет спустя вновь услышать ее голос.

Во время своих поездок после революции великий князь попадал в еще более странные ситуации, чем прежде. В три часа ночи ему довелось сидеть в подпольном кабаке в Нью-Йорке с ведущими представителями городского еврейства; в клубе армии и флота он отстаивал советские пятилетние планы. Даже при встрече с Генри Фордом он вдруг заметил, что защищает Советский Союз. Разумеется, он понятия не имел о размере катастрофы, к которой шла его родина. Кстати, на одном из заводов Форда в то время работал германский принц Людвиг-Фердинанд. Не только Романовы пережили изменения в своей судьбе; но Романовым наверняка пришлось хуже всех.

После революции Александр Михайлович встречал многочисленных

«чудом спасшихся Романовых». Он не верил в Анну («Анастасию») Андерссон, но, как и все, жалел ее. В Лос-Анджелесе ему встретилось не менее четырех личностей, называвших себя «Михаилом Александровичем» (то есть его шурином, младшим братом Николая II, который был расстрелян в Перми). Трое обратились к нему через своих адвокатов. Один из них говорил с сильным украинским акцентом, называл великого князя «ваше святейшество» и всплакнул, услышав, что «его мать» уже два года как умерла.

Александр Михайлович и его жена Ксения, которую можно назвать «дважды великой княгиней», поскольку она родилась великой княжной и вышла замуж за великого князя, так и не развелись, но после революции жили врозь. Для начала она поселилась у своей матери Марии Федоровны в Дании, но вернулась в Англию. Великая княгиня Ксения, дочь Александра III и сестра Николая II, получила от английского короля дом на Хэмптон-Корт и прожила там до своей смерти в 1960 году.

Александр Михайлович скончался в 1933 году в городе Рокбрюн на французской Ривьере и недолго наслаждался успехом своих мемуаров: они вышли в свет незадолго до его кончины.

Многочисленные дети великого князя Александра

Напомним, что у Ксении Александровны и Александра Михайловича были дочь и шестеро сыновей. Дочь, Ирина Александровна, была замужем за убийцей Распутина Феликсом Юсуповым. Их дочь, тоже Ирина, в эмиграции вышла замуж за графа Шереметева; он умер, а Ирина Шереметева жива, у нее также есть дочь и внучка.

Шестеро сыновей Александра Михайловича основательно продолжили род Романовых. Все они завели семьи и позаботились о народонаселении Земли.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Князь Андрей Александрович был женат дважды и умер в 1981 году. Его первая жена, Елизавета Фабрициевна, донья Элизабета Сассо-Руффо, погибла во время бомбежки в 1940 году в доме Ксении Александровны на Хэмптон-Корт. У них было трое детей: Ксения, Михаил и Андрей. Андрей Александрович женился вторично на дочери английско-

Семья Александра Михайловича в 1923 году, кроме самого великого князя. На полу сидит князь Василий Александрович. На диване великая княгиня Ксения, князь Ростислав и княгиня Ирина. Стоят князья Федор, Никита, Андрей и Дмитрий

го полковника, по материнской линии финно-шведского происхождения, от нее имел дочь Ольгу.

Михаил Андреевич Романов служил во время войны в английской морской авиации. Он вышел в отставку в Австралии и остался там, женат вторично, но детей не имеет. Он владеет фирмой по самолетному оборудованию.

Андрей Андреевич после войны переехал в США, называет себя Эндрю Романов и является американским гражданином. К нему мы вернемся в разделе «Романовы сегодня». Он женат в третий раз, у него три сына: Алексей, Питер и Андрей.

Ксения Андреевна вышла замуж за английского врача и живет на юге Франции.

Ольга Андреевна Романова, на тридцать лет младше своих сводных братьев, замужем за англичанином, у нее трое детей.

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Князь Федор Александрович женился на морганатической дочери великого князя Павла Александровича Ирине, но разошелся с ней в 1936 году; он отличался слабым здоровьем, в частности у него вырезали одно ребро, но он дожил до 1968 года, почти до семидесяти лет. Он подолгу жил у сестры и ее мужа, Феликса Юсупова. У Федора Александровича есть сын Михаил.

Михаил Федорович Романов одно время работал в кино и рекламе, имел собственную фирму, а сейчас живет в поместье на юге Франции и женат на австрийке; у них есть сын, которого тоже зовут Михаилом и у которого пока нет своих детей.

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ

Князь Никита Александрович женился на Марии Воронцовой-Дашковой, знаменитого русского дворянского рода, и умер в Каннах в 1974 году. Он служил в банках и конторах, а затем преподавал русский язык в частях американской армии в Монтерее, штат Калифорния. У него двое сыновей, Никита и Александр.

С Никитой Никитичем Романовым мы встретимся в разделе «Романовы сегодня». У него есть сын Теодор (Федор).

Александр Никитич Романов живет, как и его брат, в Нью-Йорке, он женат, но детей у него нет. Он работал в рекламе.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Князь Дмитрий Александрович одно время занимался виноделием; он также был секретарем фешенебельного лондонского клуба «Трэвеллерз». В годы второй мировой войны Дмитрий Александрович служил в английском флоте и участвовал в эвакуации английских войск из Дюнкерка. Он был женат сначала на Марине Голенищевой-Кутузовой, но развелся с ней в 1947 году. Их дочь зовут Надежда. Вторично он был женат на англичанке, но детей в этом браке не было. Дмитрий Александрович умер в 1980 году.

Надежда Дмитриевна была замужем дважды, у нее трое детей. Она живет в Британской Колумбии.

РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Князь Ростислав Александрович был женат трижды, первый раз на Александре Голицыной, второй на Элис Бейкер и последний раз на Гедвиге фон Хапиус. Он долгое время жил в США и имел высококвалифицированную

Александр II с дочерью Екатериной от второго, мorganатического брака. Вероятно, фотография сделана незадолго до убийства Александра: дочь родилась в 1878 году

конторскую работу в качестве «certified public accountant»¹. Ростислав Александрович умер в 1978 году во Франции, где он в то время жил. От первых двух браков у него остались сыновья Ростислав и Николай.

Сын Ростислав Ростиславович Романов, в прошлом бизнесмен и банкир в Иллинойсе, был женат один раз и имеет дочь. В настоящее время он живет в Лондоне.

О Николае Ростиславовиче Романове мы не знаем, женат ли он и есть ли у него дети.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Князь Василий Александрович умер в 1989 году, будучи старшим из мужчин династии Романовых и председателем семейственного союза; в детстве он играл с царевичем Алексеем. Перед смертью Василий Александрович жил в Калифорнии. Он был женат на Наталии Галицкой (которая не состояла в родстве с упомянутой выше Александрой), у них есть дочь Марина, которая замужем, имеет четверых детей и живет в

¹ Дипломированного бухгалтера (англ.).

городе Аспен, штат Колорадо. Мы еще вернемся к Василию Александровичу в разделе «Романовы сегодня».

Здесь уместно также отметить, что ветвь, называемая «полусоверенными», которая должна бы последовать за Михайловичами, то есть Лейхтенберги, иссякла. Ее члены пережили революцию и перебрались на Запад, но не оставили потомков по мужской линии. Старший из братьев Лейхтенбергских от его брака с принцессой Терезой Ольденбургской, двое других детей, Сергей Георгиевич и Елена Георгиевна, родились в браке с той самой Анастасией Николаевной, которая была дочерью короля Черногории и после развода вышла замуж за великого князя вояку Николая Николаевича. Елена Георгиевна вышла замуж за польского графа Стефана Тышкевича и в этом браке в 1921 году родила дочь, которая осталась незамужней. Старший из двух сводных братьев женился, но детей не имел и умер в 1942 году на юге Франции. Младший брат умер холостым в 1974 году в Риме.

Последняя в списке членов императорского дома, Евгения Максимилиановна, была племянницей Александра II, женой принца Александра Ольденбургского и матерью того принца Ольденбургского, который пятнадцать лет был женат на младшей дочери Александра III, Ольге Александровне. Евгения Максимилиановна умерла в 1925 году, а ее муж в 1932-м; оба в Биаррице; они пережили своего сына, который скончался в 1924 году в Антибе.

Некоторые замечания

БЫЛИ ЛИ ДРУГИЕ?

Перечисленные на предыдущих страницах уцелевшие после революции Романовы составляют практически всю династию.

Но, разумеется, был ряд других потомков, в том числе и прямых. Так, нельзя забывать тех, кто не принадлежал династии, но все же имел предками царей Павла и Николая I. Речь идет об отпрысках морганатических браков и о внебрачных детях, которые стали основателями новых родов.

Понятие «морганатический брак» и «морганатические дети» не входили в закон Павла о престолонаследии, и все же члены династии порой женились на женщинах, не отвечающих требованиям закона. В рассказе о судьбе Романовых во время и после революции мы упомянули морганатических детей великого князя Павла Александровича и его племянника Михаила Александровича. Хотя их считали членами семьи, они не входили в состав так называемой императорской фамилии, поскольку не имели права на престолонаследие. Не имели такого права и отпрыски двух других морганатических браков, из которых более всего известен брак царя Александра II.

ПРАВНУКИ ЦАРЯ - ОСВОБОДИТЕЛЯ

Александр II, как мы помним, узаконил своих детей от любовницы Екатерины Долгоруковой, женившись на ней. Как утверждают компетент-

Дочь Александра II Екатерина Александровна на концерте в 1920 году; в то время княгиня Оболенская

ные источники, не будь он убит бомбой в марте 1881 года, он намеревался короновать ее царицей, и в таком случае ее дети Георгий, Ольга и Екатерина также получили бы великокняжеские титулы и вошли в русское престолонаследие.

Так же сын Александра, Георгий Александрович, стал всего лишь «князем Юрьевским» и получил должность капитана гвардии в Петербурге. Хотя Александр III был немилостив к мачехе, его сын Николай II с исключительной заботой отнесся к сводным брату и сестрам своего отца, помогал им деньгами и позаботился о том, чтобы они вернулись в Россию. Князь Юрьевский умер в Петербурге в возрасте сорока одного года. Он был женат на некоей графине Зарнекау и имел с ней сына Александра, родившегося в Ницце в 1900 году. Последний, вероятно, пошел в деда по части мужской мощи, поскольку в пятьдесят шесть лет женился на швейцарке Урсуле Беер де Грюнек, и в 1961 году в Сен-Галлен у них родился сын Георгий — правнук Александра II.

Старшая мorganатическая дочь Александра II, Ольга, вышла замуж за графа Георга Меренбергского, который сам был мorganатическим сыном герцога Николауса Нассау. У них было трое детей, из которых сын и дочь дожили до зрелого возраста и продолжили род.

Младшая дочь Александра II и Екатерины Долгоруковой, Екатерина, прожила долгую и сложную жизнь. Сначала она была замужем за князем Барятинским и родила ему двоих сыновей, Андрея и Александра. Князь Барятинский был богатым помещиком и в прошлом имел длительную любовную связь со знаменитой певицей Линой Кавальери. Все считали, что увлечение уже прошло, когда он женился на Екатерине Александровне, но внезапно Лина Кавальери снова возникла в его жизни. Мудрая Екатерина решила поступить по принципу «нападение — лучшая

оборона», подружилась с певицей и часто с ней встречалась. Подруги и Бярятинский даже нередко появлялись втроем в парижской Опере.

Бярятинский умер в 1910 году, сорока лет, и царская дочь во время первой мировой войны вышла замуж за князя Сергея Оболенского. Это была бурная любовная история на фоне войны, ей было тридцать восемь, а ему двадцать шесть, и в годы гражданской войны они пережили множество приключений, когда ему приходилось переодеваться, чтобы спасти жизнь, а Екатерина порой оставалась в живых именно потому, что ее узнавали в лицо. Русский народ не забыл, что ее отец, царь Александр, дал ему свободу. В 1922 году парочка разошлась. Екатерина Александровна зарабатывала себе на жизнь концертным пением, и одно время ей аккомпанировал молодой пианист Дмитрий Тёмкин. Впоследствии он стал одним из самых знаменитых композиторов Голливуда. Екатерина Александровна умерла в 1959 году в Англии, в возрасте восьмидесяти одного года. Сергей Оболенский женился вторично на девушке из американского семейства Астор, от нее у него родился сын Иван; сам князь сражался во второй мировой войне в чине американского полковника. Но это совсем другая история.

ПОТОМКИ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛА

Мы помним великого князя Алексея Александровича, чья жизнь состояла из «вертких дам и неповоротливых кораблей», как неудачливого командира русского флота, а также на редкость статного красавца, который путешествовал по Европе в составе «*la ménage Royale à trois*».

Говорят, что перед этим он в возрасте двадцати лет женился в Италии на Александре Жуковской, дочери Василия Жуковского, который был учителем Александра II, но и помимо этого был выдающимся русским писателем. Брак был аннулирован, поскольку Александра Васильевна не принадлежала к правящей европейской династии, что было обязательно для супруги великого князя.

Независимо от того, были ли они официально женаты, у них был сын, граф Алексей Алексеевич Жуковский, который родился в Зальцбурге в 1871 году и был убит в Тбилиси в 1932 году. У него, в свою очередь, было две дочери и сын, Сергей Алексеевич Белевский-Жуковский, который умер в 1953 году в Лос-Анджелесе и оставил дочь; последняя живет во Франции и также имеет троих детей.

Иметь любовниц было скорее правилом, чем исключением, среди русских великих князей, в этом они мало чем отличались от представителей других княжеских домов. Как и в других странах, некоторые из мужчин правящей династии позволяли себе иметь семью на стороне, постоянную связь помимо официальной супруги, часто выбранной из политических соображений. Например, у великого князя Константина Николаевича была длительная связь с балериной Анной Кузнецовой, с которой у него было пятеро детей; двое дочерей дожили до зрелого возраста. Они получили фамилию Князевы. Старшая дочь, Марина Константиновна, вышла замуж за генерала по фамилии Ершов и стала основательницей большого рода, многие члены которого остались в России после революции. Младшая, Анна Константиновна, вышла замуж за полковника Николая Лялина. Их сыновья Константин и Лев эмигрировали в Бельгию, где Константин стал монахом-бenedиктинцем и скончался в 1958 году. Лев Лялин стал инженером-химиком, в 1953 году у него родился сын, Бернард Лялин, ныне историк. Таким образом, его прадед по материнской линии — великий князь Константин Николаевич, который помогал своему брату освобождать русское крестьянство, а его прапрадед — Николай I.

БАЛЕРИНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ДРУГИЕ

Как мы видим, балерины были популярны среди великих князей. Николай Николаевич-старший, запятнавший себя серьезными экономическими махинациями во время Крымской войны, отец Николая Николаевича-младшего, был знаменит тем, что оставил множество внебрачных потомков. С танцовщицей Екатериной Числовой у него было четверо детей: Ольга, Владимир, Екатерина и Николай, которые все получили фамилию Николаевы.

Из этих детей Владимир был женат целых четыре раза и имел пятерых детей. На Западе сейчас живет, по крайней мере, двенадцать его потомков, например правнук Франк Николаев, родившийся на Тулоне в 1971 году; или правнуки братья Александр и Жереми Николаевы, также родившиеся на Тулоне в 1979 и 1980 годах; или Филипп Николаев, родившийся в 1959 году в Монреале, или Сирилл-Андрэ (Кирилл-Андрей) Николаев, родившийся в 1955 году в 15-м округе Парижа.

Сколько потомков сына Николая Николаевича, Владимира, живет в Советском Союзе, сказать трудно. Его дочь Гали Владимировна роди-

лась в 1897 году и умерла в 1969-м; она была замужем за советским офицером, который был расстрелян во время сталинских чисток в 1937 году, у них было пятеро детей, сведения о которых получить не удалось.

Внучка великого князя Николая Николаевича, Валентина Владимировна Николаева, родилась в 1908 году и вышла замуж за финна Карла Тимгрена из Выборга. У них родилась дочь Карола, правнучка великого князя Николая Николаевича-старшего. Она, в свою очередь, в 1956 году вышла замуж в Хельсинки за Бердта Вальтера Нурдгрена и родила троих детей: Микаэля, Бениту и Марию Нурдгрена, 1958, 1962 и 1964 года рождения, прапраправнуков Николая I.

Между прочим, и сам Николай I основал побочные линии, например с Марией Ивановной Исаковой, урожденной Каратачаровой. В то время он был еще не царем, а великим князем Николаем Павловичем и даже не наследником престола. Их сын Николай носил отчество и фамилию мужа матери. От него пошел большой род, и прапраправнук Николая I Сергей Исаков родился в 1916 году в городе Кармель, штат Калифорния.

Еще одним плодом великокняжеского периода Николая I была Йозефина Кобервейн, дочь фрейлины шведского короля Густава IV Адольфа Мари Анны Шарлотты Рутеншельд. Эта шведка недолгое время была замужем за Иосифом Кобервейном, чтобы дать ребенку фамилию и законный статус. Йозефина Кобервейн вышла замуж за французского художника по имени Александр Фрисеро, потомки которого живут во Франции по сей день.

Где они жили?

Князья и великие князья династии Романовых владели дворцами и поместьями в разных концах огромной страны; мы уже упоминали усадьбу Ильинское под Москвой, принадлежавшую Сергею Александровичу, крымские имения Дульбер и Ай-Тодор, принадлежавшие соответственно Петру Николаевичу и Александру Михайловичу, а также поместье Брасово, которым владел Михаил Александрович. У царей были свои дворцы: Зимний в Петербурге, а вне столицы, например, Гатчина и Царское Село, в Крыму Ливадия и многие другие.

Мы назовем здесь некоторые дворцы в бывшей столице Санкт-Петербурге. Зимний дворец служил обиталищем многих царей, только Александр III предпочитал Гатчину, а его сын Николай II — Царское Село (ныне Пушкин), но сегодня в колоссальном музее, которым стал Зимний, мало что напоминает о бывших жильцах. Здесь Халтурин подложил бомбу, которая стоила жизни многим гвардейцам, но не тронула государя, здесь Александр II в конце концов все же скончался после покушения в 1881 году, здесь Николай II устроил роскошную библиотеку, здесь также жил Александр I, а у Николая I была гостиная в огромной угловой комнате с видом на Адмиралтейство и водные просторы Невы — но, к сожалению, ни в одном из залов нет табличек с подобными указаниями. Возможно, когда-нибудь они появятся.

На той же набережной, что Зимний дворец, несколько сот метров восточнее, расположен дворец великого князя Владимира Александровича, нынешний Дом ученых, построенный в 1870 году и на редкость хорошо сохранившийся. Кабинет великого князя сегодня служит кабине-

том директору Дома ученых и остался без изменений после смерти Владимира восемьдесят лет назад. При необходимости можно спустить на окна тяжелые металлические щиты, для безопасности во время уличных беспорядков. Здесь есть бильярдная, где в свое время висела картина Репина «Бурлаки на Волге»; на дверях и панелях остались вензеля с буквой «В» — «Владимир». Салон и элегантный мавританский будуар Марии Павловны-старшей сохранились без изменений с тех пор, как частыми гостями были английский посол Бьюкенен и его французский коллега Палеолог и под арабесками и другими затейливыми орнаментами плелись разнообразные бесполезные интриги. Дворец построен архитектором Александром Резановым вместе с Китнером, Третером и Гуном. Адрес: Дворцовая набережная, 26.

Несколько дальше в том же направлении находится дворец великого князя Михаила Николаевича. Сегодня в нем располагаются Институты востоковедения и археологии Академии наук, уставившие бальные залы шкапами и книжными полками. Дворец был построен в 1863 году знаменитым петербургским архитектором Андреем Штакеншнейдером. Адрес: Дворцовая набережная, 18.

Еще дальше по набережной расположен Мраморный дворец, о котором рассказывается в главе о князе Гаврииле Константиновиче. Там жил его отец, литератор Константин Константинович; дворец был спроектирован архитектором Ринальди и построен еще в 1768—1785 годах. Сегодня здесь помещается Музей Ленина. Вход во дворец не с набережной, а с улицы Халтурина, 5/1. Парадная лестница и огромный зал с видом на Неву дают представление о том, как выглядели интерьеры во времена великого князя.

Когда великому князю Михаилу Михайловичу надоело жить дома у отца, великого князя Михаила Николаевича, он решил построить себе собственный дворец, поскольку, по его словам: «Нам же надо где-то жить» — под словом «нам» он подразумевал себя и свою будущую жену. Когда он наконец нашел свою суженую, оказалось, что она чересчур низкого происхождения, в результате чего ему пришлось уехать за границу, и он так и не пожил в своем шикарном новом дворце на территории бывшей адмиралтейской верфи. Сегодня в этом дворце расположен Государственный институт по торговле и качеству товаров Ленинградского гороблуправления (Адмиралтейская набережная, 8, на углу Азовского переулка).

Великий князь Андрей Владимирович, тот, что в эмиграции женился на Матильде Кшесинской, жил еще дальше на запад, где набережная получает название набережной Красного Флота (бывшая Английская).

Сегодня там находится Дворец бракосочетания: набережная Красного Флота, 28.

Если от дворца Андрея Владимировича пройти немного на запад и свернуть налево, то через квартал мы окажемся на площади Труда, бывшей Благовещенской. Там находится огромный дворец, принадлежавший великому князю Николаю Николаевичу-старшему. После его смерти в 1891 году громадное здание в 1895 году было превращено в школу для благородных девиц, носящую имя великой княгини Ксении. Сегодня в нем расположен ленинградский совет профсоюзов, и он носит название Дворец труда. Построен архитектором Штакеншнейдером. На крыше неоновыми буквами написано: «Дворец труда».

Вернемся на набережную и пройдем дальше на запад. Вскоре мы увидим изящный серый дворец, строгий фасад которого прорезан трещинами, поскольку сделан из хрупкой керамики. В нем жил, наездами в столицу, тот великий князь, который стал последним русским государем, царем на день: Михаил Александрович. Сегодня тут располагается клуб глухонемых. Архитектор Роберт Мельцер. Набережная Красного Флота, 54.

Еще дальше на берегу Невы расположен великолепный дворец, где жил великий князь Павел Александрович. Он купил его у некоего барона и продал за год до революции. Сейчас во дворце идет реставрация, и он служит конторой местного Главного управления охраны, использования и реставрации памятников истории и культуры (уф!), которое, надеюсь, приведет дворец в лучшее состояние, чем когда в нем помещался сначала детский дом, а потом конструкторское судостроительное бюро — в то время в доме работало 1500 человек (!!!). Дворец был построен архитектором Александром Кракау. Набережная Красного Флота, 68.

Неподалеку, на набережной Мойки, расположены два дворца. Во-первых, дворец великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича, к сожалению находящийся в плачевном состоянии. До недавнего времени здесь помещалось управление Оргтехника, а кроме того, Дом пионеров. Осенью 1989 года во дворце шла реставрация, как подобает памятнику архитектуры, с отделкой в китайском стиле, остатками экстравагантного кафеля в ванной, винтовой лестницей, требующей большой ловкости и ведущей в башню, которая имеет лишь увеселительное назначение, и так далее. По дворцу видно, что его владелец был одиноким и убежденным холостяком, — говорят реставраторы, незнакомые с высказыванием в адрес Алексея Александровича: «верткие женщины и неповоротливые корабли». На литой решетке ограды можно прочесть виньетку «А», инициалы владельца. Если дворец производит впечатление относительно скромного, следует учитывать, что к нему относились

прилежащие дома, где жила прислуга и охрана. Дворец построил архитектор Максимилиан Месмахер. Адрес: Мойка, 122.

На Мойке мы найдем также дворец, принадлежавший сестре государя, великой княгине Ксении Александровне, которая была замужем за отцом русского военно-воздушного флота, мемуаристом Александром Михайловичем. Институт физкультуры, расположенный в этом дворце, по моим сведениям, должен вскоре переехать в другое помещение. Мойка, 106.

Оба этих дворца находятся к западу от Кировского (Мариинского) оперного театра. В том же квартале располагается дом, где жил великий князь Кирилл Владимирович, неподалеку от казарм Гвардейского экипажа, начальником которого он был. Дом сравнительно прост, отнюдь не дворец, но, вероятно, Кирилл рассчитывал со временем въехать в колоссальное жилище своего отца на Дворцовой набережной. Некоторые детали дома отреставрированы, прежде всего потолок на лестнице. Сегодня в этом доме помещается детский сад. Адрес: улица Глинки, 13.

На пересечении Невского проспекта и Фонтанки друг напротив друга расположены два роскошных дворца. Во-первых, огромный Аничковский дворец, где начиная с Николая I жили престолонаследники. Здесь жил в бытность наследником Александр III, здесь впоследствии жила его вдова Мария Федоровна, принцесса Дагмар. Дворец неоднократно перестраивался и представляет собой настоящее сокровище архитектуры. Среди архитекторов, принимавших участие в перестройке, можно назвать Земцова, Растрелли и Кваренги. Уже много десятилетий здесь помещается Ленинградский центральный Дворец пионеров.

На другой стороне Фонтанки расположен дворец, принадлежавший отвратительному великому князю Сергею Александровичу, который, как мы помним, взлетел на воздух, будучи генерал-губернатором Москвы. Дворец унаследовал его приемный сын, великий князь Дмитрий Павлович, который продал его сразу после революции и смог вывезти деньги за границу, благодаря своей популярности, приобретенной в связи с убийством Распутина. Сегодня во дворце помещается райком партии, и дворец сохранен в отличном виде. Первоначально он был построен уже не раз упоминавшимся архитектором Штакеншнейдером для графов Белосельских-Белозерских. Адрес: Невский проспект, 44.

Великий русский военачальник Николай Николаевич-младший имел дворец на другом берегу Невы, неподалеку от шикарной виллы Матильды Кшесинской. Сегодня в жилище бравого генералиссимуса Дворец бракосочетания. Он расположен рядом с домиком Петра I, известной в Ленинграде достопримечательностью. Адрес дворца Николая Николаевича: Петровская набережная, 2.

Мы также упоминали, что супруг великой княгини Ольги Александровны, равнодушный к дамам игрок Петр Ольденбургский, жил на Сергиевской улице, нынешней улице Чайковского. В роскошном особняке, куда Ольга Александровна вернулась, когда супруг назначил ее возлюбленного своим адъютантом и предоставил квартиру в собственном доме, сегодня помещаются ремонтно-эксплуатационное управление, Торгово-промышленная палата, детский сад и кооперативное кафе под названием «В гостях у сказки». Улица Чайковского, 48.

Советский Союз и Романовы

Официальное советское отношение к бывшим правителям страны долгое время было однозначным и категорически осуждающим, причем в как можно более грубых тонах. Это отношение прекрасно выражено в книге Марка Касвинова «Двадцать три ступени вниз», опубликованной в журнале «Звезда» за 1972—1973 годы, а затем, уже после смерти Касвинова, в 1982 году выпущенной отдельным изданием, для советских условий сравнительно малым тиражом в 75 тысяч. В этой солидной — 565 страниц — книге повествуется о двадцати трех годах правления Николая II. Читать ее тоскливо даже тому, кто считает монархию не лучшим государственным строем, а Николая II неудачным правителем. В изображении Касвинова нет предела низости, подлости и злобе Николая II и его рода. Все, мол, были сплошь дегенератами, алкоголиками и тупыми до умопомрачения, если не безгранично хитрыми и лицемерными. Концы с концами у автора не сходятся. Столь дебильные и глупые люди не смогли бы и пяти минут править массами, по словам Касвинова, разъяренными и угнетаемыми. Общий тон Касвинова, к сожалению, сводит на нет скрупулезно собранные сведения. Факты невозможно отличить от досужих домыслов. Контур пропадает в потоке крокодиловых слез. Преувеличения и злопыхательские ругательства столь сильны, что любой республиканец проникается сочувствием к коронованным особам, которых Касвинов стремится очернить.

И все же книга представляет собой огромную ценность, не только как пример блюдолизного писательства брежневской эпохи, но прежде

всего благодаря своей внушительной библиографии. Касвинов получил доступ к самым закрытым полкам советских архивов, в результате мы имеем список многих неизвестных или забытых источников. Если кто-то сомневается в том, что в СССР все годы существования государства тщательно собирали русскоязычные издания, опубликованные на Западе, то библиография Касвинова может служить доказательством. Едва ли подобную библиографию удалось бы составить западному исследователю.

Книга Марка Касвинова была первой за многие десятилетия советской работой о Романовых и своеобразным советским ответом на основательный и уже ставший классическим труд Роберта К. Мэсси «Николай и Александра», вышедший в 1968 году и быстро получивший известность в СССР. Мэсси, сын которого также страдает гемофилией, с симпатией пишет о несчастных родителях смертельно больного мальчика и тем самым заставляет читателя лучше понять многие повороты судьбы царской четы. Но, несмотря на сочувствие Мэсси к государю и его супруге, он не скрывает, какой катастрофой эта чета обернулась для России.

Большой ажиотаж в СССР вызвал художественный фильм «Агония». В нем великие князья также изображаются на традиционный лад, как дегенераты, едва ли жизнеспособные существа.

После прихода к власти Горбачева и начала новой «десталинизации» в печати стали появляться новые и новые чудовищные подробности кровавого сталинского террора; суть второй десталинизации можно выразить словами: «Все было на самом деле гораздо хуже, чем мы думали». В течение 1988 года в советской прессе появились разные сведения о цифрах непосредственных жертв Сталина. Рой Медведев в «Московских новостях» довольно осторожно приводит цифру 27 миллионов человеческих жизней; демографическая статистика останавливается на более 40 миллионах. В это число не входят жертвы второй мировой войны, которые, по сегодняшним данным, составляют около 40—50 миллионов; сегодня в СССР подчеркивается, что Сталин лично несет ответственность за большую часть этих жертв. Возьмем пример только одного города: по свидетельству писателей, в Ленинграде /Петрограде/ Петербурге при разборе архивов было обнаружено, что в бывшей столице за 1930—1942 годы было расстреляно 1 800 000 людей. В это число не входят те, кто был отправлен в лагеря, где тоже многие вскоре погибали. При этом режим Сталина отнюдь не привел к «ускоренной индустриализации» и «росту темпов развития». И советские и западные экономисты сегодня трогательно едины в том, что правление Сталина затормозило

развитие страны. Большевистский переворот (или, если угодно, примитивное самодержавие Сталина) в течение семидесяти лет держал Россию на уровне слаборазвитой страны. Сегодня об этом говорят ведущие советские экономисты.

На фоне этих невероятных страданий, жестокости и бесчеловечности, в совокупности с бездарной экономикой, прегрешения Николая II бледнеют. Об этом тоже знают в СССР. В качестве примера можно привести высказывание бывшего члена Политбюро Александра Яковлева во время поездки в Эстонию, когда он на вопрос, мог бы Николай II со своими законами поступать, как Сталин, кратко и твердо ответил: «Разумеется, нет».

Сопоставим десятки миллионов, как правило, невинных жертв сталинской эпохи с цифрами царского времени. Революция 1904—1905 годов была, по сути, гражданской войной, за которой в течение еще нескольких лет следовали беспорядки. Мятежники убивали полицейских и помещиков, сжигали дома и усадьбы; в результате с 1906 по 1912 год было казнено 11 000 человек.

Число жертв первых шести лет Советской власти, включая гражданскую войну, составляет от 200 000 (сознательно заниженные советские источники) до нескольких миллионов.

В *мирное время*, с 1826 по 1906 год, при царизме было казнено 894 человека.

В период 1866—1900 было казнено 94 политических преступника — смертная казнь в царской России была отменена за все виды преступлений, кроме государственных.

Число казненных после революции 1905—1907 годов объясняет, почему прогрессивные круги на Западе стали, если это возможно, еще более враждебно настроенными против царского режима; можно только спросить себя, почему тридцать лет спустя эти же прогрессивные круги все забыли и делали вид, что не замечают, как сменившая царизм власть в мирное время, без мятежей или пожаров, хладнокровно убивает *миллионы* ни в чем не виноватых людей; или почему левые прогрессивные круги на Западе упрямо закрывали глаза на реакционность и преступность сталинского режима и ставили этот режим (кровавый террор, описать который просто невозможно) в пример буржуазным и социал-демократическим режимам в Англии, Франции, Скандинавии и других странах, которые по сравнению с СССР кажутся земным раем. Эта власть была лишь наследием царского времени.

Несколько лет назад в «Литературной газете» появился первый приз-

нак изменения в официальном отношении к Романовым, в рецензии на балет, посвященный восстанию на легендарном броненосце «Потемкин».

В числе прочего отмечалось, что царская семья в балете танцует в насмешку над побежденными матросами. Рецензент отметил, что это расхожая трактовка темы, тем более что царская семья вообще в это время не присутствовала на Черноморском побережье. Это на первый взгляд естественное возражение (которое, кстати, не принимает во внимание художественную свободу хореографа) в своем советском контексте указывает на начало стремления к более объективной оценке романовской темы.

В этой связи большой интерес представляет статья в «Советской культуре» за 1988 год доктора исторических наук Генриха Иоффе о гибели царской семьи в Екатеринбурге. Статья, занимающая целую страницу, подробно объясняет исторические условия вокруг убийства царской семьи. Это событие называется «трагической развязкой», и доктор Иоффе цитирует выступление Якова Свердлова на Пятом съезде Советов: «Революция в своем развитии вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного органического развития мы бы никогда не стали прибегать». В статье также сообщается, что Свердлов осудил партийных товарищей с Урала за их решение казнить царскую семью без суда и следствия. Иоффе даже подчеркивает, что среди ответственных за казнь было немало анархистов, эсеров (то есть двух некоммунистических группировок) и «ультрареволюционно настроенных левых коммунистов».

В то же время самоуправство уральского Совета освободило Москву от неприятной заботы: что делать с арестованной царской семьей. Существовали безумные планы судебного процесса над царской четой, хотя подобный суд вызвал бы многочисленные осложнения, в частности внешнеполитического плана, да и с точки зрения внутренней политики оказался бы двусмысленным.

Ссылаясь на «анархистов и ультрареволюционно настроенных левых коммунистов», советский историк фактически говорит, что убийство пяти невинных детей непростительно, так же как во время гражданской войны по обе стороны фронта совершалось множество непростительных поступков. Его отношение к убийству царской четы в данном случае не имеет значения. Высказываясь таким образом, Иоффе выражает существенное изменение в официальной советской оценке событий во время и непосредственно после революции.

Вскоре Иоффе опубликовал книгу «Великий Октябрь и эпилог царизма» (Москва, 1987), где трактует события в том же духе. В рецензии

Петра Черкасова в «Новом мире», № 3 за 1988 год, автор осторожно полемизирует с Марком Касвиновым и после добросовестных похвал «литературным достоинствам» (на редкость не заслуженная оценка Касвинова) все же дает читателю понять, что убийство пяти невинных детей было ни к чему.

Когда газета «Московские новости» в апреле 1989 года опубликовала интервью с Гелием Рябовым, который будто бы нашел останки убитой царской семьи, его формулировки оказываются значительно резче, нежели у Иоффе. Рябов рассказывает, что контр-адмирал Александр Юровский, сын того Якова Юровского, который руководил ликвидацией, как мог, помогал Рябову в исследовании того, что «считал самой ужасной страницей в биографии отца». Рябов также говорит, что уже в 1918 году было ясно, насколько сомнительно с нравственной точки зрения было убийство царской семьи, и подчеркивает, что, «как известно, Ленин объяснил, что убийство детей существенно скомпрометирует русскую революцию в глазах мирового общественного мнения». Говоря «как известно», Рябов пользуется испытанным советским приемом подчеркнуть, что на обсуждение выносятся ранее неизвестный факт. Кстати, Ленин ошибался — мировое общественное мнение простило большевикам миллионы других убийств.

Во время горбачевской гласности непримиримое советское отношение к Николаю II и обязательные жесткие слова в адрес династии Романовых начали сменяться более уравновешенным изучением этого периода русской истории. Осенью 1989 года «Литературная газета» поместила статью известного советского священника о великой княгине Елизавете Федоровне, убитой в Алапаевске сестре последней царицы. Ее самоотверженная благотворительность приводится в статье в пример советским гражданам. В 1989 году в СССР начали признавать существование нужды и нищеты, и «милосердие» и «сострадание» стали новыми лозунгами.

В 1989 году журнал «Огонек» также опубликовал неофициальные фотографии Николая II и его семьи, не говоря уже о том, что «Литературная газета» от 25 ноября поместила его знаменитый портрет кисти Серова, правда, с оговоркой, что портрет приукрашивает царя. Но анонимный рецензент подчеркнул, что самое важное в портрете, что в отличие от официальной советской портретной живописи картина Серова, долгое время скрытая от зрителей, представляет собой «настоящее произведение искусства».

Отношение с советской стороны к пережившим революцию Романовым также претерпело изменение по сравнению со стереотипными обвинениями поколения времен революции.

Советская тайная полиция — ЧК, НКВД, КГБ и так далее — никогда не чуралась покушений за границей на русских политиков в эмиграции или на перебежчиков. Но никто не слышал о покушениях на выживших членов дома Романовых или их похищениях.

Поскольку они не представляют политической угрозы против советской системы, их не травят — кроме разве что редких нападков на претендента Владимира Кирилловича. Мы также знаем, что Романовым не чинилось препятствий для посещения Советского Союза. С начала шестидесятых годов многие члены династии приезжали в СССР туристами, в том числе историк Никита Никитич. Отношение к ним советских граждан, с которыми они встречались, сводилось к доброжелательному любопытству.

В январе 1990 года читатели «Огонька» не поверили своим глазам. Там можно было прочесть интервью с великим князем Владимиром Кирилловичем длиной в полторы страницы. Он с достоинством рассказывает о своем жизненном пути, высказывает соображения по поводу «вопроса о русском престолонаследии»; журналист задает вежливые вопросы, тон статьи спокойный, в ней много информации. Затем газета «Неделя» поместила большое интервью с князем Николаем Романовичем.

А убийство царской семьи в течение 1989 и 1990 годов в советской печати постепенно стало принято описывать так, как было на самом деле: чудовищное насилие жестокой эпохи.

Совершенно другой вопрос о том, какое выдающееся место портреты царской семьи занимают в домах русской шовинистской организации «Память», возникшей в начале 1980-х годов. Это объединение под маской привлекательных и лживых лозунгов отражает самые мрачные и роковые течения в глубине русского народа; оно является прямым наследником черносотенцев, которые десятилетия перед революцией представляли самые черные, реакционные и антисемитские круги русского общества. Во время манифестаций «Памяти» по русским городам торжественно проносятся царский русский флаг — и это одна из наиболее идиллических черт в деятельности организации. Когда к руководителю «Памяти» приходят корреспонденты зарубежного телевидения, он с гордостью позволяет камере задержаться на портретах царской семьи, занимающих в квартире почетное место.

Но, возмущаясь культурным вандализмом за период Советской власти, члены «Памяти» используют правдивые и печальные факты, чтобы выдвинуть хорошо известный жуткий тезис: «В этом виноваты не мы, русские, а они», подразумевая под этим евреев.

«Это не русские взорвали храм Христа Спасителя в Москве» и так далее; «это не русские убили царскую семью, а еврей». Таковы чудовищные призывы «Памяти», и потому следует настороженно относиться к тем жителям СССР, кто вывешивает на видное место в своем доме портреты Николая II, как бы трогательно это ни выглядело на неподготовленный западный взгляд.

Романовы сегодня

Александровичи

НЫНЕШНИЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

С 1938 года династическим главой семейства Романовых является великий князь Владимир Кириллович, родившийся 30 августа 1917 года в финском городе Борго. Он никогда не бывал в России. Его воспитали с единственной целью — стать претендентом на престол и главой династии.

Два претендента, великие князья Владимир Кириллович и его отец Кирилл Владимирович, не особенно выделялись в обществе. Среди нынешних русских эмигрантов Владимир Кириллович практически неизвестен. Но, согласно династическим законам, которые определяют главу государства в Великобритании, Дании, Бельгии, Швеции и некоторых других странах, он действительно является законным обладателем престола всея Руси. Если бы таковой существовал. Но для убежденных монархистов трон всегда существует, даже если при наличии республики он не облечен властью. Недавно введенное в Швеции своеобразное «полностью когнативное» престолонаследие было бы по-своему находкой для Владимира Кирилловича.

Владимир Кириллович вырос в доме своих родителей сначала в Финляндии, потом в Германии и, наконец, в Бретани; женщину, которая ухаживала за ним в детстве, звали Эугения Юханссон. Молодой великий

князь получил домашнее образование и сдал экзамен на аттестат зрелости в русской гимназии в Париже, которая в настоящее время закрыта за неимением преподавателей. В тридцатые годы он шесть месяцев работал на заводе в Англии, чтобы «на своей шкуре испытать, каково живется рабочему классу». Он мечтал провести это испытание на авиационном заводе, но туда не допускали иностранцев. По иронии судьбы он проходил практику (под псевдонимом Михайлов) в городке под названием Питерсборо. Вскоре умер его отец, и двадцатилетнему великому князю стало не до профориентации. Он принял все титулы и привилегии отца, объявил, что его следует именовать «великим князем», но не преминул добавить, что многие присягнули ему как государю. В манифесте на смерть отца Владимир Кириллович обращается «ко всем русским людям, кому дорога судьба России» и призывает их объединиться вокруг себя.

По всей вероятности, родители оставили достаточное состояние, чтобы он мог полностью посвятить себя обязанностям претендента. Еще в те далекие времена, когда его отец Кирилл был в немилости, он подолгу жил в Европе; мать Владимира Кирилловича, Виктория Мелита, была из рода Саксен-Кобург-Гота и доводилась внучкой английской королеве Виктории.

Во время второй мировой войны Германия обращалась к Владимиру с предложениями сотрудничества. Как и все остальные члены дома Романовых, великий князь Владимир отказался. К концу войны он был депортирован в Германию, а затем в Австрию, но целым и невредимым дожил до окончания войны. В 1946 году он переехал из Бретани, где поселился после войны, в Испанию, где жила его сестра.

В 1948 году он женился на Леониде Георгиевне из древнего грузинского княжеского рода Багратионов, точнее, Багратионов-Мухранских. Ее мать была полькой и звалась в девичестве Елена Злотницка. Леонида Георгиевна родилась в 1914 году в Тифлисе и в 1934—1937 годах была замужем за американцем по имени Самнер Мур Кирби, с которым имела дочь Хелен; Самнер Мур Кирби погиб весной 1945 года в немецком концлагере. Из рода Багратионов-Мухранских происходил также грузинский супруг одной из дочерей литератора Константина Константиновича; отцу Леониды Георгиевны он приходился двоюродным братом.

В 1953 году у Владимира Кирилловича и Леониды Георгиевны

родилась дочь, Мария Владимировна, которая со временем вышла замуж за принца Франца-Вильгельма Прусского (правнука старого кайзера Вильгельма II). В настоящее время брак расторгнут, но в нем родился маленький Георгий.

Великий князь Владимир с семьей обычно проводит зиму в Мадриде, а лето в городке Сен-Бриаке в Бретани; семья также имеет квартиру в Париже. С тех пор как маленький Георгий пошел в школу, семья большей частью живет в Сен-Бриаке. Городок своеобразно оказал почести великому князю Владимиру. В 1986 году улица, где расположена его вилла, была переименована в *Chemin du Grand Duc*, Великокняжескую. Он второй великий князь, проживающий на этой улице, — первым был его отец.

Я встретился с великим князем Владимиром весной 1987 года в его усадьбе Кер Аргонид в Сен-Бриаке. Случаю было угодно, чтобы это произошло в день семидесятилетия отречения последнего правящего государя, 15 марта. В этот день великого князя посетил Петр Колтыпин-Валловский, энергичный председатель Российского имперского союза-ордена. Это объединение американских монархистов, судя по всему более активное, нежели его единомышленники в других странах; собственно, орден является результатом раскола предыдущей монархической организации.

Великий князь Кирилл отлично сохранился для своего возраста, приятен в общении и с достоинством осознает свое высокое положение. Всю свою взрослую жизнь он посвятил тому, чтобы быть претендентом. В качестве главы династии он не принял ни французского, ни испанского гражданства и имеет французский документ лица без гражданства.

— Французские власти держат меня под наблюдением, но тактично и корректно.

Говоря на изысканном, чуть старомодном русском языке, он дипломатично отзываясь о политике и разногласиях в семействе. Он носит все подобающие русскому царю титулы: царь всероссийский, великий государь император и прочая, и прочая. Смысл в том, чтобы сохранить династию.

— Престол нельзя бросить на произвол судьбы, всем должно быть ясно, что он не пустует, — говорит Владимир. — Можно сказать, что мы живем по принципу скаутов: «Всегда готов!»

Когда он произносит эту фразу, мы делаем вид, будто не знаем, что это также лозунг советских пионеров.

Поскольку великому князю Владимиру исполнилось семьдесят, он не питает иллюзий относительно собственного возвращения в Россию в качестве монарха. Но маленький внук Георгий воспитывается с тем, что-

бы стать претендентом (или «блюстителем российского престола»), как и его дедушка.

На крестинах Георгия в Мадриде присутствовала испанская королевская чета, бывшая греческая королевская чета и другие представители коронованной Европы.

— В настоящее время бесполезно строить прогнозы, но я не вижу никаких серьезных препятствий в будущем для восстановления монархии в России, — говорит великий князь Владимир. — Если в России произойдут изменения, то очень возможно, что монархия возродится. Кроме коммунизма и монархии у России нет другого выбора.

Когда он выражается столь достойно, как истый государственный муж, его супруга великая княгиня Леонида время от времени вставляет более категорические замечания. Когда заходит разговор о династических распрах, она не столь дипломатична в выборе выражений, как ее супруг. Вне всякого сомнения, она принимает самое живое участие в этих раздорах: она охотно подсказывает супругу все подробности.

— Ты говорил, что монархия ближе всего русскому народу, что русский народ лучше всего понимает монархию, — напоминает она, и великий князь Владимир подтверждает ее слова.

В доме уютно, он обставлен по-европейски богато, но в нем много русских мелочей. Начищенный до блеска самовар в углу под иконой служит лишь украшением. Правда, в доме с утра до вечера пьют чай, но приготавливают его более современным способом. На стенах много семейных портретов, несколько бюстов Александра III. А в коридоре несколько неожиданно висит портрет революционера Горького (которого Николай II исключил из императорской академии).

Огромный сад был когда-то любимым детищем матери Владимира Кирилловича, Виктории Мелиты. Сейчас он выглядит обжитым, но не педантичным.

Великая княгиня угощает чаем с пирожными — как ни странно, того сорта, который для многих прочно связан с буфетом московского МХАТа (хотя русское кондитерское искусство, разумеется, испытало большое влияние французского).

Настороженное поведение великого князя Владимира — государственного мужа — перед журналистом пропадает, как только он заводит речь о технике. Еще в юности он увлекался автомобилями, моторами, мотоциклами. Он страстно и со знанием дела рассказывает о различных технических решениях конструкции

Претендент великий князь Владимир Кириллович со своим мотоциклом, 1934 год

вертолетных пропеллеров или о непредвиденных осложнениях при эксплуатации сверхсовременной приливной электростанции в окрестностях Сен-Бриака. Когда он обращается к моим фотографам, переходя на английский, сразу слышно, что он вырос в доме, где родители говорили между собой по-английски: мать, внучка королевы Виктории, считала себя англичанкой, а не немкой.

Деятельность великого князя Владимира как претендента состоит в том, что он поддерживает связи с русскими монархистами. Я спрашиваю, где живет большинство его приверженцев, на что великая княгиня Леонида отвечает, что они разбросаны по всему миру. Председатель американских монархистов не раскрывает, сколько чле-

Отец Пантелеймон уверенной рукой опускает в купель великую княжну Марию Владимировну. Мадрид, 1953 год

нов насчитывает его организация: верный признак, что число их не столь велико.

Маленький Георгий получил от своего деда титул великого князя. Его немецкий отец, принц Франц-Вильгельм, принял русское православие, вступив в брак с матерью Георгия, и стал великим князем под русским именем Михаил Павлович. После развода он поселился в Мадриде, неизвестно, пользуется ли он русским великокняжеским титулом; можно предположить, что носитель титула принца Прусского этим довольствуется. Зато вокруг его сына, Георгия Михайловича, возникли династические споры.

РАСКОЛ ПО ВОПРОСУ РУССКОГО ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

Когда отец великого князя Владимира, Кирилл Владимирович, в двадцатые годы принял царский титул и объявил себя претендентом, это вызвало разлад среди семейства Романовых. Постепенно раздор стих — по мере того как уходило в прошлое воспоминание о походе великого князя Кирилла к Таврическому дворцу с красным бантом на адмиральской форме, но и по мере того, как вопрос о русском престоле становится все более гипотетическим. В тридцатые годы все больше членов семейства поддерживали сначала Кирилла, а потом Владимира в качестве главы династии, и все было бы прекрасно, и в вопросе престолонаследия наступило бы примирение. Если бы не две проблемы.

1. У Владимира Кирилловича не было сына.

2. Он заранее решил, что его дочь Мария унаследует положение главы династии.

Обоснования можно найти в манифесте 1969 года: все прочие мужчины рода Романовых не состоят в равнородных браках или сами не рождены в равнородных браках, поэтому наследование престола должно в будущем идти по женской линии, где первой на очереди стояла его дочь Мария. Когда у нее родился сын, великий князь Владимир позаботился о том, чтобы мальчик получил фамилию Романов; это было сделано путем его регистрации во французской мэрии, где Георгий записан как «великий князь Российский Георгий Романов».

На это остальное семейство, а также предводитель русского дворянства во Франции и выдающиеся французские генеалоги говорят: «Но ведь мальчик на самом деле Гогенцоллерн!» Что, разумеется, является серьезной преградой в карьере того, кто собирается стать русским

Только что крещенная Мария Владимировна громко выражает протест во время помазания миром. Экс-королева Болгарии крепко держит свою крестницу. На заднем плане единоутробная сестра Марии Владимировны, Хелен Кирби

царем; впрочем, мальчику можно только пожелать, чтобы он избежал этой судьбы.

Точно так же в результате многочисленных престолонаследственных рокировок в восемнадцатом веке на русском троне уже сидела не первоначальная русская династия Романовых, а род Голштейн-Готторп (путем женитьбы на женщине рода Романовых). Последовательно называя себя Романовыми, эти Голштейн-Готторпы заставили историю и Россию признать себя Романовыми. Так что исторический прецедент существует. С другой стороны, в те времена возник страшный дефицит

мужчин Романовых, чего сегодня никак не скажешь. И прежде всего тогда речь шла о реально существующем троне, который надо было срочно занять, а сегодня этого опять-таки не скажешь.

Еще когда Владимир в 1969 году объявил свою дочь новой престолонаследницей, князя Всеволод Иоаннович, Роман Петрович и Андрей Александрович, родившиеся до революции и представляющие остальные три ветви династии, заявили протест и в открытом послании сформулировали свои возражения по трем пунктам (причем следует отметить, что они называют Владимира не «великим князем», а просто «князем»):

1. Супруга князя Владимира имеет тот же статус, что и жены всех остальных князей российских и князей императорской крови.

2. Из этого следует, что мы не признаем права супруги князя Владимира на титул великой княгини.

3. Из этого также следует, что мы не признаем ее дочь Марию великой княжной и считаем объявление княжны Марии Владимировны будущей «блюстительницей российского престола» и «главой российского императорского дома» произвольным и противозаконным действием.

Суть протеста в том, что Владимир Кириллович счел неравнородными все браки остальных мужчин династии и заявил, что родственники не имеют права называть себя Романовыми, а должны носить фамилию Романовские. Так поступил в свое время его отец Кирилл еще в тридцатые годы; сведущие люди объяснили, почему он не издал свой указ до 1935 года: он не хотел делать этого при жизни великого князя Александра Михайловича, ибо сей блистательный рассказчик, спиритист и дамский угодник, основатель русского военно-воздушного флота с иронической улыбкой поддерживал положение Кирилла как блюстителя престола, но, по всей вероятности, разразился бы гневом, если бы Кирилл вздумал утверждать, будто внуки Александра Михайловича не имеют права называться Романовыми.

Кстати, небезынтересно отметить, что члены династии получили фамилию Романовы лишь после революции. Раньше их не звали Романовыми, они *были*, к примеру, «княжна Российская Вера» — как написано на двери ее домика в Вэлли Коттедж, штат Нью-Йорк, ибо она *является* Верой Российской. Право называть себя Российскими сегодня имеют двое членов династии, родившиеся до революции:

Мария Владимировна, Владимир Кириллович и Леонида Георгиевна на праздновании тысячелетия крещения Руси в США. Рядом с Леонидой Георгиевной сидит архиепископ Антоний Лос-Анджелесский. В заднем ряду, между великим князем Владимиром Кирилловичем и его женой, стоит глава монархической организации «Российский имперский союз-орден» Петр Н. Колтыпин-Валловский

Вера Константиновна и ее племянница Екатерина Иоанновна, а также Владимир Кириллович, в качестве главы рода, и его супруга. Романовы называют себя потомки, родившиеся после революции. Романовскими же называются побочные линии, возникшие до революции.

Когда Владимир Кириллович в 1976 году присвоил своему новоиспеченному зятю титул великого князя, семейный союз снова заявил про-

тест, на этот раз в послании, подписанном князьями российскими Романом Петровичем и Андреем, Дмитрием, Ростиславом и Василием Александровичами (родившимися до революции). Они заявили, что со стороны Владимира Кирилловича является произволом давать Францу-Вильгельму титул великого князя Российского и объявлять дочь Марию единственной наследницей «с целью основать новую династию, Гогенцоллерн-Романовых».

Пятеро князей обозначили это действие как посягательство на права рода Романовых.

В 1981 году, когда родился маленький Георгий, семейный союз вновь выступил с протестом против действий Владимира Кирилловича. На этот раз послание было подписано Василием Александровичем, председателем семейного союза, в нем повторялись предыдущие протесты и завершался он словами: «Семейный союз Романовых настоящим заявляет, что счастливое разрешение от бремени в прусском королевском доме не имеет отношения к семейному союзу Романовых, ибо новорожденный князь не является ни членом русского императорского дома, ни членом рода Романовых».

Важнейшими словами в послании 1981 года являются, безусловно, следующие: «Все вопросы династического характера могут решаться лишь великим русским народом на русской земле». То есть русский народ должен решать, кому править страной и кому сидеть на троне, если русский народ сочтет необходимым вновь учредить таковой.

Если бы Владимир Кириллович был царствующим монархом, облеченным властью, он мог бы изменить порядок престолонаследия или отдельные его детали, и никто не посмел бы ему возразить. При нынешнем положении он вынужден следовать законодательству, существовавшему до революции, а оно не отличается зеркальной ясностью по всем пунктам. Может ли он объявить всех прочих жен «дисквалифицированными», а свою собственную «квалифицированной», то есть свой брак «равнородным», следуя из того, что Багратиды были древним царским домом? Багратиды правили Грузией с 571 по 1801 год, когда Георг III присоединил страну к Российской империи. Самый известный вне Грузии Багратион — это русский генерал Петр Багратион (1765 — 1812), который в 1809 году захватил Аландские острова, а в 1812 году погиб на Бородинском поле.

Возражения семейного союза сводятся к тому, что Багратиды перестали быть правящей династией в 1801 году. Когда Татьяна, дочь литератора великого князя Константина Константиновича, влюбилась в молодого Константина Багратиона-Мухранского (двоюродного брата отца

*Частный герб рода
Романовых, в отличие
от официального
двуглавого орла*

Леониды Георгиевны), они не могли пожениться, поскольку он не был ей ровней; семейство пожалело княжну и попросило Николая II помочь. Тот три месяца не решался спросить свою мать Марию Федоровну, нельзя ли изменить закон, ибо без ее санкции это было невозможно; когда государь всея Руси наконец набрался храбрости, его мать ответила: «Давно пора», о чем государь впоследствии рассказывал с восторгом, добавляя: «А я-то напрасно мучился целых три месяца!» При этом он старательно копировал грудной голос матери.

Из этой истории можно сделать разные выводы: либо что Багратионы-Мухранские в будущем стали равнородными, либо что девушки прочих русских дворянских фамилий (ибо Багратионы-Мухранские были русской дворянской фамилией) стали пригодными для женитьбы. Накануне первой мировой войны, между прочим, шло расследование, какие именно древние русские семейства можно признать, вслед за вышеописанным браком, равнородными, чтобы избе-

жать обязательного и бессмысленного изгнания родственников, желавших узаконить свои связи.

Многие женщины, вошедшие посредством браков в семейство после революции, происходили из древних русских княжеских фамилий. Кстати, по дореволюционным законам, к которым взывает Владимир Кириллович, царь никак не мог жениться на разведенной женщине (Леониде Георгиевне), не говоря уже о том, что отец Владимира, великий князь Кирилл, был рожден матерью неправославного вероисповедания (как мы помним, Мария Павловна приняла православие, только когда ее сын уже достиг взрослого возраста). Таковы возражения семейного союза; последнее в свое время, шестьдесят лет назад, выдвигалось против Кирилла Владимировича и сегодня было бы предано забвению, если бы не нынешние споры о престолонаследии.

Бесстрастный и беспристрастный наблюдатель, однако, не может не взирать на все это с интересом, несмотря на абсурдность спора на пороге двадцать первого века: в этих противоречиях продолжает жить крохотный кусочек дореволюционной царской России.

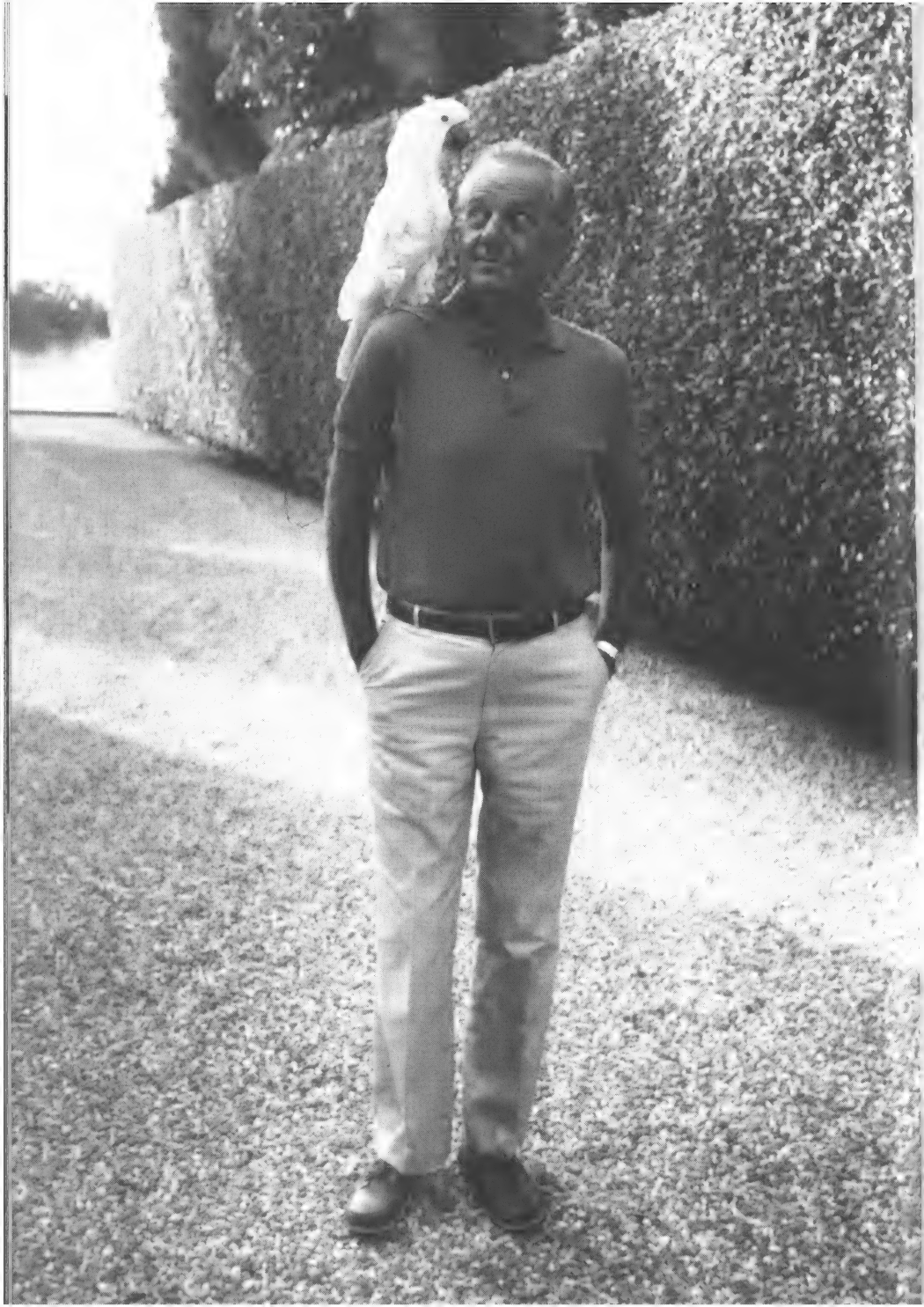
Одним из самых значительных русских монархистов сегодня является русский православный архиепископ Лос-Анджелесский Антоний. Он составил книгу, недавно изданную одной из американских монархических организаций.

В ней приведены все подходящие аргументы в пользу наследственных прав великого князя Владимира, его дочери и внука. Книга последовательно пользуется торжественным языком, в свое время привычным в официальных документах государя всея Руси: великая княгиня Леонида именуется Августейшей Супругой, слова «он» и «его», относящиеся к великому князю Владимиру и членам его семьи, пишутся с большой буквы и так далее. Это производит странное впечатление, однако, с точки зрения монархиста, вполне логично и последовательно.

Большинство членов рода Романовых, с которыми мне довелось беседовать, не особенно беспокоятся о претендентстве как таковом. Для них речь идет о семействе, и они хотят иметь право голоса в вопросе о том, кто будет главой семейства (что принято во всех зарегистрированных семействах как в дворянских собраниях, так в других дворянских союзах) и какую фамилию они имеют право носить.

ПОЛКОВНИК МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США

Старший сын, а затем его старший сын и так далее — по этому

По так называемому закону первородства этот человек должен стать следующим главой рода Романовых, если не рассматривать его как основателя нового рода: полковник Пол Романов-Ильинский снят на фоне своего дома в городе Палм-Бич, штат Флорида. Попугая зовут Бэби, по словам полковника Ильинского, это самая пушловая птица на свете

принципу в большинстве стран определялось, кто в династии становился королем или императором и кто оказывался главой рода. В семействе Романовых, которые правили Россией в течение трехсот лет, согласно этому принципу следующим главой должен стать шестидесятилетний бизнесмен и политик в Палм-Бич, штат Флорида.

Он приходится двоюродным братом шведскому принцу Леннарту Бернадотту в Майнау, и его зовут Пол Р. Ильинский — член муниципалитета, крупный домовладелец, сын младшего из восьми великих князей, переживших революцию и гражданскую войну. «Р.» в его имени означает «Романов».

Как же относится член муниципального совета и полковник американской морской пехоты к тому, чтобы стать главой легендарного рода Романовых после семидесятилетнего Владимира?

— Это никак не повлияет на мой образ жизни. Я на сто процентов американец, — отвечает он поначалу.

У него нет намерения носить старые императорские титулы, какие носит Владимир, а до него его отец: «царь всея Руси», «государь император» и так далее, или требовать, чтобы к нему обращались: «ваше императорское величество», как сегодня обращаются к претенденту его приверженцы.

— Эти титулы мне не принадлежат, и мне они не нужны, — говорит Пол Р. Ильинский, который предпочитает называться «полковником».

На мой вопрос, монархист ли он, он отвечает: «В общем-то нет», но после некоторых размышлений добавляет: «Но и не антимонархист».

После первых осторожных вопросов в его ответах начинает просвечиваться огромный интерес к России. Вся семья исповедует русскую православную веру, даже жена, урожденная Кауфманн, приняла православие перед свадьбой. Пол Р. Ильинский считает себя и стопроцентным американцем, и русским — жители США часто сохраняют тесные связи с бывшей родиной.

Пол Р. Ильинский — типичный Романов, выше среднего роста, стройный, исключительно обаятельный и быстрый умом. В нем совершенно очевидно видны родственные черты со всеми остальными Романовыми, с которыми мне пришлось встречаться.

Он живет в доме на берегу океана на западе Палм-Бич; это не один из

самых шикарных дворцов в этом городе, где излишества порой угнетают, но дом достаточно роскошный, зажиточный и уютный. Стены украшены огромной коллекцией оловянных солдатиков под стеклом — эту страсть он унаследовал от отца и тетки.

На стенах висят портреты отца и в традиционной парадной форме кавалергарда, и в более поздней форме русской армии времен первой мировой войны. Его отец, как мы помним, великий князь Дмитрий Павлович, любимец царской четы и самый популярный в России член династии Романовых: таковым он стал в одночасье, после 16 декабря 1916 года, после убийства Распутина. Как видим, мягкое наказание — ссылка на персидский фронт — спасло ему жизнь. Останься он в России, вероятнее всего, что его расстреляли бы в Петропавловской крепости или забросали гранатами в уральской шахте.

Но он пережил революцию и женился на американке, Одри Эмери, которая родила ему сына.

Когда они развелись, Пол Р. Ильинский рос у матери, которая жила большей частью во Франции и в Англии; он до сих пор свободно говорит по-французски. В детстве он говорил по-русски, но сейчас подзабыл. Он несколько нарочито преувеличивает свое незнание русского: заметно, что в глубине язык сохранился. Его мать вышла замуж вторично за обрусевшего грузинского князя Дмитрия Георгадзе, так что у маленького Пола оказался русский отчим.

Когда перед началом второй мировой войны мать и сын возвращались в США, одиннадцатилетний Пол простился с отцом в Генеуе; тогда они виделись в последний раз, три года спустя великий князь Дмитрий Павлович умер в Швейцарии.

После школы Пол Р. Ильинский поступил в престижную и овечную славою морскую пехоту. Как ни странно, повлиял на него в этом направлении русский отец, офицер императорской кавалергардии, ибо великий князь Дмитрий был большим поклонником морской пехоты США. Став американским морским пехотинцем, Пол Р. Ильинский автоматически получил американское гражданство; до тех пор у него был английский паспорт.

После службы в морской пехоте он учился в университете, пока не началась война в Корее; там он какое-то время провел на фронте, но большей частью в Сеуле, а после войны продолжил учебу в университете и получил степень бакалавра. Он оставался в запасе морской пехоты, постоянно возвращаясь на службу, и в конце концов получил чин полковника; в некоторых странах даже в запасе можно дослужиться до высоких чинов.

Ветеран корейской войны, Ильинский решил посвятить свою жизнь фотографии и полгода работал практикантом в журнале «Лайф», переехал в Палм-Бич и работал там фотографом и фоторепортером, пока не начал работать в семейном предприятии. Затем он владел недвижимостью в Цинциннати, штат Огайо, и вернулся в Палм-Бич во Флориде только в начале семидесятых годов. В настоящее время он наполовину на пенсии и занимается муниципальной политикой. Глава рода Романовых заседает в муниципальном совете города миллионеров Палм-Бич, в 1984—1986 годах даже был председателем. Он член республиканской партии.

Можно задать вопрос, почему он называет себя Ильинским, а не Романовым. Попросту говоря, он придерживается дореволюционного принципа, что дети от «неравнородных браков» получали княжеский титул и новую фамилию, часто по названию какого-либо имения. Фамилия Пол Р. Ильинского происходит от названия поместья Ильинское, где родился его отец. По-русски его следует называть Павел Дмитриевич Романовский-Ильинский.

Он встречался почти со всеми своими родственниками в изгнании; в его детстве они приходили и уходили, и сегодня от них остались смутные воспоминания. После развода отец продолжал брать его в поездки по Европе. Лучшее всего он помнит свою тетку, великую княгиню Марию Павловну.

— В ней оставалось много самодержавных черт. Она никому не давала забыть, что она великая княгиня, хотя всегда была исключительно приветлива. Моя мать не особенно ее любила, потому что она всегда всецело владела моим отцом, когда они встречались. Сам я, откровенно говоря, ее побаивался, — мягко улыбается сей рослый полковник.

Когда Мария Павловна умерла в 1958 году и была похоронена в дворцовой часовне замка Майнау, принадлежащего Леннарту Бернадотту, тот по ее желанию перевез туда же гроб ее брата, чтобы они нашли последнее пристанище рядом. Но двоюродного брата он об этом не извещал.

— Мы приехали из США на могилу отца, а могилы не оказалось. Надо сказать, мы очень удивились.

Пол Р. Ильинский женат вторично и имеет четверых детей: Дмитрий родился в 1954 году, Паула — в 1956-м, Анна — в 1959-м и Майкл — в 1960-м; у него также на сегодняшний день семеро внуков. Боже избави их всех воспринимать свое место в российском престолонаследии как нечто большее, чем странное и курьезное наследие всемирной истории. Старший сын, которого можно назвать

князем Дмитрием Павловичем, стоит вторым по очереди на место главы рода, если великий князь Владимир переживет Пола Р. Ильинского. Младшему сыну, Майклу (или по-русски «князю Михаилу Павловичу», как написано в некоторых генеалогических календарях), двадцать восемь лет, и он не женат.

Полковник Ильинский красноречиво и с восторгом рассказывает, что его могучий бородатый сын как две капли воды похож на предпоследнего царя Александра III.

— Мои сыновья, конечно, отстают еще на ступень дальше от русского наследия. У них нет связей с Европой, но они живо интересуются нашим прошлым.

Полковник дает понять, что старшие члены рода Романовых десять лет назад обращались к нему по вопросу главенствования — они хотели, чтобы все было по закону, ибо он, без сомнения, стоит следующим в очереди. Вероятно, он их не удовлетворил.

Однако он встречался с нынешним претендентом, последний раз в 1988 году, но «вопрос о престолонаследии» не обсуждался. Пол Р. Ильинский сожалеет, что великий князь Владимир «не относится к делу спокойнее и все эти годы не желал принять дружбу и помощь семейства». О деятельности великого князя Владимира в качестве претендента, с манифестами, титулами и назначениями, он говорит, что она «немного нелепа», что в ней отражаются «тщетные иллюзии величия».

Ясно одно: полковник Пол Р. Ильинский знает, что ему предстоит стать следующим главой рода, но не собирается быть претендентом.

— У меня слишком много других дел.

Он никогда не бывал в Советском Союзе, «только в Польше вместе с отцом в тридцатые годы». Единственные русские, с которыми он встречался, были советские офицеры во время официальных визитов, «приятные и очень осторожные». Он никогда откровенно не разговаривал с советскими людьми и исключительно интересуется последними новостями перестройки. Полковник высокого мнения о Горбачеве и надеется, что сегодняшнее развитие в СССР будет продолжаться.

Кстати — каково было служить в американской морской пехоте с русской фамилией и таким прошлым?

— Ну конечно, ко мне все время приезжали журналисты и писали обо мне, и в морской пехоте меня дразнили. Но я никогда не чувствовал неудобств, будучи русского происхождения в США. Однажды, когда я, в чине капитана, принял командование ротой в 345 человек, ко мне подошел старый, покрытый шрамами сержант и спросил: «Вы

русский? У нас в роте есть несколько русских, которые хотели бы с вами поговорить».

Морские пехотинцы русского происхождения подошли строем и поздравляли капитана с новым назначением. У некоторых отцы служили в царской армии вместе с отцом новоиспеченного командира роты. Многие пехотинцы изучали историю.

— Они знали все о моем отце.

Какое же место занимает полковник Ильинский в русском престолонаследии?

Он принадлежит к старшей ветви рода, Александровичам, потомкам Александра II, старшего сына Николая I.

Из мужчин ветви Александровичей во время революции государь, его сын и брат были убиты. Племянник государя погиб после революции в автомобильной катастрофе, не оставив детей. После этого наследников Александра III по прямой линии не сохранилось.

Трое сыновей великого князя Владимира Александровича, из ветви Александровичей, пережили революцию целыми и невредимыми. У великого князя Бориса Владимировича не было детей, сын Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской умер бездетным (сын великого князя Андрея и вышеупомянутый племянник государя не имели права на престолонаследие, они названы здесь для наглядности).

Тогда из сыновей великого князя Владимира остается великий князь Кирилл Владимирович, сын которого, великий князь Владимир Кириллович, является нынешним претендентом. У него, как мы знаем, нет сына, а только дочь (чтобы избежать полемики со сторонниками великого князя Владимира Кирилловича, я в этой главе сознательно называю Пола Р. Ильинского не будущим главой *династии*, но главой «рода»).

После него единственными мужчинами ветви Александровичей оказываются потомки младшего брата Александра III, Павла Александровича, — то есть его внук Пол Р. Ильинский и его сыновья.

Многие члены рода хотели бы видеть на месте главы рода энергичного и сведущего в истории князя Николая Романовича из Рима, ссылаясь на некоторые детали русского законодательства о престолонаследии, согласно которым Пол Р. Ильинский стал основателем нового рода (в частности, тем, что называет себя Ильинским), не говоря уже о том, что именно Николай Романович собирает вокруг себя семейство и знает все о его истории. Мы вернемся к нему в главе «Два Николаевича». Сам он никогда не проявлял желания стать главой рода; у него три престестных дочери, но нет сына.

Вероятно, эти двое ровесников, два симпатичных князя могли бы разделить обязанности главы рода с большой пользой для семейства, но в княжеских домах такое не положено.

Константиновичи

ЕЕ БРАТЬЯ СТАЛИ ИКОНАМИ

У литератора великого князя Российского Константина Константиновича было много детей. Его младшую дочь зовут Вера. Как-то ранней весной 1917 года она пришла домой с прогулки и увидела у своего личного лакея красный бант на ливрее.

— Как тебе не стыдно, это же против царя! — возмутилась она как истая великокняжеская дочь.

Тогда лакей ответил:

— Царя больше нет!

— Так я узнала, что он отрекся, — рассказывает княжна Российская Вера семьдесят один год спустя.

Тогда ей было одиннадцать лет. Сегодня она живет в русско-американском доме для престарелых под названием Толстовский фонд в городке Вэлли Коттедж в тридцати километрах к северу от Нью-Йорка. Она одна из двух последних сегодняшних Романовых, родившихся до революции. В то время ей прислуживали семнадцать лакеев, самые надежные из которых были старообрядцами. Сегодня она живет в своей квартире одна, но, конечно, ей помогают по хозяйству.

Последняя царица была крестной матерью княжны Веры Константиновны, которая часто пила чай в гостях у царской семьи, играла с большим царевичем Алексеем и каталась с ним в санях. Когда Вера впервые пришла в гости к государыне Александре Федоровне на чашку чаю, девочка хотела есть только варенье, на что государыня озабоченно заметила: «The child must eat more bread and butter»¹.

У Веры Константиновны было шестеро братьев и две сестры. Олег совсем молодым погиб на войне, что ускорило и смерть отца. Вера находилась при отце, когда он умер в 1915 году. Она сидела в его кабинете и читала про Рейнеке-Лиса. Никто не знал, что она там; заметив, что отец задыхается, она побежала к матери, крича: «Mama, Papa hat kein Luft»².

¹ Девочка должна есть больше хлеба с маслом (англ.).

² Мама, папе нечем дышать (нем.).

Современная икона, изображающая трех братьев, князей Константина, Иоанна и Игора, зверски убитых после революции

Это была сердечная астма, от которой он и скончался. Позже все удивлялись, как маленькая девочка смогла открыть тяжелые двери кабинета.

Из братьев и сестер она больше всех любила Олега, «потому что он меня не дразнил»; вероятно, остальные охотно дразнили маленькую Верочку.

Трое ее братьев, убитые в Алапаевске летом 1918 года, были в 1981 году причислены к лику святых Русской Зарубежной церковью вместе с прочими членами династии, убитыми во время гражданской войны. В комнате Веры Константиновны висит картина, написанная младшей сестрой Николая II Ольгой Александровной, и современная икона с тремя

убитыми братьями. Больше мне не приходилось встречать людей, у которых на стене висит икона с изображением их собственных братьев.

Из четверых братьев и сестер, живыми выбравшихся из России, она осталась одна. Она и ее племянница Екатерина Ионновна — последние из ветви Константиновичей.

Я посетил ее в Толстовском фонде ранней весной. Она бойкая, разговаривает быстро, иногда глотая слоги по-русски, много курит. Ее рукопожатие на редкость крепкое для женщины в ее возрасте.

— После перелома бедра мне приходится ходить с каталкой, вот у меня и развились сильные руки, — объясняет она без лишних сантиментов. — А раньше я занималась парусным спортом, море всегда было моей страстью. Я была членом немецкого яхт-клуба «Ганза».

Здесь она прожила пять лет, в доме, основанном дочерью Льва Толстого Александрой. Бывшая яхтсменка без труда передвигается со своей каталкой, когда мы отправляемся обедать в ближайший городок.

Николай I был ее прадедом. По русскому обычаю также можно назвать правнучкой брата Николая I, Александра I, который в 1809 году отнял у Швеции Финляндию.

Она родилась в семействе, облеченном огромной властью и несметными богатствами, со слугами, имениями и путешествиями по заграницам. В возрасте одиннадцати лет она все это потеряла. Она переселялась из страны в страну, нигде не приняв гражданства, до сих пор она «alien resident», «иностранка, постоянно проживающая» в США.

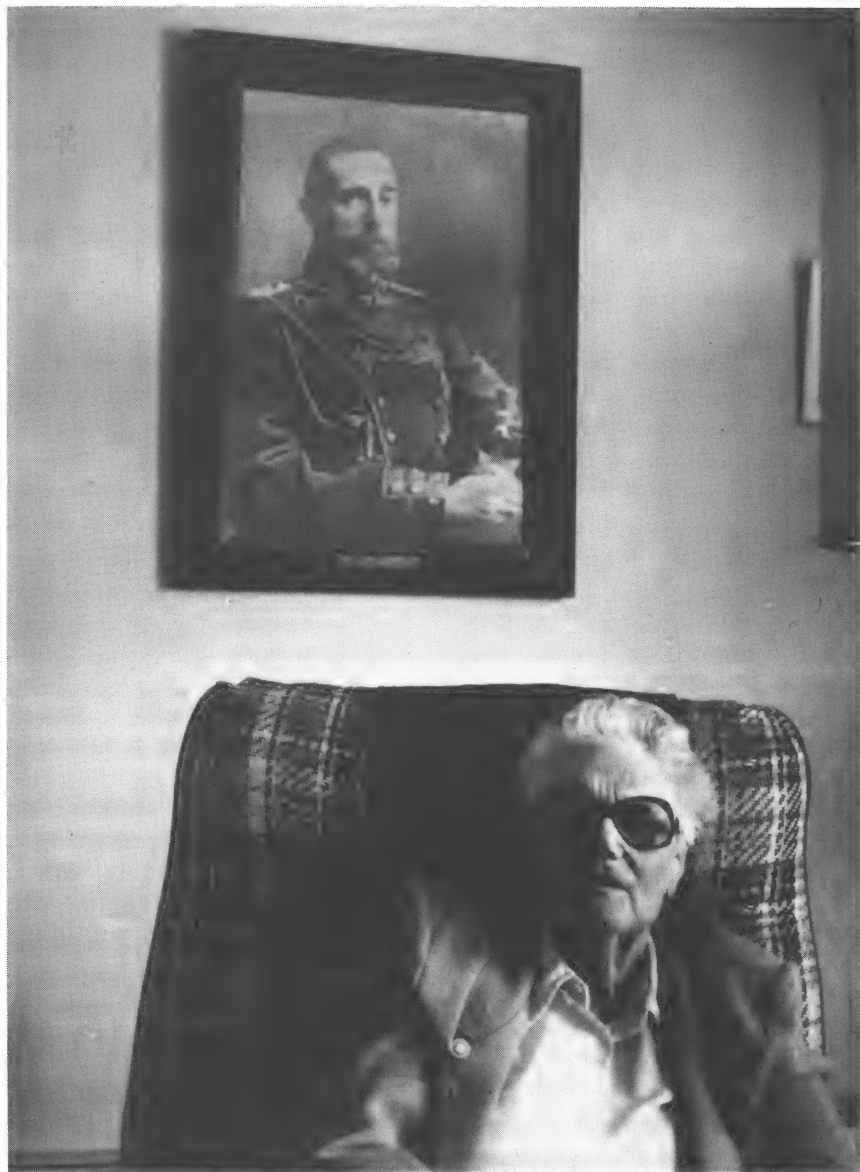
Вера была слишком мала, чтобы принимать участие в литературных вечерах своего отца, затем наступила война, и отец умер. Ее первым языком был немецкий — мать была немкой, няня немкой. Потом русский: по-русски она говорила с отцом и братьями. Далее английский: по ее словам, она говорила одинаково хорошо на всех трех языках.

— С французским было хуже, я не успевала упражняться, писать по-французски я не могу.

Что она помнит о последнем государе и его семье?

Государыня, ее крестная, отличалась застенчивостью. Люди считали ее гордой и злой, а она была просто застенчива. Государь же был вовсе не так глуп, как описывает великий князь Александр Михайлович в своих мемуарах. Она помнит, какое негодование книга вызвала среди родни. Из дочерей государя она больше всего любила Татьяну, она «не дразнилась».

А как все интриговали против государыни! Сколько было конфликтов! Как-то раз вечером Вера слышала серьезный разговор родителей, отец сказал: «Боюсь, под конец только мы останемся ему верны».

Княжна Российская Вера под портретом своего отца, литератора Константина Константиновича

Однажды Вера с няней ехала в небольших санях на двоих, с одной только лошастью, сани так и назывались «одиночка». Им встретился на-следник Алексей.

— Я была одета во все белое, в белом платье, белой шубке, сапожках, даже муфта у меня была белая. Он велел своей няне поменяться со мной местами, и мы поехали дальше, была оттепель. Мы остановились у железнодорожного переезда, где у музыкального павильона скопилась большая лужа. И он сказал мне: «Вера, прыгай туда!» Он был старше меня на полтора года, и я прыгнула. Я помню, как перепугались наши няни. Но мне ужасно понравилось — прыгнуть в лужу! Он был такой проказник.

Вера Константиновна подтверждает, что родня знала о болезни царевича. Сама она только знала, что у него больные ноги. Когда он приходил в гости и вскарабкивался на роаль, мать Веры страшно беспокоилась, что он упадет.

(Один из немецких родственников, большой гемофилией, дожил до пятидесяти шести лет, постоянно опекаемый озабоченными близкими.)

Вера Константиновна помнит глаза Николая II. У него был странный взгляд: это видно на старых фотографиях. В гостях у родителей Веры он постоянно подтрунивал над дворецким, который был солдатом в том же полку, где Николай служил еще в бытность царевичем: «Ты стал таким важным, Селезнев, а я по-прежнему простой полковник!»

Прочие мужчины в роду были генералами, адмиралами и фельд-маршалами, а сам государь мог хвалиться своей неприязнительностью: в тех кругах полковник было на редкость скромное звание.

Братья Веры тоже были военными. Однажды в декабре 1916 года, придя домой, они рассказали про убийство Распутина.

— Не знаю, как им это удалось, но я помню, что смеялась до упаду.

Любой из нас может при желании побывать в доме, где прошло детство Веры Константиновны. Правда, не во дворце в Павловске, где она родилась и провела большую часть младенческих лет. Но остальное время семья жила в Мраморном дворце в центре Петербурга, неподалеку от Зимнего дворца, на той же набережной. После смерти отца Павловский дворец получил старший сын Иоанн, но Мраморный дворец продолжали отапливать, так что в нем жили Вера с матерью, пока их не выгнали обстоятельства.

Когда весной 1917 года большевики захватили власть, семье пришлось убраться из дворца. После множества хлопот им в ноябре 1918 года было позволено покинуть охваченную гражданской войной Россию.

— Шведский посол Брандстрём получил письмо от шведской коро-

Княжна Вера перед своим домом в Вэлли Коттедж, 1987 год. Русская церковь у нее за спиной принадлежит дому престарелых Толстовского фонда

левы Виктории, которое следовало передать новому правительству, но он долго не осмеливался, потому что моя мать была немкой. Кстати, его дочь, Эльса Брандстрём, написала много гадостей про Россию.

Шведская королева Виктория была, как и мать Веры Константиновны, немецкого княжеского рода, подобно большинству королевских и княжеских жен того времени; вероятно, они были знакомы с детства.

Вера с матерью поехали на пароходе из Петрограда в Таллинн (Вера Константиновна, разумеется, говорит «Ревель»), где господствовали немцы. Но комендант города оказался знакомым матери Веры — в детстве они играли вместе, — поэтому все обошлось благополучно. Из Таллинна отправились дальше, в Гельсингфорс. Вера Константиновна говорит не «Хельсинки», как говорят сегодня в СССР, а «Гельсингфорс».

— Я помню только, что это был наконец-то ярко освещенный город, но нас не пустили на берег, потому что там свирепствовала испанка.

На этот раз Вера Константиновна говорит не по-русски: «испанка», а на чистом шведском языке: «spanska sjukan».

Поездка продолжалась на Аландские острова и Мариехамн — Вера Константиновна напоминает мне, что город назван в честь Марии Федоровны, датской принцессы Дагмар. В Мариехамне на борт поднялся один из адъютантов бывшего царского генерала Маннергейма и долго говорил наедине с матерью Веры. Вера Константиновна по сей день сожалеет, что не спросила мать, о чем шел разговор. Затем пароход четыре дня стоял на рейде в шведском архипелаге из-за тумана и наконец прибыл в Стокгольм.

Там их встретил кронпринц (будущий король Густав VI Адольф), и мать Веры долго втолковывала шведам, что у советского комиссара, который сопровождал их на борту парохода «Онгерманланд», с собой горы большевистской пропаганды, но шведы «просто решили, что она излишне взволнована из-за своих переживаний во время революции».

Даже в 1988 году в русском сознании не укладывается, что в некоторых странах не придают значения подрывным пропагандистским листовкам — неважно, антицаристским, антисоветским или направленным против шведского правительства; и тем самым пропаганда оказывается не столь уж опасной.

Несколько недель семья провела в королевском дворце в Стокгольме, а затем переехала в пригород Сальтшёбаден, где прожила два года. Ни с кем из шведов они не общались, но двенадцатилетняя Вера немного выучила шведский язык. Вот почему она говорит «spanska sjukan» с прекрасным произношением, она помнит многие фразы и названия улиц и населенных пунктов в Швеции.

Она не была в Швеции с 1920 года. «Но я с удовольствием вспоминаю время в Швеции. Мне хотелось бы еще раз посетить вашу страну». Но жить в Швеции оказалось дорого, и мать написала письмом бельгийскому королю Альберту I с просьбой поселиться в Бельгии.

— Он ответил, что сам не возражает, но должен сначала запросить свой парламент. Что это за король? Мою маму не любили, ведь она была немка. Еще в Швеции я подружилась с принцессой Астрид, будущей королевой Бельгии, она была славная, чудесная девочка, мы так горевали, когда она погибла в автомобильной катастрофе.

В Бельгии Вера Константиновна прожила всего несколько лет и затем переехала в Германию, где оставалась более тридцати лет, за исключением недолгого периода в Англии, где тоже оказалось слишком дорого.

В Альтенбурге Вера с матерью жили у родни. Вера Константиновна

училась, занималась парусным спортом и, судя по всему, вела зажиточную жизнь немецкого высшего класса.

Вторая жена бывшего кайзера Вильгельма II пыталась выдать ее замуж за одного из сыновей Вильгельма, но Вера не захотела — она так и не вышла замуж.

Она вспоминает, как в 1933 году в их небольшой городок приехал Гитлер. «В то время сам он еще производил почти приличное впечатление, но окружение у него было отвратительное». Она провела всю войну в Германии, по ее словам, без особых осложнений. «Ведь я говорила по-немецки, считалась немкой». Мать умерла в 1927 году, а брат Георгий в 1937-м; Гавриил жил в бедности во Франции.

Альтенбург расположен к югу от Лейпцига, и, когда в конце войны начала приближаться Советская Армия, Вера вместе с родней пешком отправилась на запад. Они шли, стирая в кровь ноги, почти пятьсот километров, и наконец дошли до Гамбурга. Там Вера работала переводчицей в английском отделении Красного Креста, пока в 1951 году не переехала в США.

Не хотелось ли ей приехать в Россию и посмотреть на родной дом? Ее молодые родственники бывали там.

— Нет! Это было бы предательством! — говорит она темпераментно, помня годы, когда все мужчины рода Романовых торжественно приносили присягу государю. Поскольку она не возвращалась в Россию, она никогда не бывала южнее Московской губернии.

Она не слишком внимательно следит за событиями в Советском Союзе, но считает реформы Горбачева очень, очень интересными. И хотя она не особенно увлекается советской литературой, она с большой любовью прочитала книги сибирского писателя Распутина. Ей нравятся многие советские писатели-«деревенщики». Нравится Солоухин. О Солженицыне она отзывалась с уважением, но его так трудно читать — нужно все три раза обдумывать.

Некоторые взгляды Веры Константиновны сегодня не вполне расхожи. С одной стороны, она, очевидно, презирует и всегда презирала Гитлера; она цитирует русскую приятельницу, которая укоряла немецкого офицера во время войны за дурное обращение с русскими коллаборантами. «Пока Россия и Германия держались вместе, все было хорошо». С другой стороны, во время нашего обеда она вдруг роняет фразу, от которой меня передергивает: она ссылается на «Протоколы Сионских мудрецов» и считает, что порноквартилы Нью-Йорка и есть сбывшееся предсказание протоколов. Насколько я понимаю, она верит в подлинность этого антисемитского фальсификата. Но сама она ничуть не анти-

семитка, из разговора явствует, что скорее наоборот. Когда она упоминает свою знакомую, еврейку из Австралии, в ее словах нет ничего отрицательного, напротив. Во всяком случае, только на еврейских врачей можно полностью положиться. В Вере Константиновне нет ничего отвратительного антисемитизма. Зато она считает «Протоколы Сионских мудрецов» подлинными. Это немного неприятно, но ничего не поделаешь.

Раз в два года она ходит на собрания русских кадетов. Поскольку ее отец был начальником кадетских училищ, ее с детства приучили считать кадетов младшими братьями; поэтому она приветствует старых кадетов словами: «Здравствуйте, братья кадеты!», на что ей отвечают: «Здравия желаем, ваше высочество!», что по сей день греет ей душу.

Она не признает претендента Владимира и до сих пор возмущена, что его отец Кирилл в марте 1917 года нарушил присягу государю и присоединился к мятежной Думе:

— Я встретила его летом 1917 года, когда он снял с формы знаки отличия, и я до сих пор помню, как мне это тогда показалось противно. Да, он занимал положенное ему место в процессиях, он был следующим в престолонаследии после царевича и Михаила Александровича. Но он вел себя неподобающим образом. Он не должен был провозглашать себя царем. Это нелепо. Мать и бабка Владимира слишком поздно приняли православие, чтобы он мог стать претендентом! — категорически и с типично русской страстностью заявляет Вера Константиновна и перечисляет другие причины, почему он не годится на этот пост. С прочими членами рода она поддерживает отношения и не может сказать о них ничего дурного.

А как насчет «Анастасии»? Насчет Анны Андерссон или пани Чайковской, женщины, которая в годы после революции утверждала, будто она младшая дочь государя, — что о ней может сказать Вера Константиновна? Ведь она в детстве играла с сестрами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией.

— Анастасией эта женщина не была. Она гостила у меня три дня, и я испытывала ее, в частности, ленточкой с названием императорской яхты «Штандарт». Царевич Алексей по будням носил фуражку с такой ленточкой. Она ничего не поняла, только сказала: «Ты правильно делаешь, что хранишь эту ленточку». Мы говорили по-немецки. Но в ней было что-то примечательное, может быть, кто из ее предков согрешил с кем-

то из Романовых. Она была очень похожа на Анастасию, это точно. Но с головой у нее было не все в порядке.

Я не могу удержаться от искушения задать риторический вопрос: видела ли Вера Константиновна хоть один фильм, где бы правдиво изображалась жизнь Романовых до революции?

— Нет! — отвечает она коротко, не резко, но давая понять, что она тоже считает вопрос чисто риторическим.

В царское время к семейству Романовых относились как к полубогам, после революции их постоянно изображали извращенными дегенератами и подлецами. За последние годы я познакомился с целым рядом потомков Романовых. Все они оказались приветливыми и интересными людьми, порой талантливыми и образованными выше среднего. Они ни в коей мере не соответствуют расхожим представлениям, и столь же трудно поверить, чтобы их родители были низкими подлецами, как их подчас рисуют.

Их последний родственник на русском престоле и большая часть родни в то время придерживались взглядов, которые сегодня едва ли приемлемы. Но то же можно сказать о большинстве их современников — во всех странах.

Вера Константиновна, княжна Российская, — настоящий кладезь рассказов. Странно, что никто не предложил ей написать мемуары или не написал их вместе с ней. Не нужно быть монархистом, чтобы испытывать к ней уважение — в ней странным образом чувствуется связь с прошлым. За время нашей беседы я вижу остроту ее ума и слов, она импульсивна, трезва, сильна и полна жизненной энергии, несмотря на перелом шейки бедра и отслоение сетчатки глаза, из-за которого она потеряла зрение в одном глазу.

На прощание она благодарит за обед и говорит, что приятно провела день, и я не думаю, что она притворяется. Она целует меня в щеку, чем меня крайне трогает: до чего же приятно встречать людей, сохранивших на склоне дней молодость души!

Уже сидя в машине, по дороге через Йонкерс, я вдруг понимаю, что меня только что поцеловали губы, которые когда-то целовали Николая II и его семью. Вот до чего могут довести занятия славянскими языками!

Но, несмотря на странность этого ощущения, главное впечатление от знакомства — это молодость княжны Российской Веры, несмотря на восемьдесят два года.

Николаевичи

Николаевичи никогда не были многочисленны, ибо, как мы помним, у сына Николая I, великого князя Николая Николаевича-старшего, было всего два сына, Николай Николаевич-младший и Петр Николаевич. Только у Петра были дети, две дочери и сын Роман. У Романа, в свою очередь, было два сына, Николай и Дмитрий. О них-то и пойдет речь, но сначала несколько слов об их отце.

Роман родился в 1896 году и к началу революции успел стать лишь младшим лейтенантом в войсках своего отца, инженерных. Как и отец, Роман отличался слабым здоровьем, у него были больные легкие. Во время первой мировой войны он был так молод, что единственным из князей не заслужил Георгиевского креста, высшей русской военной награды за доблесть в бою. Он женился во Франции в 1921 году на Прасковии Дмитриевне из прославленного русского дворянского рода Шереметевых. Князь Российский Роман Петрович умер в Риме в 1978 году, в возрасте восьмидесяти шести лет. Его супруга скончалась в 1980 году. Сыновья князя Николай и Дмитрий Романовичи родились в 1922 и 1926 годах на Ривьере.

ДВИЖУЩАЯ СИЛА СЕМЕЙСТВА

На сегодняшний день в роду насчитывается около тридцати членов, носящих фамилию Романов, несмотря на призыв великого князя Владимира Кирилловича называть себя Романовскими. Сегодня, семьдесят лет спустя после революции, Романовы живут во Франции, Италии, Дании, Англии, Уругвае, Австралии, США. Молодежь часто не говорит по-русски. Почти все, разумеется, родились вне России, их родители были изгнанниками. Существует семейный союз, где князь Василий был главой в силу своего возраста и где князь Николай Романович из Рима является фактическим председателем и главной движущей силой. По возможности он хотел бы примирить своих родственников с претендентом. Он пытался наладить отношения с Владимиром Кирилловичем, но попытки ни к чему не привели. В последний раз они встречались на церемонии в Нью-Йорке в начале восьмидесятых годов, когда одна из двух русских церквей в США причислила к лику святых царскую семью и прочих Романовых, убитых после революции. О положении Владимира Кирилловича Николай Романович говорит:

— На романовский трон больше никто никогда не сядет. Но если в России восстановится монархия, пусть он воспитывает внука подходя-

Князь Николай Романович на балконе своего дома в Ружмонте, Швейцария, в 1987 году

щим кандидатом. Тогда возникнет новая династия. Нас же это не интересует. Претенденты довольно редко получали трон, на который имели претензии, а после семидесяти лет — никогда.

Николай Романович — статный и живой мужчина, приближающийся к шестидесятилетию, но на вид ему на двадцать лет меньше, у него резко очерченное лицо, вероятно унаследованное от бабушки-югославки. Хотя он держит в голове всю историю своего семейства, на всякий случай он также заложил ее в компьютер. Он завел «Макинтош» с жестким диском и собирает всю информацию о том, кто из рода Романовых когда и что делал. Он готовит серию эссе о наиболее выдающихся членах династии, посвящая каждому отдельный том.

Николай Романович вырос в большой русской семье, главой которой был брат его деда, знаменитый вояка великий князь Николай Николаевич, с которым мы познакомились в качестве царского верховного командующего во время первой мировой войны. В его доме на Ривьере в двадцатые годы оставались гофмаршал, адъютант и другие приближенные; они тоже покинули Россию, и куда им было деваться, если не ко двору великого князя?

На мой вопрос, не собирается ли Николай Романович съездить в Россию, о которой так много знает, он ответил отрицательно. Это было бы подобно приезду в отчий дом, который не соответствует воспоминаниям.

В детстве за столом постоянно говорили о том, что надо будет починить крышу конюшни или сделать то или се, «когда мы вернемся в Россию». Он вырос с Россией за столом, в книгах, на фотографиях, в мыслях. *Если*, если он поедет в Россию, то не в Ленинград или в Москву — он хотел бы увидеть сердце России, древние города, Суздаль, Владимир, Рязань...

Князь Николай Романович был первым Романовым, с которым я познакомился, и среди прочего мне было крайне любопытно послушать, как он говорит по-русски. Помимо всего о Романовых часто утверждали, будто они лучше говорили по-французски, чем по-русски; даже правдивый Мэсси повторяет эту забавную версию. На самом деле заявления, будто Романовы плохо говорили по-русски, это чепуха. Конечно, некоторым заморским принцессам, на которых женились Романовы, трудно давался русский, но большинство из них добились заметных успехов, в том числе последняя царица, которая могла служить образцом для подражания. В то время во всех королевских домах уделялось много внимания отличному владению родным языком, устным и письменным, возможно, именно потому, что матери часто были иностранками. Достаточно сегодня послушать неотразимо элегантный русский князя Николая Романовича. Я проиграл запись моего интервью с ним моло-

*Три русских княжны при
веселых обстоятельст-
вах: сестры Татьяна,
Элизабета и Наталия,
дочери Николая Романо-
вича*

дым русским интеллигентам, и они с восторгом наслаждались русской речью Николая Романовича. Его родственник князь Никита Никитич с 66-й Ист-стрит в Нью-Йорке говорит по-русски не хуже; так же как претендент Владимир Кириллович, Вера Константиновна, брат Николая Романовича Дмитрий или Эндрю Романов.

Николай Романович говорит по-русски как русский интеллигент из хорошей семьи, живо и серьезно, он обладает основательными историческими знаниями, причем далеко не только о семействе Романовых, и не боится их показать. Но стоит ему войти в итальянский ресторан и заговорить по-итальянски с хозяином или знакомыми посетителями, как он превращается в итальянца до мозга костей, по крайней мере на мой скандинавский взгляд.

Войну Николай Романович провел в Италии, поскольку его бабка и ее сестра были близкими родственницами итальянского короля. Все было хорошо, пока немцы не оккупировали Италию; тогда бабке пришлось искать убежища в Ватикане, а остальных членов семьи укрыли швейцарцы.

Когда в Италию вошли союзники, юного князя наняли «мальчиком на побегушках» при расквартировании. После нескольких лет он вместе с

родней уехал в Египет и там работал на подобных должностях, «потому что я был послушным сыном и по глупости делал то, что велел отец, а не учился». По возвращении в Италию он женился на красивой и богатой итальянской графине Сведе делла Герардеска, предварительно доказав ее отцу, что может сам прокормить себя, опять-таки административной работой. Вскоре брат жены погиб в автомобильной катастрофе, и тесть, только что заставивший князя Николая поступить на службу, приказал ему уволиться и заменить погибшего шурина в качестве управляющего родовым имением.

После многих десятилетий имение теперь наконец продано, и с недавних пор князь Николай стал свободным человеком, полностью посвятив себя семейной истории. Я встретился с ним в маленькой альпийской деревне, где он и его итальянская семья проводят зиму и лето.

У него несомненный художественный талант, как и у его отца и деда; в итальянском издательстве вышла с его собственными иллюстрациями абсурдная фантастическая повесть, которую он написал двадцать лет назад: речь в ней идет об одном причудливом, совершенно круглом судне, действительно существовавшем в царском русском флоте, которое по сюжету заблудилось и плывет через весь двадцатый век, не подозревая о том, что произошло в России.

Не только русские приметы, но и все связанное с морем в книге абсолютно достоверно, поскольку Николай Романович одержим морем и мечтал стать морским офицером, «но в мое время в Италии для молодого русского эмигранта это было исключено, тем более что я предпочел бы служить у союзников». Он с упоением перечисляет по памяти названия шведских военных кораблей в разные эпохи; на слух вполне правдоподобно.

У Николая Романовича три дочери: Наталия, Елизавета (Элизабета) и Татьяна, которые все три вышли замуж за итальянцев. Один из зятьев процветающий адвокат и, в частности, вел дела после покушений на папу римского. Когда он в этой связи посетил Болгарию вместе со своей русской княжной, болгары поспешили показать ей статую Александра II, освободителя Болгарии, брата ее прапрадеда. Поистине история полна иронии.

Домашняя жизнь Николая Романовича по-итальянски бурная. Сам он делит нынешний род Романовых на две части: тех, кто получил русское воспитание, и всех прочих. Он не производит впечатления несчастного человека, но все же говорит с печалью в глазах:

— Я не знаю, где моя родина, и это грустно. Мы не занимаемся политикой, не думаем о будущем. Мы хотим по возможности сохранить

русский характер, — говорит Николай Романович Романов, владелец аккуратных собраний фотографий и литературы.

Когда мы говорим о разных членах династии Романовых, Николай Романович столь же напоминает заинтересованного, но объективного историка, сколько члена семьи. Он не пытается скрыть свою неприязнь к великому князю Сергею Александровичу, даже через восемьдесят лет после его жуткой смерти:

— Он был отвратительный дегенерат, злобный извращенец, позор для семейства. Как говорится, в семье не без урода.

Но хотя Сергей Александрович был позором для семейства, он не навлек на него или на Россию и десятой доли несчастий по сравнению с образцом добродетели Николаем II. О нем Николай Романович говорит:

— Нельзя отрицать его ошибки, многие из них имели катастрофические последствия. Но чем бы он себя ни запятнал, он искупил вину своим поведением после отречения и до смерти в доме Ипатьева. За это время он приобрел совершенно иные человеческие масштабы.

Николай Романович мудро относится к собственному историческому наследию. Он искренне заинтересован в судьбе своих прославленных родичей, однако говорит:

— Я не монархист и не республиканец. Но в выборе из самодержавия и республики я предпочитаю республику. Нельзя обожествлять наследственную монархию. Она была продуктом своего времени и сменила период выборных монархов.

Так говорит образованный человек, который на примере своей семьи видел чудовищные последствия самодержавия. Когда я осторожно спрашиваю, правда ли, что члены рода Романовых сегодня ведут более здоровый образ жизни, чем когда они жили в роскоши и изобилии и были облечены властью, он смотрит на меня с недоумением, будто я задал риторический вопрос. Разумеется! Хотя бы то, что Романовым нельзя было иметь друзей вне семейства. Расстояние было непреодолимо. Об этом говорил даже его отец, который большую часть жизни провел на чужбине.

«Самодержавие» — ключевое слово в его рассуждениях. Оно изжило себя при Николае II и уже не могло существовать как форма правления. Но, говорит Николай Романович, сегодня многие страны, называющие себя республиками, на деле устроены по принципу монархий. Проблемы Советского Союза в том, что страна осталась самодержавной. Сталин, Хрущев, Брежнев и прочие тоже были самодержцами. Поэтому в стране так туго.

Во время наших бесед меня вдруг осенило. Этот исконно русский

князь, праправнук пресловутого царя Николая I, точно так же смотрит на русскую историю последних столетий, как его шведский интервьюер, социал-демократ в третьем поколении. Может быть, русский князь занимает более примирительную позицию по отношению к Советскому Союзу в семидесятые—восемидесятые годы, чем интервьюер.

Не так давно Николай Романович повстречался с одним знаменитым прогрессивным советским деятелем культуры. Князь Российский Николай Романович, потомок Николая I, со смехом отзываясь о своем советском знакомом:

— Я куда левее его!

Так оно и есть. Революция и Сталин законсервировали Россию, в то время как на ветрах Западной Европы человек не мог не испытать влияние перемен. Потомок царей Николай, как и его брат Дмитрий, придерживается куда более левых взглядов, нежели распространенные сегодня в СССР.

ДИРЕКТОР БАНКА, РУССКИЙ КНЯЗЬ И СОЦИАЛИСТ

В Копенгагене живет банкир, который приходится праправнуком царю Николаю I. Потомок царя является настоящим русским князем, это брат Николая Романовича, Дмитрий Романович Романов, один из директоров Датского Коммерческого банка, высокий, стройный, подвижный, очень русский, умеренно датский, явно жизнелюбивый.

Когда родители Николая и Дмитрия после войны переехали в Египет в свите итальянского короля, братья провели семь лет в стране на Ниле, где отец и дед Дмитрия и раньше жилали долгие периоды из-за своих слабых легких. В Египте началась деловая карьера Дмитрия.

Потомок царей с согласия родителей начал служить на ремонтном заводе Форда в Египте, и сегодня он с энтузиазмом рассказывает об экзамене на ученика: разобрать для ремонта и снова собрать целый мотор. Ему очень понравилось наблюдать, как оживают испорченные автомобили. По сей день он сам чинит свою машину.

Затем он работал агентом по продаже автомобилей, в бюро путешествий и в пароходстве. В конце пятидесятых годов он отправился с приятелями на машине в Северную Европу. Предполагалось, что они на пароме переедут из Дании в Хельсинборг, но в Хельсингёре у приятелей жила знакомая датская семья по фамилии Кауффманн. В семье Кауффманн была дочь по имени Жанна.

Когда приятели в машине покатали дальше на пароме через

пролив Эресунд, Дмитрий остался в Хельсингёре. В 1959 году он женился на датчанке Жанне, которая тем самым стала русской княгиней; правда, супруги никогда не пользовались русским титулом. Дмитрий выучил датский язык и поступил на службу в Датский Коммерческий банк.

Последние десять лет он работает в международном отделе банка в должности директора. Отдел ему прекрасно подходит при его знаниях иностранных языков: кроме русского и датского он владеет, разумеется, немецким, французским, итальянским, английским и, вероятно, еще несколькими языками. Живя в Египте, он говорил по-арабски, но сейчас этот язык немного забыл.

С исторической точки зрения нет ничего выдающегося в том, что русский князь свободно говорит по-датски. Николай II тоже отлично владел датским, поскольку его мать была датчанкой и семья летом жила в Дании.

Дмитрий Романович знаком с датским королевским домом и изредка встречается с ними. Когда в 1988 году исполнилось шестьдесят лет со дня смерти вдовствующей царицы Марии Федоровны, русские эмигранты пожелали это торжество отметить. Загвоздка была в том, что Мария Федоровна похоронена в традиционной усыпальнице датских королей, в кафедральном соборе в Роскилле, но в крипту не допускаются посторонние. Поэтому князю Дмитрию Романовичу пришлось позвонить королеве Маргрете, которая тут же распорядилась разрешить русскую православную литургию в соборе в Роскилле.

Когда в Коммерческий банк звонят из Швеции, младшие коллеги просят Дмитрия Романовича взять трубку: понимать шведский не составляет для него никакого труда. Ибо он с удовольствием смотрит шведское телевидение.

Он неоднократно бывал в Швеции, прежде всего на лосиной охоте в Вермланде, где он во второй раз убил огромного лося, а в третий сразу четырех. С тех пор он очень любит Вермланд. Но его вермландские хозяева перестали устраивать лосиную охоту, так что теперь ему осталась фазанья охота в Дании. Дмитрий Романович всегда любил охоту и рыбную ловлю.

Дмитрий Романов не бывал в Советском Союзе, но по роду службы сталкивался с советскими дипломатами. Он с удовольствием вспоминает советского посла, который, услышав фамилию датского банкира, начал расспрашивать о его происхождении. Когда его подозрения подтвердились, он тут же исчез — но вовсе не для того, чтобы избежать опасного знакомства. Наоборот, он привел своего сына, чтобы тот посмотрел на настоящего Романова.

Датчанка Жанна Кауффманн становится русской княгиней, венчаясь в русской церкви в Копенгагене с князем Дмитрием Романовичем Романовым. Жанна Романова умерла весной 1989 года

Вообще до последнего времени советские граждане не особенно интересовались его происхождением, но теперь они могут себе позволить проявить любопытство.

Вторым увлечением банкира Романова является нумизматика. Оно появилось, когда он обнаружил, что унаследовал от своих югославских родственников уникальную коллекцию орденов и медалей. Он начал пристально изучать сей предмет и написал об этом три книги; видимо, он является ведущим в мире экспертом по черногорским орденам и медалям.

Что касается политических вопросов, тут Дмитрий Романович вежливо отчужден: при его работе нельзя обсуждать политику.

— Но я не монархист. Я социалист, — говорит он совершенно откровенно, как может сказать только датский банкир.

С широтой мировоззрения, присущей космополитичному русскому князю, он объясняет, что в стране, подобной Дании, даже те, кто зовется «консерваторами», на самом деле социалисты. Называя себя социалистом, он имеет в виду, что стремится к порядку в обществе, что люди должны помогать друг другу и не оставлять без помощи тех, кто попал в беду, что у всех должны быть равные возможности.

По поводу братьев Николая и Дмитрия Романовых мне на ум приходит следующее. Революция привела их к более здоровому образу жизни, чем вел их дед, будучи членом правящей династии, как бы ни было печально, что Николай Романович не знает, где его настоящая родина. Расхожее суждение о Романовых как о генетически неполноценном роде нельзя опровергнуть более удачно, чем на примере Николая и Дмитрия Романовичей, желательно в сочетании с прочими родственниками, которых я повстречал, а также, без сомнения, другими, с которыми мне, к сожалению, встретиться не пришлось.

Михайловичи

ПОСЛЕДНИЙ КНЯЗЬ ЦАРСКОЙ ЭПОХИ

Сохранилась фотография последней зимы царской империи, на которой запечатлено несколько мальчиков на санях в заснеженном лесу под Петроградом. Двое из них одеты в теплые матросские формы, в том числе обаятельный, избалованный и смертельно больной царевич. Младшему из мальчиков на фотографии восемь лет, и он без формы.

Мальчуган в штатском — это младший из шестерых сыновей велико-

Русский князь на центральной площади в Копенгагене — датский банкир Дмитрий Романов

го князя Александра, из которых еще трое сидят в санях. Скончавшийся в июне 1989 года, он был последним мужчиной в роду Романовых, родившимся до революции, — князь Василий Александрович Романов. Царевич Алексей приходится ему двоюродным братом.

Князь Василий Александрович был правнуком царя Николая I.

Вместе с женой Наталией Александровной он жил в уютной вилле примерно в тридцати километрах к югу от Сан-Франциско, в невероятной сельской идиллии с зеленью и огромными деревьями, дикими кошулями и полуручными кошками, из которых двум позволялось заходить в дом.

Когда я встретил Василия Александровича зимой 1989 года, он был тяжело болен и слаб, но умом совершенно ясен. Он прожил довольно

В царскосельском парке, 1915 год. Крайний справа мальчик на санях — царевич Алексей. Остальные четверо мальчиков — его двоюродные братья князя Никита, Ростислав, Дмитрий и Василий (самый младший)

типичную для американца разнообразную жизнь. Так может сложиться судьба русского князя и правнука Николая I.

И отец и мать имели великокняжеский титул, отец приходился двоюродным братом своему тестю, и если бы не этот тесть, решительный Александр III, Василий Александрович тоже был бы великим князем.

Но об этом мы не говорили в те короткие минуты, что Василий Александрович был в состоянии меня принять. Ему и без того выпал примечательный жребий.

Его матерью была великая княгиня Ксения Александровна, маленькая хрупкая женщина — в свою мать, датчанку Марию Федоровну, многие дети и внуки которой были небольшого или среднего роста, прежде всего последний царь, в то время как остальные члены рода, как правило, были рослыми, как тополя. Василий Александрович тоже, скорее, по старой русской мерке среднего роста, у него доброе живое лицо, на котором отпечатались следы его болезней.

Василий Александрович родился в 1907 году в императорском дворце в Гатчине. Он пережил драматический плен в крымских поместьях Ай-Тодор и Дульбер в годы гражданской войны, когда разные группы революционных матросов спорили, кому охранять и расстрелять пленных князей. Если бы славному моряку Задорожному не удалось сдержать кровожадных революционеров, в Калифорнии в 1989 году не сидел бы князь Василий Александрович, да и вообще мало кто из сегодняшних Романовых существовал бы.

Василий Александрович оставался последним из пассажиров Романовых во время исторического путешествия на борту военного корабля «Мальборо», которое спасло несколько семей Романовых от наступающей Красной Армии. На борту «Мальборо» находился и князь Феликс Юсупов, убийца Распутина, женатый на сестре Василия Александровича. Пока судно шло на запад, Юсупов играл на гитаре и пел цыганские романсы вдовствующей царице.

Маленький Василий рос при матери, сначала в Дании, потом во Франции. Наконец она обосновалась в Англии, и мальчик пошел в английскую школу.

Примерно в 1930 году он переехал в США и учился в сельскохозяйственном университете в Сакраменто, штат Калифорния. В 1931 году он

Князь Российский Василий Александрович в своем доме в Редвуде, штат Калифорния, февраль 1989 года

женился на Наталии Галицыной, из русского дворянского рода, не менее древнего, чем Романовы.

Далее жизненный путь Василия Александровича сложился на американский лад, зигзагообразно. По окончании университета он несколько лет занимался научной работой в компании «Калифорния Пэкинг» (производящей консервы «Дель Монте»), проводя эксперименты по выращиванию помидоров в теплицах и в воде.

Во время войны он служил в американской армии простым рабочим на судах у калифорнийского побережья, потом подвизался в рекламном отделе гостиницы; содержал птицеферму, где ему больше нравилось, чем на пароходах; затем он работал виноторговцем и биржевым маклером.

Последнее время жена, которая умерла весной 1989 года, и сестра Марина держали его в курсе событий в России, поскольку сам он уже не мог читать. Все трое с большим удивлением узнали, что по улицам Москвы во время митингов носят русский трехцветный флаг, и с интересом расспрашивали, что показывают по шведскому телевидению о перестройке в СССР.

Только когда зашла речь о нынешнем претенденте, Василия Александровича покинуло его философское спокойствие, и он с чувством заметил, что Владимир Кириллович наделал много глупостей. Больше он ничего не сказал, но, как глава семейного союза, он многократно устно и письменно отказывался признать призывы Владимира Кирилловича к остальным членам рода.

ХУДОЖНИК ИЗ КАЛИФОРНИИ

Калифорнийского художника Эндрю Романова пригласили с выставкой в Ленинград, город, где были царями его прапрадед, брат бабки, прапрапрадед и так далее. На самом деле Эндрю Романов — русский «князь императорской крови» Андрей Андреевич Романов, но об этом он не пишет в каталогах и прочих печатных изданиях.

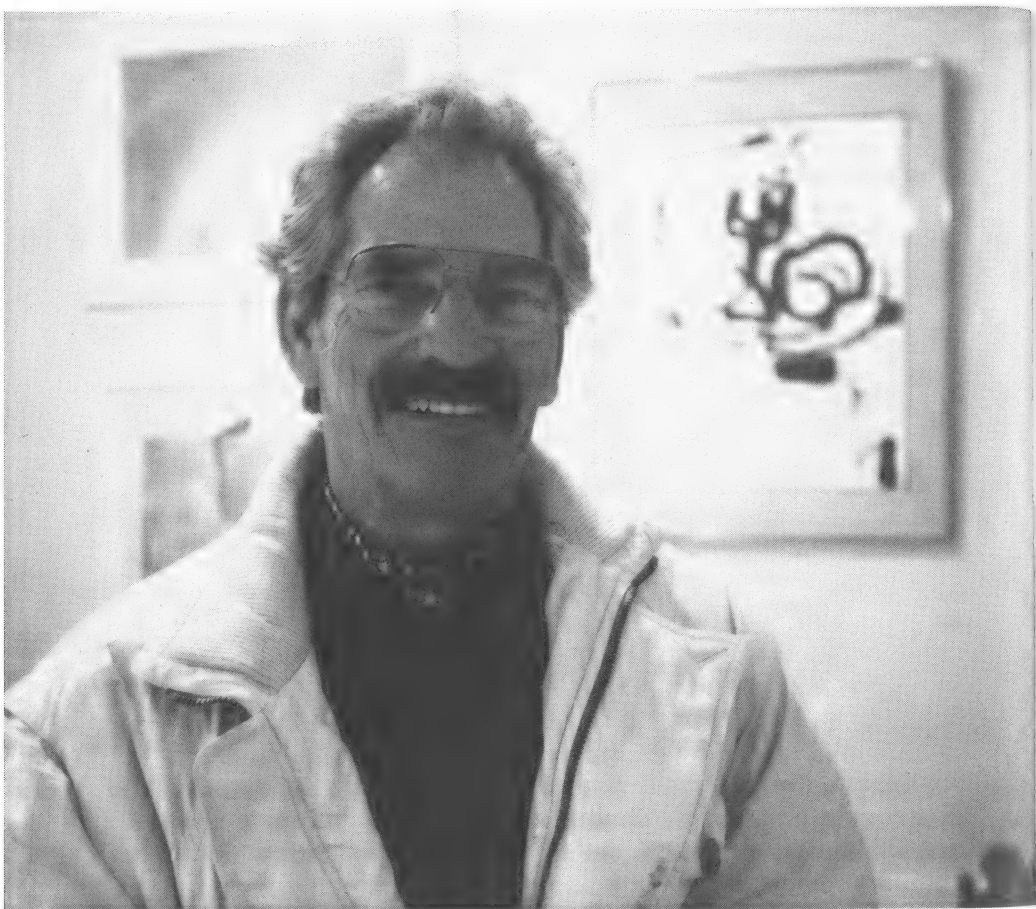
Эндрю Романов родился шестьдесят шесть лет назад в Англии. В каталогах выставок о нем написано «русско-итальянского происхождения», поскольку отец его матери был итальянец, а мать русская.

Судьба бросала Эндрю от английского королевского двора к английскому флоту, от конвоев в Северном Ледовитом океане и высадки союзников в Нормандии к США, где он под небом Калифорнии понял, что живопись, фотография и ювелирное дело и есть его жизненные призвания.

Отец Эндрю, которого тоже звали Андрей, также был художником, как и сестра его бабки, Ольга Александровна, прирожденная художница. Отец Эндрю был старшим из шестерых сыновей великого князя Александра Михайловича.

В эмиграции бабушка Ксения и некоторые из ее многочисленных детей поселились в Англии, королева Англии приходилась Ксении теткой и распорядилась, чтобы племяннице предоставили подобающее жилье. Семья дружила с английской королевской семьей.

Эндрю учился в английской школе, а когда началась война, поступил во флот. Высокие чиновники при английском дворе крайне удивились,

Эндрю Романов, или князь Андрей Андреевич, в галерее, принадлежащей гильдии художников, членом которой он является, на выставке коллег. Пойнт Рейс Стейшн, штат Калифорния, 1989 год

когда молодой русский князь не захотел быть офицером, что легко было устроить. Но он предпочел стать простым матросом.

Он служил на борту английского военного корабля «Шеффилд», флагмана конвоев в Советский Союз, и так первый Романов вернулся в Россию, двадцать лет спустя после революции, в качестве простого матроса в Мурманске.

— Мы провели в Мурманске пять дней. Услышав мою фамилию и поняв, кто я такой, русские сказали: «Ну, это дело забытое».

Сказано великодушно, принимая во внимание, что почти двадцать родственников молодого матроса были зверски убиты большевиками. Но тогда многие были жестоко и бессмысленно убиты, а еще больше в годы между гражданской войной и встречей в Мурманске.

Затем Эндрю Романов участвовал в высадке в Нормандии. Он вспоминает, как однажды утром, бреясь, выглянул в иллюминатор: по воде плыли трупы. Во время боя Эндрю находился глубоко в трюме.

— Я знал, что, если в нас попадет торпеда, у меня не будет ни малейшего шанса выбраться на поверхность. Там, на корабле, я понял суть жизни и смерти.

После войны молодого матроса потянуло на сельское хозяйство, и он год работал практикантом на английской ферме, чтобы получить профессию агронома.

— Но я влюбился в жену хозяина, и мне пришлось оттуда убраться. Потом я работал в древопитомнике.

Вместе с двоюродным братом Никитой Никитичем Эндрю в 1949 году приехал в США на грузовом корабле, везшем скаковых лошадей, голубей и восьмерых пассажиров. Два молодых русских князя, одетые в корректные черные костюмы и длинные пальто, пересекли на автобусе Американский континент. В Калифорнии их ждал «дядя Вася» (князь Василий Александрович), обещавший о них позаботиться.

Почему Эндрю не захотел остаться в Англии? Во флоте ему нравилось, там не надо было притворяться. Но на берегу он чувствовал себя не в своей тарелке. Можно немного понять его ощущения, зная, как он в юности раздумывал, не поменять ли фамилию на материнскую: Сассо-Руффо, «чтобы меня принимали таким, как я есть, а не за мою фамилию».

В США, очевидно, подобных проблем не возникало. Сначала он занимался научной работой вместе с дядей в компании «Калифорния Пэкинг», оттуда его хотели послать в сельскохозяйственный университет, но вместо этого он учился по линии «вэлфер», социального обеспечения, а также криминологии в Калифорнийском университете в Лос-Анджеле-

се. Затем он в быстром темпе, на американский манер, менял профессию за профессией вплоть до 1972 года.

Он замещал на время каникул маклеров в парокходствах, был агентом по продаже недвижимости, работал портовым служащим и дизайнером. Потом он в течение шести лет был столяром и плотником. Еще в университете он женился и от первого брака имеет сына Алексея; после развода он женился вторично на Кэтлин Норрис (внучке писательницы Кэтлин Норрис).

Кэтлин умерла от воспаления легких в 1967 году, и он остался один с двумя сыновьями; в частности, из-за этого он поселился в маленьком идиллическом городке Инвернесс в заповедной зоне к северу от Сан-Франциско. Окрестности на удивление красивы, пологие зеленые холмы сменяются отвесными горами, а Тихий океан плещется у многокилометровых пляжей, где во время отлива кипящая кишат кулики и утки, где можно увидеть лежащих на отмелях тюленей, которые с интересом наблюдают за движением автомобилей на шоссе на расстоянии пятидесяти метров.

Эндрю приехал туда во время классической калифорнийской эпохи хиппи, что не могло не повлиять на него. Он начал учиться живописи у художницы Инес Сторер, которая стала его третьей женой. У нее было четверо детей-подростков.

— Эндрю — художник-примитивист, — говорит она с энтузиазмом. — У него нет формального образования, он пишет по интуиции, опирается на фантазию. Его искусство подсознательное и неаналитическое, но полное юмора.

Картины Эндрю абсурдны, фантастичны и порой несколько непристойны. Зато сделанные им художественные фотографии, которые я видел, совершенно иные, классически строгие.

Даже в Сан-Франциско нелегко прокормить семью искусством, и с 1972 года Эндрю Романов также занимается ювелирными работами, мастера серьги. Сейчас он свертывает дела фирмы. Сыновья его стали один инженером-строителем, другой автомехаником, третий владеет фирмой по производству балдахинов.

Эндрю Романов является членом гильдии художников в городе Пойнт Рейс Стейшн, которая имеет свою галерею. В ней выставлялись советские художники, и в ответ Эндрю и Инес получили приглашение весной 1990 года показать свои работы в Ленинграде. Вот уж поистине мероприятие в духе перестройки: внук сестры последнего царя приезжает с выставкой в бывшую столицу семьдесят три года спустя после свержения царизма!

В зажиточных кварталах на 66-й Восточной улице Манхэттена живет праправнук Николая I. Это историк Никита Никитич Романов, родившийся в 1923 году в Лондоне, отец князя Федора Никитича, 1974 года рождения, который ходил в школу на Парк-авеню, где приятели звали его Тэд.

Князь Никита Никитич прожил первые семь лет в Париже, но затем семья вернулась в Англию, где он пошел в школу. После второй мировой войны он в 1946—1947 годах служил в английской армии, а потом переехал к «дяде Васе» (князю Василию Александровичу) в Калифорнию, где поступил учиться в университет в Беркли и получил дипломы: магистра в 1956 году и доктора философии в 1960-м. Он преподавал историю в университете Сан-Франциско и вместе с Робертом Пейном написал очень интересную, длинную — в пятьсот страниц — и, судя по всему, исчерпывающую биографию Ивана Грозного (вышла в Нью-Йорке в 1975 году). Когда мы заводим разговор о династических ухищрениях Владимира Кирилловича и о раздорах в семействе, Никита Никитич припоминает разные исторические прецеденты. Никита Никитич несколько раз встречался с претендентом Владимиром Кирилловичем, в частности у своей бабушки Ксении Александровны в Хэмптон-Корт, а также на упоминавшейся выше церемонии, когда одна из двух русских православных церквей на Американском континенте причислила убиенных Романовых к лику святых.

Я спрашиваю Никиту Никитича, что он, как историк, думает о данных Нины Берберовой, будто красавец великий князь Дмитрий Павлович был любовником великого князя Николая Михайловича. Он с удивлением отвечает, что это для него новость: было повсеместно известно, что гомосексуалистом был Сергей Александрович, а также Феликс Юсупов, но сведения о Дмитрие Павловиче для него в новинку. Никита Никитич не шокирован, только удивлен.

Долгое время он регулярно общался с эмигрантом Александром Керенским, последним демократически назначенным премьер-министром России, который вынужден был спастись бегством после захвата власти большевиками; тому было что порассказать молодому историку о его предках. Керенский, который жил в районе Восточной 90-й улицы в Нью-Йорке, мечтал написать книгу вместе с Никитой Никитичем; можно лишь пожалеть, что мир не дождался этой книги, написанной «Александром Керенским и князем Романовым».

Князь Никита Никитич женат на американке Дженет Шонвальд, мо-

ложе его на десять лет. Она знает русский язык, а кроме того, японский и монгольский.

Раньше Никита Никитич был английским подданным, но сейчас у него американский паспорт. Его отец Никита Александрович не имел гражданства, и Никита Никитич вспоминает, как сложно было путешествовать. Сам он говорит по-русски изысканно и аккуратно.

И он бывал на родине предков, даже два раза. В Москве он жил в гостинице «Националь», к нему приходили два корреспондента ТАСС брать интервью, в двух шагах от Кремля, принадлежавшего его предкам. «Значит, вы теперь вернулись домой?» — спросили советские журналисты, впрочем не делая никаких политических выводов.

Он также поездил по России, посетил Новгород, Ленинград, Крым: Ялту и Ливадию, бывшее имение Николая II, где в конце второй мировой войны проходила Ялтинская конференция. Историк Никита Романов с восторгом вспоминает, как советский гид рассказывал об этой конференции между Черчиллем, Рузвельтом и «советским представителем» — гиду не хотелось называть Сталина.

В Крыму Никита Никитич также побывал в имении своего деда Ай-Тодор. Он встретил старика, который много десятилетий назад мальчиком играл с его отцом и «дядей Васей», угощавшими его шоколадом.

Князь Никита Романов с американским паспортом без труда получил советскую визу. Он рад, что съездил туда, хотя впечатления у него сложились самые печальные. Люди были бедно одеты, говорит он, поспешно добавляя, что это было семнадцать лет назад. Плохие рестораны, говорит он, и кто бывал в СССР, не может ему возразить; не порадовало его и качество тканей в ГУМе, и бесконечные очереди, не говоря уже про «Березку», валютные магазины, где иностранцы покупают все, что хотят, а русские не могут купить даже зонтика.

Всего несколько лет назад официальная советская пресса заклеимила бы подобные высказывания как антисоветские. Сегодня отзывы Никиты Никитича о России блекнут рядом со шквалом критики, обрушившейся со страниц советских газет: тут слышны гораздо более крепкие слова в адрес «Березок» и дискриминации советского населения.

Князь Никита Никитич прекрасно сохранился для своего возраста, он учтив и приятен в обращении и похож на одного из тех скромных интеллигентов, которые так старательно и осторожно подбирают слова, что не сразу замечаешь, насколько они откровенны. Он в хороших отношениях с

движущей силой семейного союза Николаем Романовичем и вместе с ним разделяет увлечение историей своего рода, что не исключает стремления добросовестного историка к объективности.

Наверное, интересная судьба — быть историком и происходить из рода, история которого на десять поколений назад тесно переплетена с всемирной историей.

Вернутся ли они?

Нет, Романовы едва ли вернутся на российский престол. Правда, в новейшей европейской истории есть поразительный пример монархической реставрации одновременно с эффективной демократизацией, которой так не хватает Советскому Союзу: Испания в эпоху короля Хуана-Карлоса.

Но как бы ни было поразительно развитие Испании и как бы ни была велика заслуга Хуана-Карлоса, проводить параллели здесь бессмысленно. Диктатор Франко сам демонстративно подготавливал реставрацию монархии. Но даже отвлекаясь от монархических элементов в испанской диктатуре Франко, в то время как советскую диктатуру можно словами Николая Романовича назвать самодержавной; даже отвлекаясь от того, что испанская диктатура продержалась вдвое короче существования Советской власти на сегодняшний день, нужно отметить, что в Испании мы имеем один фактор, который, к сожалению, начисто отсутствует в истории СССР.

Во время диктатуры Франко Испания постоянно поддерживала контакты с остальной Западной Европой, страна не была отрезана от окружающего мира. Подпольные испанские политики наладили связь с политиками западноевропейских демократий, и, когда Франко умер, почва была готова для демократизации.

В то время как испанские границы были открыты, между Восточной и Западной Европой опустился железный занавес, и Советский Союз был прочно изолирован от всего мира. У советских руководителей редко есть хотя бы теоретическое представление о подлинной демократии, у них

нет никакого практического опыта демократической работы. И это не просто препятствие для быстрой и истинной демократизации; это также принесло стране огромные экономические потери. Таким образом, пример России—Советского Союза наглядно подтверждает известное мнение, что в любой революции есть лишь одно положительное зерно: она уничтожает старое зло; зато продолжение революции, как правило, лишь развивает самое дурное из прежнего зла. Ибо конвульсии сами по себе не могут вылечить больной организм. Выздоровление — долгий процесс; ирония в том, что царская Россия при всех своих недостатках начинала вставать на путь выздоровления, когда невзгоды первой мировой войны в сочетании с бездарным руководством царя и царицы привели к Февральской революции 1917 года.

Почему же самодержавие вообще существовало так долго? Как могли продержаться наследственные монархии, несмотря на явный риск, что рожденный управлять страной может не годиться на эту должность?

Когда общество достигает определенного уровня развития, неизбежно возникает вопрос о передаче власти от одного правителя к другому. Наследственная монархия сохранялась не потому, что короли были сильны и силой передавали корону сыновьям, а потому, что у страны еще не появилось развитых общественных институтов, при которых власть могла переходить из рук в руки иным способом. Недостатки наследственной монархии — в частности, возможная опасность, что наследник окажется некомпетентным властителем — были, очевидно, меньше, чем преимущества передачи власти без кровопролития. История России Смутного времени дает нам прекрасную иллюстрацию данного тезиса.

Но по мере усложнения общества и разрастания административного аппарата наследственная монархия уже не может функционировать в своей первоначальной самодержавной форме. Судя по всему, Александр II это понимал, хотя и был убежденным самодержцем. Даже Николай I уже об этом догадывался. Напротив, сомнительно, чтобы это осознавал Александр III. Николай II вообще не заглядывал так далеко вперед. А если у него и возникали подобные мысли, то супруга быстренько их из него вытрясала.

В династии, которая разрослась в девятнадцатом веке вокруг самодержавия, медленно и очень поздно распространялось сознание неизбежности общественного развития. Поначалу Николай II был окружен старшими великими князьями, которые воздействовали на него в реакционном направлении. После их ухода вокруг него собрались молодые великие князья, которые, наоборот, пытались склонить его к конституционной монархии. Если бы им это удалось, возможно, династия Рома-

новых оставалась бы у власти и по сей день. Пожалуй, для них самих это было только к лучшему. И как бы ни развивалась сохранившаяся монархия, она никогда бы не привела к ужасам сталинского времени или к полному экономическому развалу во время Сталина и его преемников. Может быть, это звучит богохульством в ушах прогрессивного жителя Запада, но в разговоре с глазу на глаз большинство советской интеллигенции, хотя бы немного заинтересованной историей, согласится с обоими утверждениями.

На фоне сказанного и рассматриваются в этой книге члены очерняемого столько десятилетий дома Романовых. Правда, историю пишут победители, но, когда побежденных рисуют лишь черной краской, трудно узнать, какими они были до победы. До сих пор представлялось, будто среди Романовых были только подобные Николаю Константиновичу, Сергею и Алексею Александровичам. Но среди них были и Ольга Александровна, Константин Константинович, Мария Павловна-младшая и Николай Михайлович и другие: люди с достоинствами и недостатками, испорченные нездоровым образом жизни и все же часто достойные нашего уважения и всегда достойные справедливого суда потомков.

Дом Романовых в 1917 году

Перечень членов дома Романовых можно найти в официальном придворном календаре за 1917 год, последнем в своем роде. Для незнакомого с династическими правилами глаза этот список кажется, по меньшей мере, хаотическим; члены одной и той же семьи помещены в разных местах из-за того, что шестьдесят членов фамилии перечислены в порядке престолонаследия.

Небезынтересно приглядеться подробнее к этому перечню. Поначалу все в нем понятно. Первым стоит государь, затем его мать, а только потом царица — этот порядок был предметом постоянного раздражения государыни. Во время официальных церемоний в присутствии матери государя он выступал с ней в паре, а государыня шла позади. Подобное отношение между свекровью и невесткой действовало бы на нервы любой невестке, коронованной или нет; но в этом порядке отражен русский обычай. Тому, кто хочет лучше понять его, рекомендуется почитать драму Островского «Гроза».

После двух дам естественным образом идет наследник Алексей, их внук и сын, а на пятом месте мы видим брата государя, великого князя Михаила. Далее же следует невообразимая смесь князей, княгинь и княжон, великих князей и великих княгинь, отношения которых друг к другу невозможно понять из придворного календаря. Почему некоторые князья упоминаются раньше великих князей? Почему некоторые женщины стоят в начале списка, а другие почти в самом конце? На последний вопрос ответить легче всего: жены помещены в списке после мужей, причем вдовы сохраняют свое место и после смерти мужа. Зато дочери оказываются в самом конце перечня, так сказать вне тотализатора.

Положение определенных князей впереди великих князей объясняется тем, что титул «великий князь» носили лишь сыновья и внуки царствовавшего государя. Таким образом, можно было оказаться ближе к престолу представителю старшей ветви и в то же время отстоять на несколько поколений дальше от правившего царя.

В конце списка мы обнаруживаем группу, которую родня иронически окрестила «полусовереннами» (по названию известной английской монеты) — потомки мужчин, женившихся на романовских дочерях и таким образом вошедших в семейство, но не получивших права наследования. Род Лейхтенберг ведет свое происхождение от французского рода Боэрнэ. Одна из урожденных Боэрнэ, Жозефина, рано овдовела и впоследствии вышла замуж за Наполеона, став его первой императрицей. Другая Жозефина Боэрнэ стала шведской королевой, женой короля Оскара I.

Из последнего придворного календаря

1. Царь НИКОЛАЙ II, р. 1868.
2. Вдовствующая царица МАРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1847.
3. Царица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, р. 1872.
4. Царевич АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. 1904.
5. Великий князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1878.
6. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА, р. 1854.
7. Великий князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, р. 1876.
8. Великая княгиня ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1876.
9. Великий князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ, р. 1877.
10. Великий князь АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, р. 1879.
11. Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕДОРОВНА, р. 1864.
12. Великий князь ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1860.
13. Великий князь ДИМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, р. 1891.
14. Великий князь НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1850.
15. Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА МАВРИКИЕВНА, р. 1865.
16. Князь ИОАНН КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1886.
17. Княгиня ЕЛЕНА ПЕТРОВНА, р. 1884.
18. Князь ВСЕВОЛОД ИОАННОВИЧ, р. 1914.
19. Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1887.
20. Князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1890.
21. Князь ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1894.
22. Князь ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1903.

23. Великий князь ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1860.
24. Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. 1856.
25. Великая княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1867.
26. Великий князь ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, р. 1864.
27. Великая княгиня МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА, р. 1866.
28. Князь РОМАН ПЕТРОВИЧ, р. 1896.
29. Великий князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1859.
30. Великий князь МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1861.
31. Великий князь ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1863.
32. Великая княгиня МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1876.
33. Великий князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, р. 1866.
34. Великая княгиня КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1875.
35. Князь АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1897.
36. Князь ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1898.
37. Князь НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1900.
38. Князь ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1901.
39. Князь РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1902.
40. Князь ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1907.
41. Великий князь СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1869.
42. Великая княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, р. 1895.
43. Великая княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, р. 1897.
44. Великая княжна МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1899.
45. Великая княжна АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1901.
46. Великая княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1882.
47. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА (младшая), р. 1890.
48. Княжна МАРИЯ КИРИЛЛОВНА, р. 1907.
49. Княжна КИРА КИРИЛЛОВНА, р. 1909.
50. Княжна ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1906.
51. Княжна МАРИНА ПЕТРОВНА, р. 1892.
52. Княжна НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, р. 1898.
53. Княжна НИНА ГЕОРГИЕВНА, р. 1901.
54. Княжна КСЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1903.
55. Княжна ЕКАТЕРИНА ИОАННОВНА, р. 1915.
56. Великая княгиня МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1853.
57. Вдовствующая королева Греции ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1851.
58. Великая княгиня АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА, р. 1860.
59. Великая княгиня ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, р. 1882.
60. Княгиня ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1890.
61. Княгиня ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1895.

Д а л е е:

62. Князь Александр Георгиевич РОМАНОВСКИЙ,
герцог ЛЕЙХТЕНБЕРГ, р. 1881.
63. Князь Сергей Георгиевич РОМАНОВСКИЙ,
герцог ЛЕЙХТЕНБЕРГ, р. 1890.
64. Княгиня ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА РОМАНОВСКАЯ, р. 1892.
65. Ее императорское высочество ЕВГЕНИЯ
МАКСИМИЛИАНОВНА, р. 1845.

Пояснения к придворному календарю

Можно переставить порядок в списке, нарушив династическую систему. Поскольку все перечисленные лица являются прямыми потомками Николая I, то место в престолонаследии определяется тем, от кого из его четырех сыновей ведется происхождение:

АЛЕКСАНДР II (1818—1881, правил 1855—1881)

КОНСТАНТИН (1827—1892)

НИКОЛАЙ (1831—1891)

МИХАИЛ (1832—1909)

Пометки «внук», «правнук» и так далее означают «внук Николая I» и так далее. Крестом обозначены члены династии, убитые в 1917—1918 годах.

В о - п е р в ы х:

АЛЕКСАНДРОВИЧИ (потомки Александра II)

А. Семья покойного АЛЕКСАНДРА III:

1. + Царь НИКОЛАЙ II, правнук, р. 1868.
3. + Царица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, р. 1872.
4. + Царевич АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, праправнук,
р. 1904.

Его сестры:

42. + Великая княгиня ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, р. 1895.
43. + Великая княгиня ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, р. 1897.
44. + Великая княгиня МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1899.
45. + Великая княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА,
р. 1901.
2. Вдовствующая царица МАРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1847,
мать царя.
5. + Великий князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1878, брат

царя.

46. Великая княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1882, сестра царя.

Б. Семья великого князя ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА:

6. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА, р. 1854, вдова Владимира Александровича.
7. Великий князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, правнук, р. 1876, их сын.
8. Великая княгиня ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1876, жена Кирилла.

48. Княгиня МАРИЯ КИРИЛЛОВНА, р. 1907, их дочь.

49. Княгиня КИРА КИРИЛЛОВНА, р. 1909, их дочь.

9. Великий князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ, правнук, р. 1877, брат Кирилла.
10. Великий князь АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, правнук, р. 1879, брат Кирилла.
59. Великая княгиня ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, р. 1882, сестра Кирилла, замужем за греческим принцем.

В. Вдова великого князя СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА:

11. + Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕДОРОВНА, р. 1864.

Г. Семья великого князя ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА:

12. + Великий князь ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, внук, р. 1860, последний из многочисленных братьев Александра III.
13. Великий князь ДИМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, правнук, р. 1891, его сын.
47. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА (младшая), р. 1890, его дочь, разведенная жена шведского принца Вильгельма.

Кроме того, у Павла Александровича была «супруга вне престолонаследия», или морганатическая, и от нее трое детей. Они не включены в придворный календарь. Морганатический сын также был расстрелян.

- Д. 56. Великая княгиня МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1853, дочь Александра II; замужем за иностранным герцогом.

В о - в т о р ы х:

КОНСТАНТИНОВИЧИ (потомки Константина Николаевича)

- А. 14. + (?) Великий князь НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, внук, р. 1850.

Его морганатическая семья не включена в придворный календарь.

Б. Семья покойного великого князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА:

15. Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА МАВРИКИЕВНА, р. 1865, вдова великого князя Константина Константиновича, который был братом 14.
16. + Князь ИОАНН КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1886, ее сын.
17. Княгиня ЕЛЕНА ПЕТРОВНА, р. 1884, его жена.
18. Князь ВСЕВОЛОД ИОАННОВИЧ, праправнук, р. 1914, сын 16 и 17.
 55. Княжна ЕКАТЕРИНА ИОАННОВНА, р. 1915, дочь 16 и 17.
19. Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1887, сын 15.
20. + Князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1890, сын 15.
21. + Князь ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1894, сын 15.
22. Князь ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1903, сын 15.
60. Княгиня ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1890, дочь 15.
50. Княжна ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1906, дочь 15.
- В. 23. + Великий князь ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, внук, р. 1860, еще один брат 14 и покойного Константина Константиновича.
- Г. 57. Вдовствующая королева Греции ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1851, жила в Греции, сестра 14 и 23.

В - третьих:

НИКОЛАЕВИЧИ (потомки Николая Николаевича)

- А. 24. Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (младший), внук, р. 1856.
 25. Великая княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1867, его жена.
- Б. 26. Великий князь ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, внук, р. 1864.
 27. Великая княгиня МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА, р. 1866, его жена.
 28. Князь РОМАН ПЕТРОВИЧ, правнук, р. 1896, их сын.
 51. Княжна МАРИНА ПЕТРОВНА, р. 1892, их дочь.
 52. Княжна НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, р. 1898, их дочь.

В - четвертых:

МИХАЙЛОВИЧИ (потомки Михаила Николаевича)

- А. 29. +Великий князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1859.
- Б. 30. Великий князь МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1861, жил за границей. У него была морганатическая супруга и дети, не включенные в придворный календарь.
- В. 31. +Великий князь ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1863.
32. Великая княгиня МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1876, его жена.
53. Княжна НИНА ГЕОРГИЕВНА, р. 1901, их дочь.
54. Княжна КСЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1903, их дочь.
- Г. 33. Великий князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1866.
34. Великая княгиня КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1875, его жена, сестра царя.
- Их дети:
35. Князь АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1897.
36. Князь ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1898.
37. Князь НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1900.
38. Князь ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1901.
39. Князь РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1902.
40. Князь ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1907.
61. Княгиня ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1895, замужем за князем Юсуповым.
- Д. 41. +Великий князь СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1869, брат 29—31 и 33
- Е. 58. Великая княгиня АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА, р. 1860, замужем за иностранным герцогом, сестра 29—31, 33 и 41.
- Далее «полусоверены».

Из перечня дома Романовых в момент написания этой книги в живых оставалось только двое: княжна Вера Константиновна (50) и княжна Екатерина Иоанновна (55).

Что такое «великий князь»?

В этой книге многократно употребляется понятие «великий князь». Поэтому уместно будет задать вопрос, что же это такое.

Слово «князь» этимологически имеет то же происхождение, что английское «king» или немецкое «König». По-русски делается различие

между понятиями «царь» и «король»; последнее, в свою очередь, восходит к собственному имени «Карл», то есть Карлу Великому.

До того как в России появились цари, там существовали лишь князья в небольших княжествах, точно так же, как в других уголках Европы существовали короли в небольших королевствах. Когда какой-либо князь становился могущественнее других, он называл себя «великим князем», дабы подчеркнуть свою силу.

В 1547 году великий князь Московский принял титул «царь». Слово происходит от латинского «цезарь». Первым царем был не кто иной, как Иван Грозный, хотя еще Иван III пользовался этим термином для обозначения русских владык. После Петра I российские цари официально именовались «императорами».

Когда в России появились цари, слова «великий князь» вскоре стали обозначать «прямой потомок царя по мужской линии», точно так же, как в других языках употребляется слово «принц».

Когда род Романовых в девятнадцатом веке начал сильно разрастаться, Александр III решил, что великих князей становится чересчур много, что снижало престиж титула и разоряло казну. Поэтому в 1886 году он изменил правила так, что только сыновья и внуки царей стали именоваться великими князьями и получали особое великокняжеское жалованье. После этого изменения правнуки царей носили титул «князь императорской крови». Обращаться к ним следовало «ваше высочество», а не «ваше императорское высочество», и, разумеется, они не имели права ездить в автомобилях с великокняжеским флажком.

Жена великого князя называлась великой княгиней, а дочь — великой княжной. В переводе на западные языки такого различия не делается. Когда Мария Павловна-младшая вышла замуж за шведского принца, она стала шведской принцессой, но сохранила свой русский великокняжеский титул, причем, как ни странно, превратилась из великой княжны в великую княгиню, несмотря на то, что ее супруг великим князем никогда не был. То есть титул великой княжны означает, строго говоря, не дочь великого князя, а «незамужняя великая княгиня». Впрочем, эта терминология сегодня редко имеет значение на практике.

После ограничения Александра III инфляция великокняжеского титула была приостановлена, и к моменту Февральской революции 1917 года насчитывалось всего пятнадцать великих князей, не считая царевича Алексея и его отца Николая II, которые ко всем своим прочим титулам могли прибавить множество великокняжеских, в том числе Финляндии.

Из пятнадцати великих князей семеро были убиты во время гражданской войны. Оставались восемь великих князей; таким образом,

распространенное утверждение, будто «среди водителей такси в Париже в двадцатые годы было полным-полно великих князей», по многим причинам нелепо. Но вполне вероятно, что среди представителей сей славной профессии встречались обычные князья и полковники.

После революции появилось несколько новых великих князей. Претендент великий князь Кирилл пожаловал титул великого князя своему сыну, будущему претенденту Владимиру. Мы уже рассказывали, как князь Гавриил, князь императорской крови, родившийся вскоре после указа Александра III, в конце тридцатых годов получил титул великого князя, ибо риск инфляции среди русских великих князей был столь ничтожен, что великий князь Кирилл мог позволить себе такое великодушие по отношению к старому родичу, который к тому же поддерживал его претензии на престол.

Помимо всего у новоиспеченного великого князя не было детей, которые могли бы и себе потребовать великокняжеские почести.

Позже претендент Владимир Кириллович пожаловал титул великой княжны своей дочери Марии, а титул великого князя внуку Георгию и его отцу, принцу Францу-Вильгельму Прусскому, который принял православие, женившись на дочери претендента Марии. Затем супруги развелись, и нам неизвестно, пользуется ли немецкий принц своим русским великокняжеским титулом. Остальные члены династии, кстати, неоднократно протестовали против последних назначений. Если признать, что глава династии имеет право раздавать титулы, то великий князь Российский Владимир и его внук Георгий сегодня являются единственными русскими великими князьями.

Об именах и фамилиях

В России принято иметь имя, отчество и фамилию. Отчества в русских романах сильно усложняют их перевод на иностранные языки, если переводчик добросовестно передает отчества в русском тексте, вместо того чтобы пользоваться принятой в его языке системой имен.

Однако в рассказе о семействе Романовых отчеств не избежать, поскольку у всех членов семьи одна и та же фамилия (к тому же, как мы помним, до революции у них вообще не было фамилии). В 1917 году в составе династии было четыре Николая, три Дмитрия, три Анастасии, три Ольги, целых восемь Марий и еще множество парных имен. Различать их приходилось путем отчеств. Тем не менее в семье все же оказалось две Анастасии Николаевны и две Марии Павловны, причем из чув-

ства такта было принято говорить «младшая» о дочери великого князя Павла Александровича Марии Павловне, в то время как вдова великого князя Владимира именовалась просто Марией Павловной.

Кстати, вдова великого князя Владимира изначально звалась вовсе не Мария Павловна, а Мари-Александрина-Элизабет-Элеонора, а отцом ее был Фридрих-Франц II Мекленбургский. Выходя замуж за русских великих князей и других Романовых, иностранные принцессы обязательно принимали русское имя; а у их иностранных отцов, как правило, имен было в избытке, чтобы выбрать наиболее благозвучное для русского языка. Почему-то «Мария Павловна» звучит по-русски гораздо лучше, чем «Мария Фридриховна».

Точно так же последнюю русскую царицу звали по-настоящему Виктория-Аликс-Хелена-Луиза-Беатрис. Мать последнего царя была известна под именем Мария Федоровна, на самом деле ее крестили Мари-Софи-Фредерика-Дагмар и звали в обиходе Дагмар. Жену Александра II звали Максимилиана-Вильгельмина-Аугуста-Софи-Мари, и отцом ее, по крайней мере официально, считался Людвиг II Гессенский, что не помешало ей в России стать Марией Александровной. Жену Николая I звали в России Александра Федоровна, как и последнюю царицу, хотя эта первая Александра Федоровна была урожденная Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, дочь Фридриха-Вильгельма III Прусского.

*

Внимательный читатель к тому же, наверное, заметил в этой книге некоторую непоследовательность в написании имен. В придворном календаре вдруг употребляется имя «Елисавета» вместо «Елизавета» и «Димитрий» вместо «Дмитрий», как во всей остальной книге. Написание имен в придворном календаре «торжественное», и поэтому сохранено таковым.

Автор позволил себе лишь отклониться от принятой терминологии и не называть Петра I «Великим». Есть пределы: сей монарх в своем поведении чересчур напоминает Ивана Грозного, и ничуть не удивительно, что Сталин видел в нем пример для подражания.

Заключение

Я заметил, что когда членов династии Романовых благодарят, например, за предоставленные фотодокументы или генеалогические таблицы, авторы книг тщательно пишут «его императорское высочество» и так далее. Я охотно пользуюсь титулами в письме или при непосредственной беседе, но в собственной книге я, как убежденный республиканец, хотел бы ограничиться более простыми обращениями — тем более что Романовы, с которыми мне пришлось встретиться, заслуживают почетных слов сами по себе, а не в силу династического наследства. Начиная работу над этой книгой, я немного беспокоился перед перспективой контактов с Романовыми, во-первых, потому, что брать интервью у эмигрантов об их прошлом задача довольно щекотливая, а во-вторых, речь все же шла о членах императорского дома, к которым еще семьдесят лет назад не положено было подходить ближе, чем на пять шагов, без особого дозволения. Однако меня поразили та щедрость, желание помочь и гостеприимство, которое мне оказали различные члены семейства Романовых. Пусть земля будет пухом князю Василию Александровичу, скончавшемуся перед самым выходом книги. Я также глубоко и искренне благодарю очаровательную княжну Российскую Веру Константиновну, родившуюся до революции; претендента великого князя Владимира Кирилловича и князей Андрея Андреевича (Эндрю Романова), Дмитрия Романовича, Никиту Никитича и полковника князя Пола Романова-Ильинского. Наконец, князь Николай Романович знает лучше меня, скольким я ему обязан за помощь с иллюстративным материалом, за конкретную и неиссякаемую информацию, за списки литературы, за человеческое тепло и поддержку, за терпимость к моим зачас-

тую противоположным мнениям; не говоря уже об его исключительной объективности в пересказе семейного конфликта, в котором он замешан. Ему, а не мне следовало бы написать эту книгу; она была бы значительно лучше, содержала бы в десять раз больше сведений и, может быть, была бы красиво проиллюстрирована собственными рисунками Николая Романовича. Будем с нетерпением ждать его сборников эссе.

В Швеции неоценимую помощь мне оказала моя жена, доктор философии Мария Николаева, которая читала мою рукопись, задавая неприятные, но необходимые вопросы, а также напоминая мне о сегодняшней России. В газете «Дагенс Нюхетер», где я работаю, мне оказал поддержку безвременно ушедший Фредрик Рус, требовательный начальник отдела, который помог мне понять, что эта тема интересна не только для русских и славистов. Мир его памяти. Мы всегда будем помнить его как настоящего журналиста. Другой уважаемый коллега, ветеран публицистики Курт Персон, давал мне дельные советы и утешал меня, когда Фредрик Рус требовал в стопятидесять раз переписать статью. Ингемар Унге и Черстин Коль из самого важного отдела газеты, развлекательной страницы, также поддерживали меня в начале работы, которая вылилась в эту книгу: Черстин, как всегда, поначалу с недоверием, что особенно ценно. Когда работа превысила те шесть статей, с которых начался мой интерес к Романовым, библиотекарь Мэрта Бергstrand из Университетской библиотеки в Стокгольме и коллеги из библиотеки газеты «Дагенс Нюхетер» помогли мне раздобыть книги, которые по всем приметам невозможно было достать.

Мои друзья в штабе шведской армии в Стокгольме пригласили меня в поездку по США на военном самолете через Атлантический океан с посадкой в Исландии и военной базе Гус-Бей в Канаде, и высокие офицерские чины бровью не повели, когда я отклонился от турне Военно-духового оркестра Королевской шведской армии, о котором, собственно, должен был делать репортаж, чтобы встретиться с Верой Константиновой и Никитой Никитичем. Не забудем также, что благодаря штабу армии и оркестру я несколькими годами раньше оказался в Нью-Йорке, где прочитал в местной русскоязычной газете объявление о выходе книги «Наследование российского престола», которая и вызвала интерес к предмету моего исследования.

Оке Рунквист, главный редактор издательства «Бонниерс», поддерживал меня и проявил терпение во время ее написания. Наконец, я считаю своим долгом поблагодарить Литературный фонд Швеции, ибо без него многие из нас не могли бы ни переводить, ни писать собственных книг.

СТАФФАН СКОТТ

Библиография

Антоний Лос-Анджелесский (ред.). Наследование Российского императорского престола. Бриджпорт, 1985.

Берберова Нина. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986.

Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936.

Волею Божией: Альбом о претенденте великом князе Владимире Кирилловиче, его предках и потомках. Частное издание.

Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Нью-Йорк, 1955.

Геринг А. А. (ред.). Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. Париж, 1962.

Давыдов Александр. Воспоминания. Париж, 1983.

Фон Дрейер В. На закате империи. Мадрид, 1965.

Иоффе Генрих. Великий Октябрь и эпилог царизма. Москва, 1987.

К. Р. (вел. кн. *Константин Константинович*). Полное собрание сочинений. Т. 11. Париж, 1966.

Касвинов Марк. Двадцать три ступени вниз. Москва, 1982.

Катков Георгий. Февральская революция. Париж, 1984.

Лотман Юрий. Александр Сергеевич Пушкин. Ленинград, 1983.

Медведев Рой. Они окружали Сталина. Бенсон; Вермонт, 1984.

Николаев Всеволод. Александр Второй — человек на престоле. Мюнхен, 1986.

Родзянко Михаил. Крушение Империи. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Вэлли-Коттедж; Нью-Йорк, 1986.

Солженицын Александр. Архипелаг ГУЛаг. Париж, 1973—1974.

Красное колесо. Узел третий. Март семнадцатого. 1—2. Париж, 1986

Трифонов Юрий. Нетерпение. Москва, 1974.

Шавельский, отец Георгий. Воспоминания последнего протпресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954.

- Юсупов Феликс.* Конец Распутина. Париж, 1927.
- Alexander Michailovich.* Once a Grand Duke. London, 1932.
- Always a Grand Duke. New-York (no year).
- Alexandra Fyodorovna.* The Letters of the Tsaritsa to the Tsar 1914—1916. Stanford University. Stanford, 1973.
- Andreyev Catherine.* Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet Reality and emigre theories. Cambridge University, Press, 1987.
- Bernadotte Lennart* (Prince Lennart). Käre prins, godnatt! Stockholm, 1977.
- Botkin Gleb.* The Real Romanovs. New-York, 1931.
- Buchanan, sir George.* My mission to Russia. London, 1923.
- Burke's Royal Families of the World, 1—2. London, MCMLXXVII.
- Baedekers Russland. Leipzig, 1904.
- Chavchavadze David.* The Grand Dukes. New-York, 1989.
- Chrusjtjov Nikita.* Chrusjtjov minns. Stockholm, 1971.
- Dziak John J.* Chekisty. A History of the KGB. New-York, 1988.
- Enache Nicolas.* La descendance le Pierre le Grand, Tsar de Russie. Paris, 1983.
- Ferrand Jacques.* Aperçu genealogique sur quelques descendance naturelles de Grand-Ducs de Russie au XIXme siècle. Paris, 1982.
- Romanoff. Un album de famille. Paris, 1989.
- Fitzpatrick Sheila.* The Russian Revolution. 1917—1932. Oxford, 1987.
- Gilliard Pierre.* Thirteen Years at the Russian Court. New-York, 1921.
- Gray Pauline.* The Grand Duke's Woman. London, 1976.
- Heller Michail & Nekrich, Aleksandr.* Utopia in Power. New-York, 1986.
- Kirill Vladimirovich* («Cyril, Grand Duke»). My life in Russia's Service. London, 1939.
- Kjellberg Lennart.* Den klassiska romanens Ryssland. Stockholm, 1964.
- Kschessinska (Krzesinska) Mathilde.* Dancing in Petersburg. London, 1960.
- Lincoln Bruce.* The Romanovs. Garden City, 1981.
- Lyons Marvin.* Nicholas II, the Last Tsar. London, 1974.
- Russia in Original Pictures 1860—1920. London, 1977.
- Maria Georgievna* («Grand Duchess George»). A Romanov Diary. New-York, 1988.
- Maria Pavlovna* («Marie, Grand Duchess of Russia»). Education of a Princess. New-York, 1931.
- A Princess in Exile. New-York, 1932.
- Massie Robert K.* Nicholas and Alexandra. London, 1969.
- Mossolov A. A.* (Mosolov). At the Court of the Last Tsar. London, 1935.
- Obolensky Chloe.* The Russian Empire. London, 1980.
- Obolensky Serge.* One Man in His Time. New-York, 1958.
- Olsson Jan Olov.* Leningrad — S:t Petersburg. Stockholm, 1960.
- Paleologue Maurice.* La Russie des tsars pendant la grande guerre. 1—3. Paris, 1921—1922.
- Summers & Mangold.* The File on the Tsar. London, 1976.
- Trotsky Lev.* The Russia Revolution. 1—3. New-York, 1932.
- Troyat Henri.* Daily Life in Russia under the Last Tsar. Stanford, 1979.

Catherine the Great. New-York, 1982.
Viroubova Anna. Memories of the Russian Court. New-York, 1923.
Vorres Ian. The Last Grand Duchess: The Memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna. London, 1964.
Yousoupoïf Felix. Avant l'exil. Paris, 1952.
En exil. Paris, 1954.

Содержание

К русскому читателю	4
<i>Вместо предисловия</i>	7
ТРИСТА С ЛИШНИМ ЛЕТ	13
ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ РОМАНОВЫХ: 1613—1725	14
ВТОРОЕ СТОЛЕТИЕ: 1725—1801	19
ТРЕТЬЕ СТОЛЕТИЕ: 1801—1917	21
СЕМЬ ПОСЛЕДНИХ ЦАРЕЙ	23
Павел	23
Александр I	26
Николай I	29
Александр II	32
Александр III	39
Николай II	49
Михаил	59
ЧЕТЫРЕ ПОЧТЕННЫХ ДЯДЮШКИ	65
Великий князь Владимир Александрович	66
Великий князь Алексей Александрович	68
Великий князь Сергей Александрович	70
Великий князь Павел Александрович	73
КОГДА РОМАНОВЫ ПОТЕРЯЛИ ВЛАСТЬ	75
Февраль и октябрь 1917 года	75

РОМАНОВЫ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ	81
УБИТЫЕ	81
Царская семья	81
«Царь Михаил II»	86
Алапаевск	86
В Петропавловской крепости	94
Одинокий Романов в Ташкенте	101
ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ	107
АЛЕКСАНДРОВИЧИ	109
Вдовствующая царица датского происхождения	109
Приключения граждан Романовых в Крыму	113
Когда Дагмар вернулась на родину	118
Младшая сестра государя	121
Семья будущего претендента	137
Несостоявшийся царь Кирилл	148
Двое сирот: Мария и Дмитрий	160
Без отца и матери	162
Великая княгиня в изгнании	182
Великий князь Дмитрий Павлович	191
КОНСТАНТИНОВИЧИ	205
Князь Гавриил и повседневная жизнь Романовых	208
НИКОЛАЕВИЧИ	224
Настоящий русский вояка — полный противоречий	224
Мирный брат великого вояки	232
Вояка в изгнании	234
МИХАЙЛОВИЧИ	235
ОТЕЦ РУССКОГО ВОЕННО-ВОЗДУШНОГО ФЛОТА	236
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ДЕТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА	253
Андрей Александрович	253
Федор Александрович	255
Никита Александрович	255
Дмитрий Александрович	255
Ростислав Александрович	255
Василий Александрович	256
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	258
Были ли другие?	258
Правнуки царя-освободителя	258
Потомки генерал-адмирала	260

Побочные великокняжеские линии	261
Балерина великого князя и другие	261
ГДЕ ОНИ ЖИЛИ?	263
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И РОМАНОВЫ	268
РОМАНОВЫ СЕГОДНЯ	275
АЛЕКСАНДРОВИЧИ	275
Нынешний русский царь	275
Раскол по вопросу русского престолонаследия	282
Полковник морской пехоты США	289
КОНСТАНТИНОВИЧИ	296
Ее братья стали иконами	296
НИКОЛАЕВИЧИ	307
Движущая сила семейства	307
Директор банка, русский князь и социалист	313
МИХАЙЛОВИЧИ	316
Последний князь царской эпохи	316
Художник из Калифорнии	321
Историк князь Никита	325
ВЕРНУТСЯ ЛИ ОНИ?	329
ДОМ РОМАНОВЫХ В 1917 ГОДУ	332
Из последнего придворного календаря	333
Пояснения к придворному календарю	335
Что такое «великий князь»?	338
Об именах и фамилиях	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	342
БИБЛИОГРАФИЯ	344

Стаффан Скотт

РОМАНОВЫ
ЦАРСКАЯ ДИНАСТИЯ.
КТО ОНИ БЫЛИ?
ЧТО С НИМИ СТАЛО?

Редактор
Л. РЫТВИНА
Художники
А. ДАНИЛИН, Н. СТАРЦЕВ
Технический редактор
Н. ЗАУЗОЛКОВА
Корректор
Н. КУЗНЕЦОВА

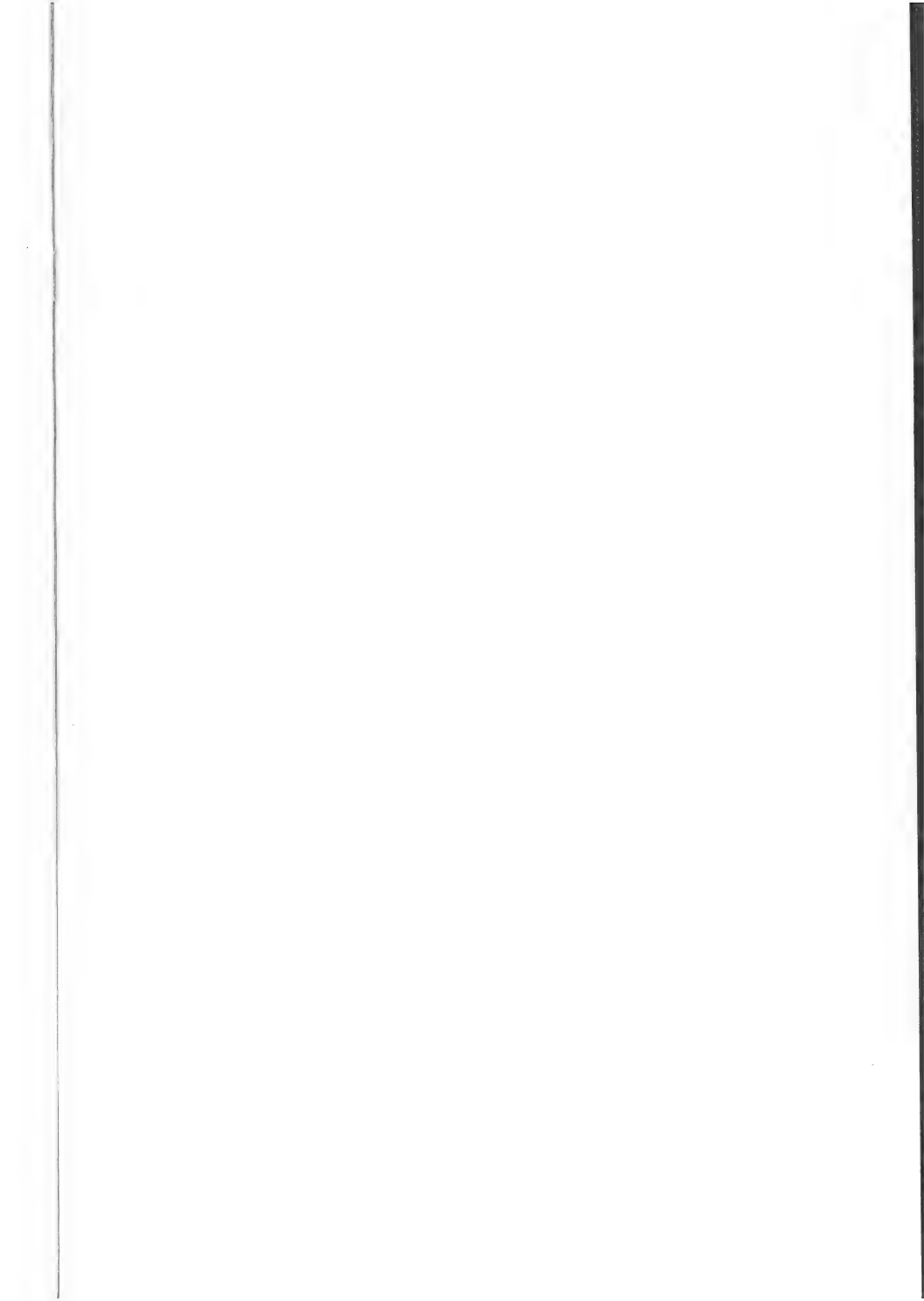
Иллюстрации отпечатаны с диапозитивов
издательства «БОННИЕРС»
Стокгольм, Швеция.

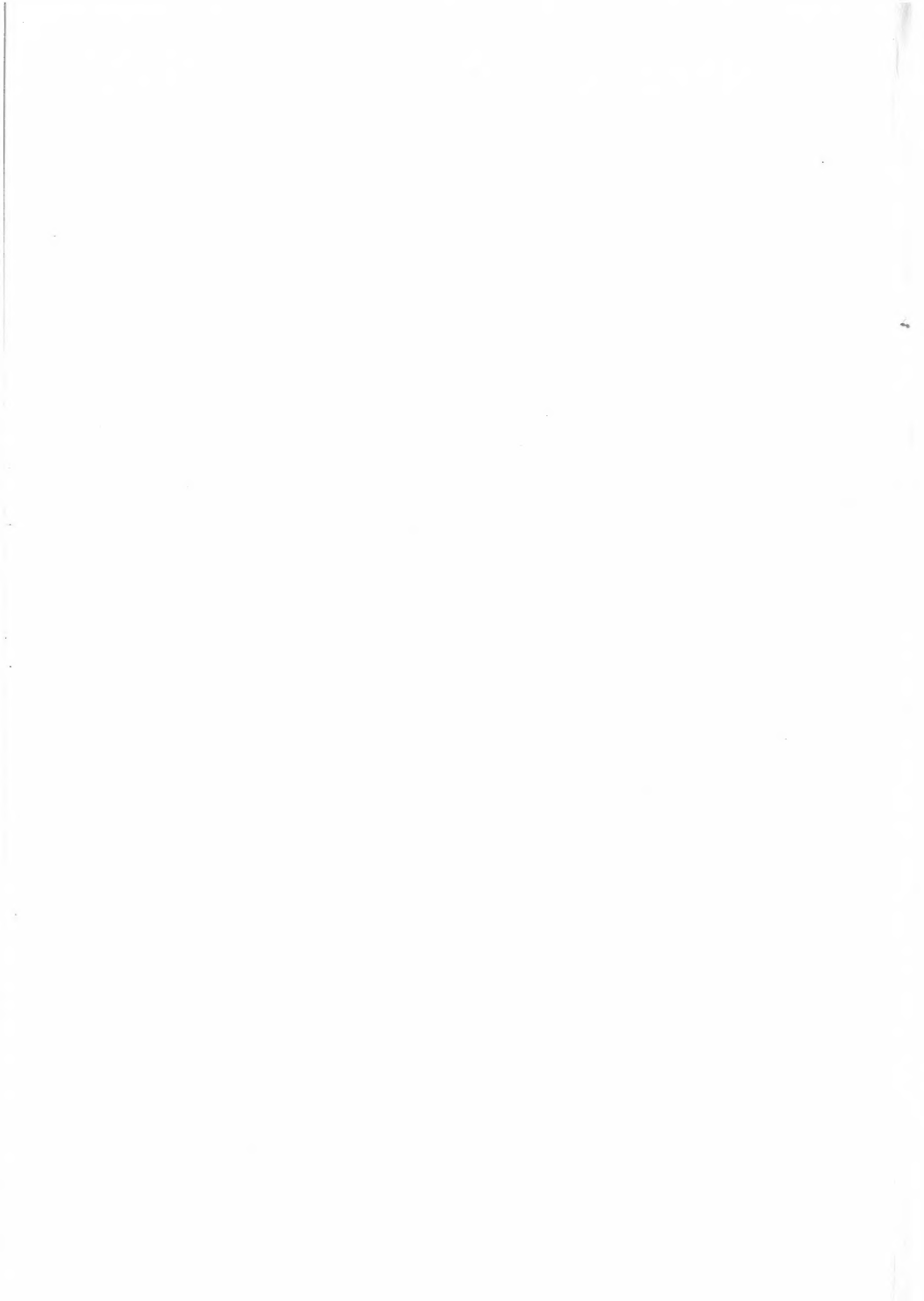
Текст отпечатан с диапозитивов
издательства СП «ВСЯ МОСКВА»

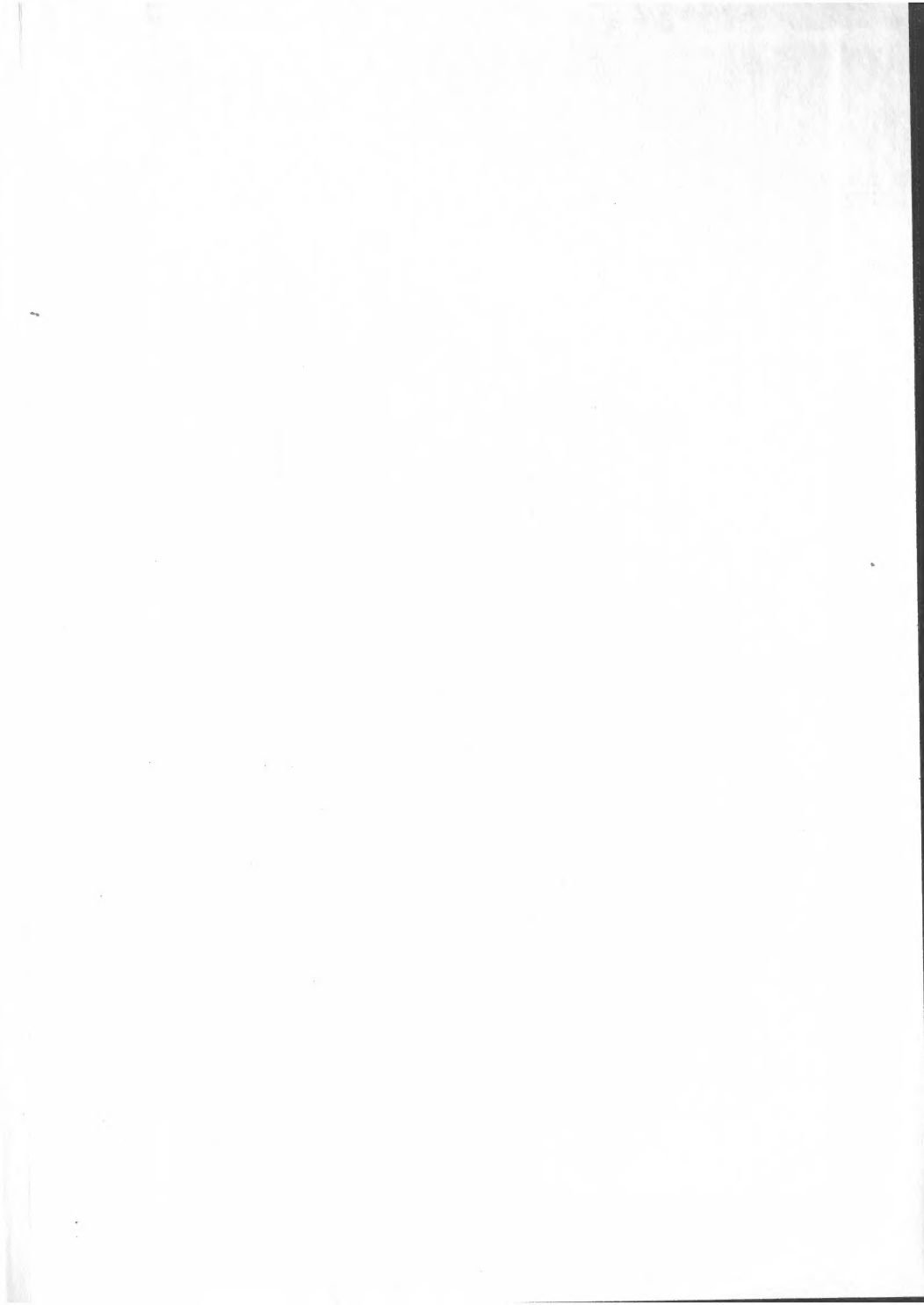
Сдано в набор 15.01.92. Подписано к печати
16.12.92. Формат $60 \times 84^{1/16}$. Бумага офсетная
№ 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Усл. кр.-отт. 20,46. Уч.-изд. л.
25,82. Тираж 50 000 экз. С 1. Заказ № 303.

Издательство «ЛАРИН»
620055, Екатеринбург-55, а/я 790

Отпечатано на издательско-полиграфическом
предприятии «Уральский рабочий».
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Samuel Johnson

PROVERBIAL